

ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2020, № 10

Санкт-Петербург
2020

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2020, № 10

Saint-Petersburg
2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., профессор Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Бахавиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Бор В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Керимов А.Д., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный редактор «Российского журнала правовых исследований», доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Багаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Даниила Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Украины (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2020

© Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2020

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal “Legal science: history and the present”, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Professor of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Kerimov A.D., Chief Scientist at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of Russian Journal of Legal Research, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter B, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2020

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities
«University», 2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала «Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабидулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Member of the Bureau of the Presidium of the Russian Bar Association; Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair and Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Professor of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Корнев А.В., Липень С.В., Черногор Н.Н., Сидоренко А.И.</i>	Профессору Валерию Васильевичу Лазареву – 80!	11
<i>Сальников В.П., Захарцев С.И., Исмагилов Р.Ф., Хабибулин А.Г.</i>	Научное творчество классика теории государства и права, профессора В.В. Лазарева обгоняет время. К 80-летию юбиляра. Фундаментальный трехтомник о праве. Рецензия-размышление о научном издании В.В. Лазарева «Избранные труды» (в 3 т.) / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010»	16
Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве		
<i>Емелин С.М., Хакимов С.Х.</i>	С.К. Вязмитинов и формирование новой полицейской структуры городов Российской империи (на примере Уфы 1816 года)	45
<i>Литвинов Н.Д., Панченко С.О.</i>	Княгиня М.А. Щербатова как предполагаемая виновница дуэли между Э. де Барантом и М.Ю. Лермонтовым. Криминологический портрет	59
Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность		
<i>Керимов А.Д.</i>	Выборы Президента Российской Федерации (конституционно-правовой анализ)	82
Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс		
<i>Мурзабулатов У.М.</i>	Арест имущества должника и его принудительная реализация, есть не что иное как материальное ущемление должника в рамках законодательства об исполнительном производстве	89
Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс		
<i>Артамонов В.С.</i>	Правовые основы архитектуры безопасности арктической зоны Российской Федерации	92
<i>Силкин Н.Н.</i>	Солдатами победы гордится университет!	103
<i>Ключников Д.Д.</i>	Социальные медиа в решении актуальных политических проблем	113
<i>Рожков А.А., Дзьоник Д.В.</i>	Социально-психологические факторы вовлечения несовершеннолетних в организации, разделяющие идеологию АУЕ	116

**Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс.
Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность**

<i>Третьяков И.Л.</i>	Учение о преступлении в российском уголовном праве. Лекция	120
<i>Захарцев С.И., Гаранин А.О.</i>	История возникновения и развития оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности»	136
<i>Белоусов С.В., Рязанова Е.Н.</i>	Тенденции развития наркоситуации и наркопреступности в современной России	146
<i>Безрядин В.И., Зверькова А.В., Кондрат И.Н.</i>	Взаимодействие руководителя следственного органа со следователем и прокурором в досудебном уголовном судопроизводстве (некоторые проблемные вопросы)	151

**Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная
и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат**

<i>Очередько В.П., Скорик Д.Д.</i>	Вопросы становления и развития института присяжных заседателей в России	157
<i>Бородин В.В., Ионов В.В.</i>	Адвокатура как институт гражданского общества	162

**Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право.
Иностранное право**

<i>Новикова М.М.</i>	Ответственность государств за неисполнение или длительное неисполнение решений ЕСПЧ	172

**Философия права. Правовая культура
и правосознание. Социология права и юридическая психология**

<i>Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.</i>	К вопросу о философских и богословских предпосылках понимания права как формы различения добра и зла	179

Информация для авторов	194

CONTENTS

<i>Kornev A.V., Lipen S.V., Chernogor N.N., Sidorenko A.I.</i>	<i>Professor Valery Vasilievich Lazarev is 80!</i>11
<i>Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I., Ismagilov R.F., Khabibulin A.G.</i>	Scientific creativity of the classic of the theory of state and law, professor V.V. Lazarev is ahead of time. To the 80th anniversary of the hero of the day. A fundamental three-volume book on law. Review-thinking about a scientific publication by V.V. Lazarev «Selected Works» (3 volumes) / V.V. Lazarev; Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Jurid. firm "Yust". – M.: New justice. 2010" 16
Theory and history of law and state. History of law and state doctrines	
<i>Emelin S.M., Khakimov S.Kh.</i>	C.K. Vyazmitinov and the formation of a new police structure in the cities of the Russian empire (on the example of Ufa in 1816)..... 45
<i>Litvinov N.D., Panchenko S.O.</i>	Princess M.A. Shcherbatova as the alleged culprit of the duel between E. de Barant and M.Yu. Lermontov. Criminological portrait 59
Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities	
<i>Kerimov A.D.</i>	Elections of the President of the Russian Federation (constitutional and legal analysis)..... 82
Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings	
<i>Murzabulatov U.M.</i>	The seizure of the debtor's property and its enforcement is nothing more than material infringement of the debtor within the framework of the legislation on enforcement proceedings 89
Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process	
<i>Artamonov V.S.</i>	Legal basis of the arctic zone security architecture of the Russian Federation 92
<i>Silkin N.N.</i>	The university is proud of the soldiers of victory!..... 103
<i>Klyuchnikov D.D.</i>	Social media in solving current political problems113
<i>Rozhkov A.A., Dzionik D.V.</i>	Socio-psychological factors of involvement of minors in organizations that share the ideology of AUE.....116
Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities	
<i>Tretyakov I.L.</i>	The doctrine of crime in russian criminal law. Lecture..... 120

<i>Zakhartsev S.I., Garanin A.O.</i>	The history of the emergence and development of the operational-search measures "identity identification"	136
<i>Belousov S.V., Ryazanova E.N.</i>	Trends in the development of the drug situation and drug crime in modern Russia	146
<i>Bezryadin V.I., Zverkova A.V., Kondrat I.N.</i>	Interaction of the head of the investigative body with the investigator and the proceedings (some problematic issues)	151

**Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities.
Advocacy and notary system**

<i>Ocheredko V.P., Skorik D.D.</i>	Formation and development of the institution of jurors in Russia	157
<i>Borodin V.V., Ionov V.V.</i>	Advocacy as a civil society institution	162

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

<i>Novikova M.M.</i>	State responsibility for non-compliance or long-term non-compliance with ecthr decisions	172

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

<i>Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.</i>	To the question of the philosophical and theological prerequisites for understanding law as a form of distinguishing between good and evil	179
Information for the authors		194

КОРНЕВ Аркадий Владимирович,
заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: yalazer@rambler.ru

ЛИПЕНЬ Сергей Васильевич,
профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МПОА), доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

ЧЕРНОГОР Николай Николаевич,
заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

СИДОРЕНКО Андрей Игоревич,
ведущий научный сотрудник отдела судебной практики и правоприменения Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andrew.i.sidorenko@gmail.com

ПРОФЕССОРУ ВАЛЕРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛАЗАРЕВУ – 80!

***Аннотация.** Выдающегося российского ученого, классика современной российской теории государства и права поздравляют с 80-летием его коллеги. Приводятся основные этапы научной деятельности юбиляра, отмечается его высочайшие профессионализм, феноменальная эрудиция и кругозор, замечательные человеческие качества.*

***Ключевые слова:** Валерий Васильевич Лазарев; классик теории государства и права; 80-летие со дня рождения; научно-педагогическая деятельность.*

KORNEV A.V.
LIPEN S.V.
CHERNOGOR N.N.
SIDORENKO A.I.

PROFESSOR VALERY VASILYEVICH LAZAREV IS 80!

The summary. Outstanding Russian scientist, classic of modern Russian theory of state and law congratulate his colleague on his 80th birthday. The main stages of the scientific activity of the hero of the day are given, his highest professionalism, phenomenal erudition and outlook, remarkable human qualities are noted.

Key words: Valery Vasilievich Lazarev; classic of the theory of state and law; 80th birthday anniversary; scientific and pedagogical activity.

25 октября 2020 года выдающемуся ученому-юристу, доктору юридических наук, профессору, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации Валерию Васильевичу Лазареву исполнилось 80 лет. В это трудно поверить. Слишком уж не соотносится его внешний облик с паспортными данными.

Писать юбилейные здравницы в данном случае и легко, и трудно одновременно. Легко потому, что имеет место некий шаблон, включающий в себя традиционный набор пожеланий – здоровья, благополучия, долголетия и прочее, а также перечисление достижений и регалий. И здесь есть риск опуститься до банальностей, чего не хотелось бы допустить. Ведь личность юбиляра уникальна.

Валерий Васильевич не особенно расположен ко всякого рода торжествам, церемониям и прочим знакам внимания к себе лично. Что касается других, то он никогда не скупится на похвалы, если они заслуженные. Их он обычно констатирует в стихотворной форме. К себе он относится по-иному, ровно настолько, насколько позволяет ему сильно развитое чувство самоиронии.

Есть факт – юбилейный день рождения. И здесь уже от самого Валерия Васильевича мало что зависит. Превратить это событие в чисто личное, приватное не получится. Слишком много людей вовлечено в орбиту планеты, именуемой В.В. Лазарев, – друзья, коллеги, ученики и огромная армия студентов, которая «накопилась» за долгие годы его научно-педагогической

деятельности. И у каждой группы, назовем их так, свое отношение к юбиляру.

Ученики, к примеру, испытывают к своему Учителю смешанные чувства, сочетающие восхищение, уважение и... страх. Да, да, именно так. Сказать, что мэтр «мягкий и пушистый» может только тот, кто его совсем не знает. А мы знаем. Лесть применительно к Лазареву должна быть умной и дозированной. Другой он не приемлет. Да, мы, его ученики уважаем и гордимся своим учителем, но и побаиваемся. Даже несмотря на то, что многие из нас давно доктора наук, профессора и уже имеют своих учеников. Тем не менее для нас он высший авторитет, и каждый из нас ловил себя на мысли, что в его присутствии контролирует каждое слово. Нам хорошо известна его мимика, жесты, взгляды с прищуром, в которых читается оценка: доволен он или не очень. Слишком большая честь и большая ответственность быть учеником В.В. Лазарева.

При всей строгости он наделен прекрасным чувством юмора, своеобразной «улыбкой разума», как об этом написал популярный писатель. У него дома висит картина, подаренная нами, учениками, с говорящим названием «Дубовая роща». Валерий Васильевич радовался подарку невероятно. Иронизировал, да и мы вместе с ним, по поводу дубов-учеников и ученической дубоватости.

Многие из нас могут сказать, что В.В. Лазарев буквально сделал нашу судьбу, во всяком случае, в профессиональном и научном смысле этого

слова. Его хлебосольный дом всегда открыт для учеников и коллег. Много раз мы собирались на его даче, расположенной на живописном берегу Волги. Эти встречи всегда были незабываемы. Дистанции несколько стирались, но все равно соблюдались. Никому не приходило в голову похлопать по плечу Учителя, даже после товарищеского ужина.

О друзьях умолчим. Дружба – дело очень личное. Говорить о них – прерогатива самого юбиляра. Что касается коллег, то среди них профессор Лазарев слывет профессионалом высшей пробы. Его хорошо знают не только теоретики права и специалисты в области политических и правовых учений. С пиететом к нему относятся и представители отраслевых наук (напомним, под руководством В.В. Лазарева и под его редакцией были подготовлены и изданы уникальный в своем роде учебник по конституционному праву, отличающийся оригинальной концепцией, Комментарий к Конституции Российской Федерации). Неслучайно он был включен в рабочую группу по разработке поправок в Конституцию Российской Федерации. Было видно, что это его очень увлекло. Далеко не все в юридической корпорации позитивно отнеслись к самим поправкам. Валерий Васильевич не остерегался возможных осуждений со стороны определенной части коллег. Он с энтузиазмом принимал участие в деятельности рабочей группы, не раз выражал удовлетворение тем, что конституционная реформа нацелена на укрепление российской государственности.

О студентах. Их уже несколько поколений. Коллеги разных возрастов с неизменной теплотой вспоминают Лазарева – лектора и «семинариста», как говорят современные студенты. Лекции, по отзывам бывших студентов, были яркими, эмоциональными, афористичными. С первых минут он буквально захватывал аудиторию и «держал» её до конца. И в этом было что-то театральное, актерское. Ему не нужно было отвлекаться на поддержание дисциплины. Потому что интересно. Живо. Ярко. Познавательно. Да и сейчас, даже во время небольшого выступления представить себе Валерия Васильевича Лазарева в роли монотонно говорящего «пономаря» невозможно. Кроме очевидной харизмы он блестяще использует голос при работе в аудитории, повышая и понижая децибелы там, где нужно активизировать внимание публики. Фирменный стиль

Лазарева. Ни с кем спутать невозможно.

С первого взгляда может показаться, что профессор Лазарев происходит из академической среды, потомственный ученый. Отнюдь, это не так. Родился он в обычной семье в Горьковской, ныне Нижегородской, области. Отец погиб в 1941 году, обороняя Москву. Увы, печальная судьба сотен тысяч его сверстников. Воспитывала его мама, удивительная женщина, в определенной мере символ глубинной, коренной России. Вообще отношения с мамой – тема особая, очень трогательная, деликатная. Вторгаться в нее не будем, чтобы не проявить бестактность. Даже если отношения сегодня существуют лишь в памяти.

Будучи мальчиком, он со своими товарищами ходил за много километров в школу. И вот однажды, как пишут в романах, ребят застигла жесточайшая метель. В снегу они вырыли пещеру и несколько суток укрывались в ней, пока их искали. К счастью, они не замерзли. Было решено поселить их в райцентре, где была школа, и зарегистрировать. Так в его жизни появился паспорт – документ, удостоверяющий личность, говоря казенным языком. Это был счастливый билет, пропуск в будущее. Он давал возможность уехать и штурмовать юридический факультет прославленного Казанского, бывшего Императорского, университета.

По его окончании В.В. Лазарев был оставлен на кафедре и рекомендован в очную аспирантуру юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Его научным руководителем был профессор А.И. Денисов – личность в теоретической науке легендарная.

Выбор темы кандидатской диссертации был совсем не прост. Молодой Лазарев хотел заниматься пробелами в праве. Для того чтобы писать диссертацию по этой проблематике, да еще и пытаться ее защитить, требовалась определенная смелость. Сама тема была уязвима для критики. Говорить о пробельности советского права было не принято. Считалось, что в советском праве пробелов нет, т.к. оно является высшим и самым совершенным типом права. Одним словом, такая затея со всех точек зрения была делом рискованным. Забегая вперед, стоит отметить, что рискованность, здоровая провокативность, разумная смелость в науке, в том числе в плане постановки проблемы, – черта, особенно

свойственная В.В. Лазареву. Е.А. Скрипилев, выдающийся историк-юрист, человек феноменальной эрудиции и кругозора, однажды одному из авторов этих строк сказал: «Вообще, у твоего шефа бывают закидоны». Сделал он это по-доброму, с искренним уважением.

Андрей Иванович Денисов согласился с такой темой и все-таки напутствовал Валерия Васильевича следующим образом: «С этой темой или грудь в крестах, или голова в кустах». Знал, о чем говорил. Он и сам когда-то подвергся жесткой критике со стороны А.Я. Вышинского (Вопросы теории государства и права. М., 1949). Времена тогда были непростые. Могло все закончиться очень печально, как это произошло со многими. Но судьба была более благосклонна по отношению к А.И. Денисову.

Для Лазарева тоже все сложилось благоприятно. После защиты кандидатской диссертации он вернулся Казань и вел научно-педагогическую жизнь. Необычной она была в том смысле, что он много писал, выступал на конференциях, оппонировал, покорял горы, осваивал различные виды туризма. И старался поддерживать отношения с корифеями советской теоретической науки. Со многими был дружен, «принят в домах», как говорили раньше.

Помимо пробелов в праве, Валерий Васильевич стал серьезно заниматься проблемами правоприменения, теоретическими и методологическими вопросами юридической науки. Из-под пера молодого ученого выходят работы «Пробелы в праве (вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права)» (1969), «Применение советского права» (1972), «Пробелы в праве и пути их устранения» (1974), «Теоретические проблемы методологии исследования государства и права» (в соавт., 1975), «Эффективность правоприменительных актов: Вопросы теории» (1975) и далее «Социально-психологические аспекты применения права» (1982). О Лазареве заговорили на юридических форумах, в юридических вузах и на юридических факультетах, ВНИИСЗ, ИГиП АН СССР и др.

В 1972 году за цикл работ по теории права В.В. Лазарев первым из юристов был удостоен премии Ленинского комсомола в области науки и техники, своеобразной Сталинской премии третьей степени, как в шуточной форме говорит Валерий Васильевич. Случай в юридической науке практически уникальный. Это была

далеко не последняя его награда. В последствие он был удостоен премии Правительства Российской Федерации в области образования (2015), премии имени С.С. Алексеева (2016), премии имени Г.Ф. Шершеневича (2019), ордена Дружбы (2015). Но о премии Ленинского комсомола юбиляр до сих пор рассказывает с особой гордостью. Несомненно, статус «лауреата» тогда еще больше привлек внимание к его обладателю. Внимание было, как мы понимаем, разным.

В 1977 году В.В. Лазарев защищает докторскую диссертацию по теоретическим проблемам правоприменительных актов и их эффективности. В 37 лет! Тогда это было почти дерзостью. В огромной стране знали, кто, например, работает над докторской и будет ее защищать в скором времени. Это сегодня на защиту порой выходят люди, о которых мало что известно. А тогда, чтобы быть опубликованным в издательстве «Юридическая литература», нужно было ждать. Иногда не один год.

К моменту защиты докторской у В.В. Лазарева была уже общесоюзная известность, что предопределило громкий успех. Молодой доктор наук стал еще более частым гостем на различных научных мероприятиях, включая и те, которые проводил ИГиП АН СССР. Строго говоря, слава, если это слово вообще уместно в данном случае, рано настигла юбиляра, но нисколько не навредила ему. Скорее, обязывала.

В 1982 году Лазарев приезжает в Москву, в ореоле известности, имея репутацию серьезного ученого. По приглашению руководства Академии МВД СССР он становится профессором, затем руководителем кафедры государственно-правовых дисциплин. В то время Академия располагала мощнейшим научным потенциалом. Кафедр было не так много, а только докторов наук насчитывалось более сорока.

В конце 1991 года рухнул Советский Союз. В условиях, когда сменился общественно-экономический строй, государство и право становились совершенно другими, большая часть теоретиков права пребывала в состоянии политической и, главным образом, методологической неопределенности. Все буквально в одночасье развалилось. Многие стали в этот период нервно метаться, стараясь предугадать политическую конъюнктуру. Некоторые выбрасывали партбилеты, превращаясь из коммунистов в антикоммунистов. Отказывались, по сути, от своих

прежних взглядов и работ.

Валерий Васильевич не суетился. Он работал. В 1992 году выходит в свет его очень солидное учебное пособие «Теория государства и права (актуальные проблемы)». Вскоре после этого он собрал коллектив и в 1994 году выпустил под своей редакцией учебник «Общая теория права и государства», новые издания которого выходили и в XXI в. Это был единственный на тот момент российский учебник по теории права, который был переведен на китайский язык для использования в учебном процессе КНР.

После Академии МВД юбиляр работал в Государственной Думе в должности заместителя начальника правового управления – постоянного представителя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации. И здесь пригодились многочисленные таланты Валерия Васильевича. Экспертиза законопроектов. Глубочайшее погружение в отраслевые юридические проблемы. Тщательная подготовка к выступлениям в Конституционном Суде. В 2015 году тексты этих выступлений были опубликованы. По этой книге можно учиться мастерству представления интересов законодателя в конституционном процессе. Удачное сочетание разнообразных жанров – от литературного до юридически догматического. Его «оппонент» в Конституционном Суде профессор М.А. Митюков как-то в частной беседе сказал: «Ваш шеф свое выступление очень часто предваряет цитатами Конфуция, Платона, Аристотеля...». Ну что тут сказать? Университетский профессор в повседневной работе Валерия Васильевича «разрывал» мундир «государева» человека. Так что это, скорее, проявление комплиментарности, нежели упрек. А Конфуций с Платоном и Аристотелем принадлежат вечности постольку, поскольку говорили о непреходящем.

После Государственной Думы Валерий Васильевич продолжил профессорскую карьеру в МГЮА, которая теперь носит имя академика РАН О.Е. Кутафина. Он хорошо знал В.В. Лазарева, знал долгие годы, очень ценил и уважал. «Заполучить» такого профессора было большой удачей. В МГЮА Валерий Васильевич читал лекции, писал монографии, статьи, учебники: «Проблемы общей теории Jus» (2013), «История и методология юридической науки» (2015). Вышли в свет несколько изданий Комментария к Конституции Российской Федерации под его общей редакцией. В 2015 году за учебник «Теория государства и права» (в соавт.) он стал лауреатом премии Правительства Российской Федерации в области образования.

В настоящее время профессор В.В. Лазарев работает в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Руководит Институтом его первая ученица Т.Я. Хабриева. Валерий Васильевич любит повторять: «Я, пожалуй, единственный профессор в стране, ученица которого – академик РАН».

Мы рады за своего учителя. Рады за его дочь – Юлию Лазареву – бриллиантовое украшение самой интеллектуальной игры в мире «Что? Где? Когда?». Многие из нас знали ее совсем маленькой. Так же, как и Вы, Валерий Васильевич, переживаем, не спим, когда Юля играет.

Дорогой Валерий Васильевич! Мы Вас очень любим, гордимся Вами! Сердечно поздравляем с юбилеем и искренне желаем Вам здоровья, благополучия, гармонии, реализации творческих планов. Ваши ученики ждут от Вас новых книг, идей, советов, как всегда ярких и вдохновенных выступлений и, конечно же, незабываемых встреч. Знаем, что не осудите строго, не откажете, ибо ответственны за тех, кого создали. Мы никому не верим так, как Вам. Будьте счастливы!

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
Заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан (г. Москва, Россия)
E-mail: 21alik@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

**НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО КЛАССИКА ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ПРОФЕССОРА В.В. ЛАЗАРЕВА ОБГОНЯЕТ ВРЕМЯ.
К 80-летию юбиляра.**

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРЕХТОМНИК О ПРАВЕ.

Рецензия-размышление о научном издании В.В. Лазарева «Избранные труды» (в 3 т.) / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010»

Аннотация. Трехтомник состоит из избранных произведений В.В. Лазарева, изданных в период с 1966 по 2010 год. Автором отобраны наиболее значимые и глубокие работы по теории и истории государства и права. Из совокупности работ очевиден статус В.В. Лазарева как яркого российского юриста, классика теории государства и права, внесшего большой вклад в познание права. Трехтомник издан десять лет назад, а помещенные в нем работы увидели свет значительно раньше. Тем не менее сформулированные в публикациях идеи, приведенные в них мысли автора продолжают оставаться актуальными и сегодня. Автор постоянно обгоняет время.

Ключевые слова: философия; философия права; право; коллективизм; кризис; цивилизация; законность безопасность.

**SAL'NIKOV V.P.
ZAKHARTSEV S.I.
ISMAGILOV R.F.
KHABIBULIN A.G.**

SCIENTIFIC CREATIVITY OF THE CLASSIC OF THE THEORY OF STATE AND LAW, PROFESSOR V.V. LAZAREV IS AHEAD OF TIME.

To the 80th anniversary of the hero of the day.

A FUNDAMENTAL THREE-VOLUME BOOK ON LAW.

Review-thinking about a scientific publication by V.V. Lazarev "Selected Works" (3 volumes) / V.V. Lazarev; Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Jurid. firm "Yust". – М.: New justice. 2010"

The summary. The three-volume edition consists of selected works by V.V. Lazarev, published between 1966 and 2010. The author has selected the most significant and profound works on the theory and history of state and law. From the totality of works, the status of V.V. Lazarev as a brilliant Russian lawyer, a classic of the theory of state and law, who made a great contribution to the knowledge of law. Nevertheless, the ideas formulated in the publications, the author's thoughts cited in them continue to remain relevant today. The author is constantly ahead of time.

Key words: philosophy; philosophy of law; right; collectivism; the crisis; civilization; legality safety.

Перед нами раскрыт трехтомник избранных трудов В.В. Лазарева. И удивительно: после приведенной фразы с одной стороны хочется много-много написать, а в то же время есть желание поступить наоборот – поставить много-точие и взять паузу. С чем это связано? Наверное с тем, что писать рецензию на труды столь значимого российского юриста каким является

В.В. Лазарев весьма трудно. Невольно задумаешься над тем, что, собственно, рецензировать: все труды ученого, его отдельные работы, конкретную статью? Или просто без повода, от души написать о том, сколько много сделал В.В. Лазарев для российской юридической науки, образования, сколько воспитал учеников и последователей, сколько тысяч человек читали его

учебники, цитировали идеи и т.д., и т.п. Наконец, скольким людям юридическая образованность от В.В. Лазарева помогла сохранить жизнь и свободу, защитить здоровье и собственность.

Такие мысли не раз приходили в голову при прочтении названного трехтомника. Он имеет следующее содержание. В первом томе подобраны работы, посвященные закону, законности и правоприменению. Лейтмотивом второго являются пробелы в праве. Третья книга посвящена истории политико-правовой мысли. А в сумме: все о праве – его происхождении, сущности и применении. Собственно, В.В. Лазарев, именно занимаясь применением права со своих первых научных статей, получил известность. Он выбрал нехарактерную для советского времени тему, связанную с пробелами в праве. Писать о пробелах в советском праве было не принято. Считалось, что оно совершенно, а советский законодатель при необходимости всегда вовремя вносит требуемые изменения. Поэтому тема пробелов имела даже политическую окраску и не каждый мог отважиться ее разрабатывать. Хотя на самом деле в ней, как справедливо пишет В.В. Лазарев, наличествуют тонкие, сугубо юридические вопросы, актуальные для государств с любой правовой системой. Как бы то ни было, вспоминает ученый далее, первые статьи, опубликованные в 1967 г., и защита кандидатской диссертации по теме пробелов вызвали реакцию в юридическом мире [65, стр. 9].

Что можно сказать о выпущенных книгах? Если кратко: фундаментальный труд. Работ такого уровня в нашей науке выходит не много. В.В. Лазарев хотя во введении и написал, что опубликование настоящего сборника есть простое тиражирование ранее изданного, но думается что он поступил так из скромности и корректности (что опять же характеризует его как Ученого с большой буквы). Будем объективны, мало кто может похвастаться наличием интересных, зрелых и актуальных научных работ, количество которых едва уместилось в три толстые книги. А рассмотрение их в совокупности дает совершенно другой эффект, чем раздельное чтение. Совокупность трудов образует и наглядно иллюстрирует юридическую школу В.В. Лазарева, ее значение в нашей науке, широту и фундаментальность исследований. А сам ученый предстает как классик юридической науки [105].

Скажем об изданном еще несколько слов.

Что сразу бросается в глаза при ознакомлении с трехтомником и вызывает поддержку? Это то, что в нем представлены как современные, так и ранние советские труды автора. Причем советские труды представлены без «купюр», без «посыпания головы пеплом» и отказа от своих мыслей. В современной России нам не раз приходилось видеть, что вроде бы маститые ученые как двоечники буквально оправдывались за свои цитаты руководителей СССР, обещали исправиться и с ненавистью ругали то, что ранее безудержно восхваляли. Но в ненависти нет объективности. А в таком поведении нет честности, которая для правоведения важна особо. Да и действительно хорошие статьи и книги цитатами вождей не испортишь.

Собственно, автор по этому поводу хорошо сказал сам. Он написал, что очень хотелось бы поколебать скептицизм молодых, сомнеющихся в достижениях на поприще юридической науки в советское время. Удивительное дело – в литературе, в кино, в других областях творческой деятельности именно в годы советской власти достигались общепризнанные мировые результаты. В постперестроечное время свободы, по признанию многих специалистов, их нет. Юриспруденция здесь не исключение, и можно было бы перечислять именно советских юристов, обогативших сокровищницу правовых знаний... И если о чем-то не говорилось, то фиговый листок умолчания только подчеркивал то, что пытались скрыть. Конечно, юридическая литература – особая разновидность литературы, но и в ней можно читать между строк [65, стр. 8].

В.В. Лазарев верно и мудро опубликовал свои советские труды целиком. Именно труды. Они интересны для философии, политологии и само собой – юриспруденции. Кроме того, они уже история, в том числе история государства и права, и пусть эту историю изучают честно.

Иногда в отдельных современных работах почему-то пропадают ссылки на советских юристов. Зачастую присутствуют цитаты российских юристов, но XIX века, а также мелькают мысли... зарубежных ученых: Жан-Луи Берজেя, Г. Бермана, Г. Кельзена. Демонстрации работ советских ученых нет. В этой связи нам понравилось наблюдение А.Н. Савенкова о русской юридической науке XIX – начала XX века. Он констатировал, что видные русские юристы, создавая вполне оригинальные тексты, сами не

могли до конца освободиться от ощущения своей интеллектуальной зависимости от Запада. Для многих из них привычно было смотреть на европейских светил снизу вверх, а ссылаться на их авторитет в научном споре считалось хорошим тоном [93, стр. 108-109]. Такие же процессы, видимо, происходят и сейчас. По крайней мере, к сожалению, мы их наблюдаем последнее тридцатилетие. Но это не в стиле В.В. Лазарева.

Вместе с тем, западный научный мир с большим вниманием относится к российской юриспруденции. Не так давно нашу книгу «Философия. Философия права. Юридическая наука» перевели на английский и издали в Кембридже, где она пользуется спросом [128]. Мы уверены, что такого ученого, как В.В. Лазарев, на Западе тоже знают. Собственно, в нашей книге на него достаточно много ссылок.

Наши взгляды на право с В.В. Лазаревым несколько различаются. Несколько лет назад мы обосновали компрехендную теорию права [44, стр. 77-95]. Предметом этой теории является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции. Разрабатывая компрехендную теорию права, мы высказали мысль, которая то что называется «пришла по вкусу» российским и зарубежным ученым. Ее многократно стали цитировать, перевели на несколько языков мира, стали распространять не только среди юристов, но и среди философов. Мы сравнили право с большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, немало. Однако их и не

так много, как граней бриллианта. Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно диалектически перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех [44, стр. 77].

Наша теория вызвала заметный интерес у ученых [8; 11; 21; 26; 55; 59]. Приятно, что она набирает все большую популярность в юридическом мире.

В.В. Лазарев, по его признанию, является сторонником интегративного подхода к праву. Он вроде бы и соглашается, что для глубокого познания права все определения, если они отражают хоть какую-то часть реалии, полезны [66, стр. 444]. Но сам интегративный подход подразумевает попытки брать лучшее из имеющихся концепций. И право, как пишет В.В. Лазарев далее, в его понимании в идеале более всего вяжется со свободой, с правдой, со справедливостью [66, стр. 446].

Для нас же является загадкой, почему абсолютное большинство ученых стремится право идеализировать, а не оценивать его комплексно, объективно и честно? Право имеет как разумные, так и откровенно бессмысленные черты, проявляется как позитивные, так и негативные грани. Например, в Нидерландах официально разрешена проституция и торговля наркотиками. И эти негативные поступки являются правом жителей названной страны. Незыблемым правом! При интервью они искренне говорят, что право – это в первую очередь свобода и правда, поэтому они как свободные люди честно и с удовольствием употребляют наркотики и занимаются проституцией, что справедливо! Причем заметьте, указанные аморальные поступки по иронии полностью подходят под идеал права как формы свободы, правды и справедливости. Но право в ряде случаев не только аморалка. Право – это в радикальном исламе сведение счетов и обид путем «кровной мести», а убийство неверных там не наказывается. И государства с таким правом имеются. Право – это возможность страны разрабатывать и совершенствовать смертоносное

вооружение, проводить античеловеческие опыты, осуществлять биомедицинские эксперименты, в результате которых появляются самые разнообразные заразные заболевания, нарушается экология. Список негативных, но объективно существующих граней права можно продолжать.

Но можно обойтись и без красноречия, а просто задуматься вот о чем. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет! В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят не только от норм права, но и от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, – что парадоксально! – по сути выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления справедливости. И действительно: право своими процессуальными нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде. Опрошенные нами пятьсот российских и зарубежных адвокатов по гражданским делам признались, что каждый из них (вдумайтесь!) неоднократно предоставлял в суд заведомо искаженную в свою пользу информацию. И искажение информации (умолчание об одних фактах, недостоверная интерпретация других, уничтожение отдельных документов и т.д.) приводит к судебному решению, которое считается правовым и в ряде государств является прецедентом для других судей!

Наконец, с чем вообще не смогли поспорить наши оппоненты, право в ряде случаев представляет собой банальную глупость. Глупость исходящую от первых лиц государства, от парламента, от суда, других чиновников, от прецедентного права и т.п. Коллекции откровенно глупых правовых норм сейчас имеют не только юмористы, но и юристы!

Это же, собственно, относится и к государству. Государство тоже бывает жестоким, кровавым, несправедливым, откровенно грабительским, с глупыми решениями и т.д. И ведь нередко таким бывает! О неоднозначности государства много

написано в третьем томе научного труда [67]. Но ученые государство обычно не идеализируют. Возможно потому, что уж больно очевидна его недостоверность.

Но почему даже такие яркие специалисты как В.В. Лазарев все грани права замечать не хотят, а искусственно возвеличивают только его отдельные позитивные проявления, которые пытаются объединить в интегративный подход, не знаем. А может быть В.В. Лазарев прав: человечество не просто стремится, но и когда-нибудь придет к чистой и светлой (одним словом – идеальной) организации жизни. И в таком идеальном обществе право будет лишь отражением свободы, правды и справедливости.

Сомнения по этому поводу у нас, не скроем, имеются. Идеальное общество должно подразумевать единый подход к культуре, морали и нравственности. На этой основе будет единый подход к правовой культуре, о чем мы не раз писали [94; 95; 96; 97; 102; 103]. Сформировать такой единый подход при весьма различных ценностях, религии, образе жизни и даже банальных человеческих слабостях нам кажется сомнительной идеей. Но все может быть.

Вместе с тем, вызывает восхищение, насколько глубоко, подробно и увлеченно В.В. Лазарев погружается в проблемы права, в его философию и сущность. Он всю жизнь посвятил познанию права и все время его изучает, осмысливает и переосмысливает, постоянно с начала научной карьеры находится в творческом поиске. Именно на основе трудов таких идеалистов-активистов любое явление, в том числе право, познается наиболее хорошо.

В начале данной рецензии мы обратили внимание на обращение Валерия Васильевича в конце 60 – начале 70-х годов XX века к проблеме пробелов в праве. Как известно, именно тогда вышли две его новаторские книги: одна в издательстве Казанского университета, другая в Москве в издательстве «Юридическая литература» [73; 74]. Безусловно, это был очень смелый и в то же время весьма прогностический шаг, определивший многолетнюю, по существу бесконечную, научно-практическую работу по восполнению пробелов в праве.

Увлечись темой пробельности в праве, В.В. Лазарев в то же время видел и пределы правового регулирования. Уже в конце 1970 года в самом авторитетном советском юридическом

журнале он опубликовал интересную и совершенно оригинальную статью, посвященную пределам правового регулирования [79], и провел серию выступлений в ведущих научно-исследовательских учреждениях и университетах страны, включая Институт государства и права Академии наук СССР, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова и др.

Другими словами, с одной стороны, он говорил о пробелах в праве и путях их устранения, а с другой – о рамках, за которые право не должно выходить. Такой подход исследователя свидетельствует о том, что к анализируемой проблеме он подходит всеохватывающе, видит ее с разных сторон. В частности, мы читаем у него:

«Следует заметить, что законность и порядок страдают не только в случаях нарушения действующих норм права, но и при выходе посредством нормотворческих или правоприменительных актов за пределы правовой сферы. Подобные действия нежелательны как с точки зрения интересов личности в... обществе, так и с точки зрения коренных общественных интересов» (Т. II, стр. 167).

Безусловно, это так. И здесь проявляется еще одна очень значимая черта В.В. Лазарева как исследователя, учитывающего в своем творчестве разные подходы к праву и закону. Нам даже представляется, что в своем подходе к вопросам пределов правового регулирования он очень близок к нашей комплексной доктрине понимания права. Чему, например, свидетельствует следующая его идея: «может возникнуть вопрос: не решена ли уже данная проблема в юридической науке и практике? По своему существу проблема пределов сферы правового регулирования не может иметь раз и навсегда найденного решения. Развитие общественной жизни вносит постоянно коррективы в вопрос о фактической принадлежности соответствующих явлений в правовой сфере. Сами они настолько многогранны, что практически всегда затруднительно охватить их даже посредством общих правил. Ни одна кодификация не прекращает дальнейших поисков в области правового регулирования и совершенствования принятых норм» (Т. II, стр. 168).

Это именно те аргументы, которые с успехом можно использовать для обоснования именно

комплексной концепции понимания права. Об этом прямо пишет сам автор, характеризуя пробелы в праве: «На наш взгляд, понимание пробелов в праве производно от понимания права, правового регулирования и его границ» (Т. II, стр. 177).

Символично и то, что исследователь пишет о пробелах в праве и путях их устранения, в том числе и в материале, посвященном проблеме пределов правового регулирования. Это тоже очень значимо и свидетельствует о взвешенном подходе автора к анализу изучаемых проблем.

Здесь важно обратить внимание еще на одну особенность творчества профессора В.В. Лазарева. Говоря о пределах правового регулирования, он обращается к естественно-правовому учению и формулирует следующую мысль: «Едва ли не первыми, кто задавался вопросом о пределах правового регулирования, были сторонники естественно-правовых воззрений. Несмотря на различие в их взглядах и множество оттенков естественно-правовой идеологии, общим оставалось положение, согласно которому позитивное право должно основываться на праве естественном, соответствовать ему, не нарушать его, не выходить за его пределы и т.д.» (Т. II, стр. 167-168).

И далее В.В. Лазарев указывает: «Положительным моментом в классическом естественно-правовом учении следует считать критику беспредельного вмешательства государства во все сферы общественной жизни, указание на нечто такое, чего государство не может добиться ни угрозами, ни наградами. Положительно также и то, что большинство его представителей, идеологов нарождающейся буржуазии, стали “рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии”...» [52, стр. 111].

Марксистская теория, признавая нравственные черты права, отражение в нем человеческих ценностей, вместе с тем отвергает существование надпозитивного права. Она рассматривает право как продукт деятельности людей, как выражение воли господствующего в обществе класса. Поэтому определение сферы правового регулирования является чисто «человеческой» проблемой, связанной с пониманием свободы волеизъявления и поведения людей» (Т. II, стр. 168).

Обратим здесь особое внимание на характеристику права как человеческой проблемы,

связанной со свободой именно людей. Нам показалось, что здесь Валерий Васильевич имел в виду, где-то в глубине своего сознания, опасность беспредельной свободы человека и отражение такой свободы в законе, опасность для общества, мы бы сказали, безудержного либерализма по отношению к конкретному человеку вкупе с забывчивостью его принадлежности к обществу. Когда единоличный человек представляется как сгусток всех имеющихся ценностей общества, в котором он находится, с игнорированием интересов этого общества и государства. Не ведет ли это к господству общества потребления, к превращению ценностей в антиценности, а истинной культуры – в ее массовый эрзац? Не такие ли гипертрофированные ценности подсовывают нам Запад и США? Западные идеалы и ценности [5; 7; 45; 85; 98; 104; 108; 109; 110; 113] в корне отличаются от наших. Нам же их под видом верховенства свободы отдельного человека над всем остальным предлагают западные партнеры. Здесь уже, вероятнее всего, необходимо вести речь о нашей суверенной государственно-правовой идеологии и суверенной русской философии права, на что посягает Запад, что напрямую связано с государственным суверенитетом России.

Человек может свободно жить, развиваться, реализовывать свои права и чувствовать себя достойно лишь в истинно суверенном государстве, со своей суверенной идеологией, философией права и суверенной культурой. В зависимой от других государств, в своей собственной стране человек не может быть свободен. Безудержной свободы у одного не может быть без нарушения свободы другого. Здесь важна внутренняя свобода каждого, видящего границы своей собственной свободы и уважающего свободу каждого другого. Мы должны быть свободными и в то же время цельными во всем: в культуре, искусстве, литературе, идеологии, семье и т.д. Кроме того, обладать внутренней целостностью и ценностью, которые должны быть во всем. Идея полной свободы человека неразумна, это опасно для общества, государства и самих людей. Там, где имеются элементы ее достижения, возникают серьезные проблемы, а если их нет сегодня, то они появятся завтра. Примеры тому – нынешняя Германия и те же США, о чем пишут сами идеологи и политики этих государств [119; 123].

Западная идеология навязывает нам вседозволенность человека и противопоставляет ее

дозволенности общества. В этих условиях нам важно противопоставлять западным партнерам собственную суверенную государственно-правовую идеологию и философию права.

Нам думается, что где-то об этом думал В.В. Лазарев, когда в начале 70-х годов XX века рассуждал о правовом регулировании как чисто «человеческой» проблеме и определял его пределы.

Хочется обратиться еще к одной проблеме, которая волнует профессора В.В. Лазарева. Это соотношение международного и национального права [70].

Это те вопросы, которые вызвали острую дискуссию в советские времена, хотя, как указывает В.В. Лазарев, «господствующая среди советских ученых точка зрения о суверенитете и примате национального права во многом исключала применение каких-либо источников международного права вопреки нормам права национального» (Т. II, стр. 496). Они были дискуссионными и в 90-е годы XX века. Один из авторов настоящей статьи был вовлечен в данную дискуссию, выступая в качестве официального оппонента по кандидатской диссертации М.И. Абдулаева, защищаемой по теме: «Соотношение международного и внутригосударственного права: проблемы теории» [4]. Да и до недавнего времени данная проблема вызывала много споров, особенно в контексте закрепленного в нашей Конституции положения о приоритете международно-правовых норм над внутригосударственным законодательством (ч. 4 ст. 15) [1].

Особенно, конечно, беспокоило российских исследователей ситуация с обязательностью исполнения Россией всех международно-правовых норм без исключения, в том числе решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). В частности, В.В. Лазарев обращал внимание на необходимость отстаивания «своего видения» применения норм иностранного права и норм международного права. Определять значимость этих норм с учетом собственного волеизъявления в совместных договорах, исходить не только из содержания международных правовых актов, но и из международно-правовых обычаев и судебных решений. Он с горечью подчеркивал, что «сегодня высшие судебные инстанции ориентируются на применение при осуществлении правосудия общепризнанных принципов и норм международного права,

закрепленных не только в международных пактах или международных договорах Российской Федерации, но и в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» (Т. II, стр. 497).

Необходимость обязательного исполнения Россией всех международно-правовых норм, в том числе и всех решений ЕСПЧ, постепенно стала вызывать возмущение патриотически настроенных исследователей. Предпринимались попытки разработать механизмы избирательной оценки решений ЕСПЧ на предмет их обязательного исполнения [13; 47; 56; 60; 92; 100; 101; 121]. В конечном счете такой механизм был выработан [2; 3]. В основу его легли российские конституционные ценности [9; 10; 48] и соответствие им решений ЕСПЧ.

Вместе с тем найденный выход, являясь верным, представлялся в то же время временным. Данный вопрос должен был найти свое урегулирование все-таки в Основном законе государства.

И кроме того, представляется очень конструктивной мысль Валерия Васильевича о небесспорности мнения вообще, «согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью федерального права России и функционируют именно в этом качестве. Соответственно ратифицированные, вступившие для России в силу и должным образом опубликованные международные договоры также рассматриваются частью федерального законодательства России. Конституция Российской Федерации включает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в правовую систему Российской Федерации. Не в систему права и не в право. Правовая система, как установлено в теории права и государства, включает в себя и систему правоотношений, и правоприменение, и органы, обеспечивающие действие права. Часто употребляемый для характеристики соотношения внутреннего и международного права термин «имплементация» как раз говорит о соответствующей реализации принципов и норм международного права (implement – осуществлять, обеспечивать выполнение). Сказанное позволяет, например, утверждать, что содержащаяся в ст. 1 УПК норма (“3. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской

Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство...”), на наш взгляд, не соответствует Конституции Российской Федерации» (Т. II, стр. 499).

Профессор В.В. Лазарев привел пример несоответствия, по его мнению, конкретной нормы федерального законодательства нашей Конституции. Если следовать сформулированному им подходу, то можно обнаружить и много других таких норм, не соответствующих нынешней формулировке в Основном законе.

На предлагаемый нами подход решения проблемы соотношения международного и национального права наталкивает и предложенная Валерием Васильевичем идея «ранжирования разных проявлений международного права» (Т. II, стр. 499-500). Но это является «отступлением, – как совершенно справедливо указывает профессор В.В. Лазарев, – от смыслового содержания данной нормы Конституции» (имеется в виду ч. 4 ст. 15). Прав Валерий Васильевич и тогда, когда пишет о высшей юридической силе, которая «признается все-таки за правилами, содержащимися в международном договоре. Только применительно к нему Конституция подчеркивает верховенство по отношению к закону. Кстати, – подчеркивает В.В. Лазарев, – было бы неправильно относить термин «общепризнанные» и к принципам, и к нормам, и к договорам. Последние по определению не могут быть общепризнанными, если не иметь в виду условно договоры, участниками которых является подавляющее число государств. Вообще «общепризнанными» по большому счету могут быть только принципы международного права, поскольку на этих общих положениях сходится большинство государств. Нормы же могут быть и не быть общепризнанными. И даже региональная норма международного права может быть общепризнанной, если она является воплощением общепризнанного принципа международного права» (Т. II, стр. 500).

Предложенный выше тезис теоретика права также ориентирует на решение проблемы с помощью внесения изменений в Конституцию.

Нам представляется также в этом контексте конструктивной мысль В.В. Лазарева о специфике «правил определения соотношения юридической силы норм российского и международного права» (Т. II, стр. 501). К этой мысли исследователь пришел благодаря анализу различных норм гражданского, уголовного, налогового и других

отраслей права.

И конечно, нам очень импонирует заключительная мысль ученого в рецензируемом разделе научного труда. Здесь профессор В.В. Лазарев указывает: «Если мы хотим эффективно использовать в практике не только нормы национального права, но и признаваемые им нормы и принципы иностранного права или международного права, следует определиться, в какой системе координат следует рассматривать то или другое правовое положение применительно к конкретному делу. Представляется, что *система национальных ценностей* (выделено нами – Авт.), принятая в государстве, правовая система, принципы и связи национальной системы права имеют в ряде случаев приоритетное и непосредственное действие. Суды, равно как и все другие органы, будут руководствоваться не только ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, но в первую очередь нормой ч. 2 ст. 4 Конституции, согласно которой Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации» (Т. II, стр. 502).

В данном случае мы наблюдаем по существу гимн суверенной государственно-правовой идеологии и российской суверенной философии права, а следовательно, и обоснование при любых обстоятельствах необходимости беспокоиться о суверенитете своего собственного государства. Именно об этом свидетельствуют поправки к статье 125 Конституции РФ, принятые 1 июля 2020 г. в результате Общероссийского голосования.

Пожалуй, Валерий Васильевич одним из первых ученых-юристов стал привлекать к своему творчеству художественную литературу. Во всяком случае, он это делает очень умело. Научный материал в данном случае усваивается читателем значительно успешнее, рельефнее и глубже. В качестве примера можно привести его монографию «Социально-психологические аспекты применения права», изданную в Казанском университете в 1982 г. [78] и помещенную в I том Избранных трудов (С. 244-422). При этом профессор В.В. Лазарев использует не только произведения русской классики, скажем, повести М.Е. Салтыкова-Щедрина, но и романы американского писателя Артура Хейли («Аэропорт», «Колеса»), которые только начали издаваться в Советском Союзе в начале 80-х годов XX века. Здесь необходимо заметить, что

Валерий Васильевич не ограничивается творчеством лишь М.Е. Салтыкова-Щедрина, он анализирует романы и других русских классиков: Ф.М. Достоевского и М.А. Булгакова, не обходит и западную классику (Вольтер).

Справедливости ради необходимо отметить, что исследователь обращается не только к классике. Он внимателен и к творчеству молодых писателей. Так, обращаясь к мотивации принимаемых по делу решений, в частности адвокатами, Валерий Васильевич апеллирует к повести Вадима Пеунова «Дело принял адвокат» и приводит его рассуждения, вложенные в уста адвоката: «Нянчимся-нянчимся... а они *имеются в виду преступники* – Авт.) самые обыкновенные, такие выродыши, мутанты... Но где-то должен быть разумный предел нашей гуманности!». Далее В.В. Лазарев предлагает свой комментарий: «Внутренне адвокат, по-видимому, может произносить подобные монологи. Увы, в качестве мотивировок его официальных действий они не подходят. Лично заинтересованный в деле (хотя бы и косвенно) правоприменитель вынужден тщательно скрывать подлинные мотивы своих действий. Но такая ситуация всегда граничит с должностным правонарушением» (Т. I, стр. 382).

Профессора В.В. Лазарева интересует и публицистика, в частности, он обращается к «Литературной газете» и приводит совершенно необычный для криминальной практики материал. Два молодых инженера (одному из них было 25 лет) по пути на свадьбу избили и ограбили гражданина Т. (статья Евгения Добровольского в «Литературной газете». 1978. 27 сентября. С. 12). Но «изюминка» этого «интересного в психологическом отношении факта состоит в том, – *пишет В.В. Лазарев*, – что деньги необходимы были (и были потрачены сразу же) на подарок и цветы молодоженам, к которым инженеры шли на свадьбу» (Т. I, стр. 354).

Здесь важно заметить, что данное обращение к «Литературной газете» не единичное. Чуть дальше В.В. Лазарев анализирует полемику доктора психологических наук Л. Анциферовой с профессором Принстонского университета Джеймсом по вопросам отождествления сознания с самосознанием (Т. I, стр. 357), представленной на полосе газеты (1978. 21 июня), опирается на интересный вывод видных советских ученых А. Прангишвили, Ф. Бассина и А. Шерозия, предложенный также в «Литературной газете» (1980.

27 мая. С. 13). Или обращается к критике личных выгод (Т. I, стр. 387) должностных лиц правоохранительных органов при решении служебных вопросов («ЛП». 1978. 22 ноября), и т.д.

А в другом разделе своей книги он внимателен к иной дискуссии, представленной в «Литературной газете» (1978. № 4; 1978. № 11) о том, как необходимо бороться с нарушителями дисциплины: заставить их работать или заинтересовать в результатах труда, или и то и другое. При однозначном подходе к укреплению дисциплины, – *приходит к выводу В.В. Лазарев*, – как решение вопроса, так и мотивирование его значительно расходятся» (Т. I. С. 381).

У читателя может возникнуть вопрос – а почему Валерий Васильевич обращается именно к «Литературной газете», а не каким-то другим публицистическим изданиям? Просто надо знать то время 70-80-х годов XX века. «Литературная газета» тогда занимала в интеллектуальной жизни Советского Союза особое место. Это был не столько партийный рупор КПСС, сколько полемическая трибуна интеллектуалов. Публикуемые здесь материалы вызывали всегда большой и живой интерес.

Кроме того, будет неправильным полагать, что Валерия Васильевича интересует только «Литературная газета». Он с успехом обращается и к газетам «Правда» (1979. 29 июля), «Известия» (1978. 10 декабря). В частности, когда изучает критику печати таких «личных выгод» должностных лиц, как «обыкновенная бюрократическая канцелярская лень, ложно понятый ведомственный престиж, желание выгородить провинившегося ответственного работника, получение материальных и иных благ» (Т. I, стр. 387).

При этом ученый сам объясняет причину обращения к литературным источникам: «Лирическое отступление, связанное с обращением к литературным примерам, – *замечает В.В. Лазарев*, – укрепляет наше мнение о существовании неясного, непознанного в механизме психологической регуляции поведения, хотя все это никак нельзя расценивать в качестве бихевиористского представления о сознании в качестве непознанного «черного ящика»» (Т. I, стр. 355).

Соглашаясь с Валерием Васильевичем, мы хотим обратить внимание на другую сторону глубокой компетенции ученого – для тщательности и глубины анализа проблемы исследователь посчитал необходимым наряду с

юридическим и психологическим материалом (в работе использованы многочисленные источники научно-психологической литературы – публикации К.А. Абульхановой-Славской, В.Ф. Бахана, Л.П. Буевой, В.Л. Васильева, А.В. Дулова, А.Г. Ковалева, Б.Д. Парыгина, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Уснадзе и др.) прибегнуть и к анализу различных примеров из юридической практики и художественной литературы, а также публицистике. Конечно, это «оживляет» научный текст, но для того, чтобы что-то использовать, необходимо это знать. То есть Валерий Васильевич в своих научных произведениях демонстрирует не только глубокую научную эрудицию, но и широкий интеллект хорошо образованного человека, шагающего в ногу с представителями современной общественной элиты.

Большой заслугой и его визитной карточкой является опора на творчество отечественных философов, и конечно, внимательное, добросовестное, и мы бы сказали, трепетное использование произведений учителей и современников-юристов (Н.С. Алексеева, С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, С.В. Боботова, А.Г. Братко, С.Н. Братуся, С.М. Васильева, Н.В. Витрука, Б.С. Волкова, В.М. Горшенева, Е.В. Додина, И.Я. Дюрягина, В.Д. Зорькина, В.П. Казимирчука, Ю.Х. Калмыкова, Д.А. Керимова, С.Ф. Кечекьяна, С.Н. Кожевникова, А.П. Коренева, В.Н. Кудрявцева, О.Э. Лейста, Е.А. Лукашевой, В.З. Лукашевича, П.А. Lupинской, Г.В. Мальцева, Н.С. Малеина, Н.И. Матузова, П.Е. Недбайло, И.С. Ноя, М.Ф. Орзиха, Г.С. Остроумова, А.С. Пиголкина, И.Ф. Покровского, П.М. Рабиновича, Т.Н. Радько, Р.К. Русинова, С. Сабикенова, И.С. Самощенко, В.А. Сапуна, М.С. Строговича, В.А. Туманова, А.А. Ушакова, И.Е. Фарбера, Ф.Н. Фаткуллина, Д.И. Фельдмана, Г.И. Курдюкова, В.А. Шебалина, В.М. Шафирова, В.А. Юсипова, Л.С. Явича и др. Это те имена, которые должны быть вписаны золотыми буквами в Отечественную юридическую науку.

Мы не случайно так подробно перечислили тех авторов-юристов, на работы которых В.В. Лазарев опирается. Это те ученые, которые внесли существенный вклад в развитие юридической науки, который невозможно переоценить. Многие, к сожалению, ушли от нас в мир иной, и нам их не вернуть, лишь память о них и их творчестве нас согревает, другие оказались, как это не удивительно и что невозможно было представить

в те годы, когда вышла книга В.В. Лазарева, в иных государствах, с которыми порой у современной России сложные отношения, а немногие продолжают трудиться на благо нашего Отечества и юридической науки.

И какой же молодец профессор В.В. Лазарев, который и тогда, в 70-80-е годы XX века, и сегодня, завершая второе десятилетие XXI века, чтит и помнит тех, с кем работал и творил, у кого учился, кого продолжает уважать сегодня. И тогда, когда западные партнеры навязывают нам не наши, а их собственные, чуждые для нас ценности, стремятся сделать из нас «иванов, не помнящих родства», не знающих своей истории, не желающих вспоминать о своих учителях и коллегах, предлагают опираться на научные работы, опубликованные не позднее пяти лет. Как же можно забыть и игнорировать публикации тех творческих, талантливых, удивительных, уникальных и добрых людей, с которыми встречался на ежегодных научных конференциях в пансионате Академии наук СССР в городе Звенигороде, или, скажем, накануне развала СССР на советско-американском форуме в Кремлевском Дворце Съездов, в Колонном зале Дома Союзов, или на научных конференциях в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова, а уже в новой России – в том же Санкт-Петербургском университете МВД России на грандиозных международных конференциях в конце XX и начале XXI веков.

На всех этих форумах происходили неизгладимые встречи единомышленников и профессионалов, интеллектуалов и патриотов, глубоких и добрых людей, юридическая наука для которых стала не просто профессией, а самой жизнью. И эту жизнь нельзя забыть. Именно об этом свидетельствуют работы профессора В.В. Лазарева.

Здесь будет правильным указать, что мы привели список далеко не всех ученых, на труды которых опирается в своем творчестве Валерий Васильевич. Это авторы только тех исследований, которые цитирует ученый в своей монографии, посвященной социально-психологическим аспектам применения права. Будет правильным сказать, что профессор В.В. Лазарев не игнорирует ни одной сколько-либо значимой научной публикации по той проблематике, которой он занимается. Являясь энциклопедистом по своим

знаниям, он большой патриот, помнящий и знающий русскую дореволюционную (1917 г.) классику, литературу советского периода и современной России, кроме того, внимательно следящий за творчеством зарубежных коллег. Вспомним хотя бы его книгу (Т. III, стр. 61-162) [81] и научные статьи о П.Я. Чаадаеве [77], или материалы о Г.В. Плеханове (Т. III, стр. 337-345) [71] и И.А. Ильине (Т. III, стр. 346-355) [68]. Или, например, рецензии на книгу В.С. Нерсисянца «Политические учения Древней Греции» (Т. III, стр. 36-40) [75] и на книгу Н. Неновски «Приемственность в правото» (Т. III, стр. 19-21) [76]. Здесь важно вспомнить и материал, подготовленный В.В. Лазаревым и посвященный памяти профессора Нено Неновски [69]; его благодарную публикацию о своей alma mater – Казанском университете – юридический факультет которого он окончил в 1963 году с отличием [72].

А чтобы быть таким, необходимо являться не только большим эрудитом, но и глубоким, добрым, душевным, чистым и доброжелательным Человеком с большой буквы. А около большого человека всегда можно найти место другим талантливым и добрым людям.

В предлагаемой рецензии мы уже обращали внимание читателя на то обстоятельство, что в трехтомном труде профессор В.В. Лазарев очень тщательно анализирует российские национальные ценности, и мы увидели в этом его подходы через них к суверенной государственно-правовой идеологии и суверенной русской философии права и, в конечном счете, к российскому государственному суверенитету.

Здесь мы считаем необходимым обратить внимание читателя на то, как Валерий Васильевич подходит к исследованию социально-психологических аспектов применения права с позиций правовых ценностей. Подчеркнем еще раз – это было в начале 80-х годов XX века, а значимость его подхода к ценностной детерминации профессиональной ориентации правоприменителя (Т. I, стр. 401-412) продолжает оставаться актуальной и сегодня.

По мнению профессора В.В. Лазарева, и с ним необходимо согласиться, мотивация правоприменителя имеет свою аксиологическую окраску. «Как бы ни формулировать идею зависимости поведения от оценочных актов сознания и воли, – пишет ученый, – ясно одно: поступки

людей определяются объективно существующими ценностями человеческого существования, отраженными в психических процессах, протекающих в голове конкретного индивида. Правоприменитель под воздействием общественной и личной жизни вырабатывает определенные установки и позиции, которые побуждают его к соответствующей деятельности, детерминируют профессиональные ориентации и находят затем объективированное воплощение в избранной линии поведения» (Т. I, стр. 402).

Он подчеркивает важность для правового поведения ценности мотивов и ценности результатов. Актуальность именно ценностного подхода к характеристике правоприменения. Отсюда понимание того, на какие ценности ориентируется правоприменитель в своей профессиональной деятельности (Т. I, стр. 403).

Обращаясь к творчеству известного специалиста В.П. Тугаринова, Валерий Васильевич предварительно устанавливает, какой же смысл вкладывается учеными в понимание категории «ценность», и каково же отношение к оценочным предикатам.

Затем выявляет направления видения ценности права. Подчеркивает, что одни ученые видят в праве ценность в силу присущих ему свойств, способность удовлетворять определенные цели; другие же подходят к нахождению ценности права с позиции отношения людей к действующему законодательству, законности, правопорядку и т.д. Констатирует, что при нормальной ситуации наступает один и тот же результат, ибо оба указанных подхода не только совместимы, но и немыслимы один без другого. Только в совокупности оба направления «выявления ценности права могут дать достоверный результат» (Т. I, стр. 403-404).

Далее ученый рассуждает об объективности и полезности вещей, их значимых свойствах, о познании и оценке этих свойств. Приходит к заключению о том, что «объективно полезные и необходимые свойства вещей, равно как и сами эти вещи, вообще могут какое-то время оставаться неосознанными, не оцененными, непонятными» (Т. I, стр. 404).

Создается ситуация, когда «они как бы утрачивают ценностные качества из-за неприятия их людьми» (Т. I, стр. 404). Возможна и обратная ситуация, когда «вещи не являются для людей жизненной необходимостью, в силу различных

процессов, происходящих в индивидуальном и общественном сознании, вдруг начинают приобретать в глазах отдельных индивидов, групп или общества в целом, какой-то вес и значение. Более того, – *уточняет исследователь*, – такое значение начинает играть даже не сам материализованный объект (и скорее всего не он сам, так как он не обладает объективными ценностными свойствами), а его образ, идея, идеал. Помимо того что происходит диалектический переход объективного в субъективное, субъективное получает объективированное выражение и происходящие при этом отклонения еще более усложняют общую картину» (Т. I, стр. 404).

То есть профессор В.В. Лазарев в начале 80-х годов XX века предупреждал нас об опасности того, применительно предположительно к ценностям человека, что мы стали наблюдать, к сожалению, с начала 90-х годов. То, что для нас не является жизненно необходимым, более того, на самом деле очень даже опасно, стало овладевать сознанием отдельных граждан, потом групп, а в последующем пытается посягать на общество в целом. При этом, это вредное и опасное стало насаждаться в России ее «партнерами» из Западной Европы и США. Нас стали очень агрессивно убеждать в ценности вредных для нас не только вещей, но и мыслей, навязывать чуждые нам, да и всему человечеству, западные ценности [6; 27; 99; 106; 118]. Насколько же прозорлив профессор В.В. Лазарев, он увидел то, что не увидели, или не захотели увидеть и понять тогда многие идеологи и политики. А некоторые не хотят это понимать и сегодня. Хочется порекомендовать им ознакомиться со следующим замечанием классика теории государства и права: «И тем не менее ценность, – *пишет он*, – это то, что служит людям. Реальные ценности в действительности обладают полезными свойствами и могут приносить реальный результат. Мнимые ценности – наделяются полезными свойствами сознанием индивидов, и «полезность» их относительна, преходяща и всегда уязвима с точки зрения основной линии жизнедеятельности людей» (Т. I, стр. 404).

Валерий Васильевич рассуждает о расхождении в понимании ценностей, их значимости и важности для человека. Подвергает критике позицию профессора Массачусетского технологического института Джорджа Пага, отстаивающего идею биологического происхождения

«системы первичных человеческих ценностей», к которым, по его мнению, относятся, гедонистические ценности (ценности удовольствия, наслаждения, удовлетворения), охранительные ценности (самосохранения, стабильности и пр.), природно-этические и эстетические ценности (красота природы, сексуальная привлекательность и т.п.).

Вспоминает профессор В.В. Лазарев и о биологической трактовке ценностных стремлений и мотивов поведения человека, присущих канадскому ученому Гансу Селье.

Обращает внимание на то, что трактовка человеческих ценностей Джорджем Паг и Гансом Селье удобна для интерпретации поведения людей в индивидуалистическом аспекте. Другими словами, Валерий Васильевич предупреждал о возможности формирования в России общества потребления, подмены наших традиционных российских национальных ценностей (соборность, коллективизм, патриотизм, традиционная семья, уважение к старшим, любовь к Родине, готовность к самопожертвованию, национальная гордость и т.д. [45; 112; 114; 115; 116; 117] теми, которые сегодня навязывает Запад (однополый браки; сексуальная распущенность; свобода без ограничений и беспорядочность; игнорирование традиционной семьи; безграничная свобода во всех проявлениях: наркотики, агрессия, индивидуализм и др.; ювенальная юстиция). Запад стремится доказать нам, что все человеческие ценности сводятся к чисто биологическому представлению и активно использует этот свой вывод против наших коллективистских, патриотических, традиционно-семейных, истинно-исторических и внутренне духовных начал.

Обращаясь к тому историческому периоду развития нашего Отечества, В.В. Лазарев подчеркивает, что мы «вовсе не против (да и как можно быть против) удовлетворения биологических потребностей». Российское общество тогда не выступало против удовлетворения биологических потребностей. И сейчас мы тоже не против этого. «Но оно, – *замечает ученый*, – принципиально враждебно низменным, антисоциальным склонностям и мотивам индивида» (Т. I, стр. 405).

Приведенные слова были написаны (напомним) в начале 80-х годов XX века, но они значимы и сегодня. Прав Валерий Васильевич и далее, когда подчеркивает исключительную важность активной социальной деятельности человека для формирования его как всесторонне

развитой личности. Опираясь на достижения отечественной психологической науки, солидаризируется с высказыванием о том, что смысл жизни человека состоит не просто в удовлетворении каких-то потребностей, в достижении определенных результатов, но и в самой деятельности, в самом функционировании человека, в его человеческом качестве. Исходя из собственной жизнедеятельности, мы полностью поддерживаем коллегу и полагаем, что человеческое в человеке предназначено для того, чтобы он творил добро на благо человека и общества.

Сформулировав свое отношение к человеческой деятельности, Валерий Васильевич идет дальше. Он обосновывает смысл жизнедеятельности правоприменителя, полагая, что он (смысл) состоит «не только в удовлетворении собственных биосоциальных потребностей, но и в активном стремлении обеспечить достижение закрепленных правом возможностей третьими лицами. Альтруистское начало не противно человеческой природе. Можно только приветствовать возведение его в официальный принцип должностной деятельности» (Т. I, стр. 405).

Здесь исследователь вновь демонстрирует соответствие собственных ценностей высшим ценностям российского общества и противопоставление их вульгарному индивидуализму.

Интересна в работе и позиция ученого по вопросам соотношения ценностей и норм (в том числе правовых норм), определения возможности ценностей проявляться в качестве регуляторов поведения. Заслуживает внимания и рассмотренная автором классификация ценностей, связанных с правом. Здесь очень значимым, с нашей точки зрения, следующее высказывание Валерий Васильевича: «государство использует правовые нормы для официального (всеобщего и обязательного) возведения соответствующих отношений и явлений в ранг социальных ценностей» (Т. I, стр. 407).

Ученый ведет речь не только о ценности права, но и о ценности государства. В крайние годы Запад пытается обосновать идею о том, что государство становится лишним и далее опасным для людей и общества, доказывая, что институты гражданского общества вполне способны заменить государство со всей его бюрократией. Это очень опасная и разрушительная для жизнедеятельности человека идея. Она способна привести общество к хаосу, страшным беспорядкам и

человеческим жертвам. Другое дело «нельзя однозначно ответить на вопрос о том, – как справедливо замечает В.В. Лазарев, – являются ли на деле охраняемые правом интересы и институты действительно ценностями» (Т. I, стр. 407).

По нашему мнению, предложенное выше замечание классика теории государства и права просто льет воду на нашу мельницу компромиссной доктрины права [28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 38; 41; 43, стр. 102-127; 44, стр.77-96; 46, стр. 302-326; 128], которая, кроме всего прочего, выступает против идеализации права. Мы неоднократно писали об абсурдности, безнравственности, бессмысленности, неразумности и других негативных свойствах закона и права [35; 36; 37; 39; 40]. Взять хотя бы западные ценности, такие как однополые браки, право потребления легких наркотиков, изъятие детей из нормальных семей в рамках ювенальной юстиции, снос и уничтожение исторических памятников и т.д. – они закреплены в законах и обеспечиваются государством в различных европейских странах и некоторых штатах США, но они (и указанные ценности, и право вместе с законом) явно не способствуют нормальной и объективной жизнедеятельности человека.

Мы полностью согласны с мнением В.В. Лазарева о том, что ценность права и его норм переходяща (или правовых норм, а следовательно, и права в целом, переходяща и весьма относительна). В.В. Лазарев приводит соответствующий пример: «Принятие... в качестве основного мерила поведение норм, исходящих от законодательных органов, зависит от характера и уровня политической культуры. Реальное действие норм зависит от того, в какой мере они отражают потребности общественного развития; в какой мере эти потребности и сами нормы осознаются правоприменителем и гражданами. В государствах с различной социально-экономической основой и неодинаковым политическим строем по-разному проявляются ценностные ориентации правоприменителя» (Т. I, стр. 408-409).

Действительно это так. Да и не только по-разному проявляются ценностные ориентации правоприменителя, но и других участников общественных правоотношений, в том числе и простого человека.

Сегодня нас заинтересовал вывод В.В. Лазарева о том, что общество сильно только беззаветным служением блюстителей закона

общественным (коллективным) интересам. «Всякие иные ориентации, – пишет ученый, – идут в ущерб коллективистскому началу, несмотря на то, что при этом не исключается достижение общественно значимых результатов. Социально ценным в... обществе может считаться только такое поведение должностных лиц, которое правомерно по своей объективной стороне и высоконравственно по внутренним мотивам» (Т. I, стр. 411).

Валерий Васильевич ведет речь о социалистическом обществе. Мы распространили бы этот его вывод на наше российское общество. Именно в таком подходе проявляется ценность и суверенность нашего Отечества, нашего российского общества. А отсюда, как совершенно справедливо считает ученый, весьма значима проблема формирования ценностных отношений в нашем обществе, то есть, как мы считаем, российская суверенная государственно-правовая идеология, да и вся российская философия права.

Формирование истинно ценностных отношений людей в нашем российском национальном обществе возможно лишь благодаря суверенной государственно-правовой идеологии. Предложенный тезис не исключает плюрализма идеологий, он (плюрализм) не только возможен, но и необходим в обществе. Но мы ведем речь об идеологии государства. В суверенном государстве идеология должна опираться на господствующую в данном обществе правовую культуру и быть суверенной, то есть независимой от идеологии других государств.

Трехтомное издание профессора В.В. Лазарева настолько увлекает, что с ним не хочется расставаться. Оно притягивает к себе и не отпускает. Хочется вновь и вновь листать его страницы, вникать в написанный текст. Книги будируют много серьезных размышлений, дают значительную пищу для ума, активизируют мыслительный процесс читателя. Для того, чтобы убедиться в справедливости приведенных выше слов, достаточно лишь ознакомиться с оглавлением каждого тома. Содержание книги говорит само за себя. Оно полностью соответствует той характеристике издания, которое дали во вступительной статье к нему, назвав ее «Скромное обаяние подлинного таланта», президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Евгений Семеняко и управляющий партнер Юридической фирмы «ЮСТ» Юрий

Пилипенко [120].

Мы не будем в рецензии перечислять содержание каждого тома, скажем лишь, что в первом томе в контексте применения права, кроме тех вопросов, о которых мы говорили, обсуждается: правовое сознание; нетипичные ситуации этого процесса; эффективность соответствующих актов; закономерности правомерного поведения; необходимое количество законов; законодательство и перестройка советского общества; юридическая наука и практика в условиях перестройки, и др.

Мы не удержались от того, чтобы хотя бы чуть-чуть сказать о некоторых других, порой и небольших по объему, но очень емких по содержанию материалов, помещенных в первом томе.

Нас не могла не заинтересовать публикация, помещенная в 1990 г. в «Московских новостях»: «Власть права или право власти?» [62]. Здесь ученый рассуждает о метаморфозах построения в СССР правового государства. Вспоминает о противоречивых резолюциях XIX партконференции, в одной из которых говорилось о завершении построения социалистического правового государства, в другой же – только о начале этого строительства.

Исследователь делится информацией об обещаниях многих кандидатов в народные депутаты СССР активно формировать Советское правовое государство, но, освоившись в кремлевских палатах, они стали заявлять, что «это путь долгий и трудный». В.В. Лазарев иронично заявляет, имея в виду последние слова депутатов: «Трудно, оказывается, обеспечивать права человека, следовать принципу разделения властей, добиваться реальной юридической ответственности» (Т. I, стр. 474).

Мы тоже помним эти непростые времена и полностью согласны с коллегой.

С горечью ученый заявляет: «Сдается мне, сегодня провозглашается и получает практическое воплощение позиция, свидетельствующая о явном отходе от правового государства. На заседаниях парламента можно услышать: «закон пишется для граждан государства». И ни слова не говорится о должностных лицах. А ведь концепция правового государства изначально исторически связана с идеями общественного договора, по которому общество, передавая часть своих прав государству, строго регулирует при этом деятельность всех его органов. Правовое государство предполагает весьма широкое, но не безграничное

действие принципа «что не запрещено – дозволено», но принцип этот действует только по отношению к гражданам, использовать его в отношении государственных органов и должностных лиц – опасно» (Т. I, стр. 474).

Конечно, опасно. Об этом вел речь Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, профессор В.Д. Зорькин спустя аж 23 года в лекции в другом парламенте, уже новом, Российском – Государственной Думе, в лекции, посвященной 20-летию принятия Конституции Российской Федерации.

Анализируя ситуацию с правовым регулированием в современной правовой доктрине России, профессор В.Д. Зорькин ведет речь о двух принципах: «разрешено все, что прямо не запрещено» и «запрещено все, что прямо не разрешено». Если первый принцип относится к частным лицам, то второй распространяется лишь на представителей публичной власти. Понятно, что данная позиция В.Д. Зорькина совпадает со взглядами В.В. Лазарева. Мы тоже об этом подходе много писали и солидарны с коллегами.

К сожалению, указанные принципы носят лишь доктринальный, а не нормативно-правовой характер. Они не закреплены в нормах Конституции. Возможно, нам следует пойти по пути Конституции Французской Республики и прямо зафиксировать эти теоретико-методологические принципы в качестве конституционной нормы.

Хотя и действующая Российская Конституция ориентирует именно на эти два принципа оценки правового регулирования. Так, В.Д. Зорькин обращает внимание на то обстоятельство, что первый принцип («разрешено все, что прямо не запрещено») «легко выводится из статьи 2 Конституции, а разрешительный порядок осуществления государственно-властных полномочий («запрещено все, что прямо не разрешено» – *указано нами – Авт.*) – это всего лишь логическое развитие принципа приоритета прав человека. С позиций этих доктринальных критериев, логически вытекающих из правового смысла статьи 2 Конституции Российской Федерации, очевидно, что при трактовке конституционного текста надо ориентироваться на выявление дополнительных гарантий прав человека, а не дополнительных оснований для ограничения этих прав» [82, стр. 28].

В этой же лекции профессор В.Д. Зорькин сетует: «базовый принцип оценки правового

регулируемого – «разрешено все, что прямо не запрещено» для частных лиц, и вытекающий из него принцип «запрещено все, что прямо не разрешено» для представителей публичной власти – до сих пор не получили надлежащего теоретического осмысления в исследованиях, посвященных методологии толкования Конституции Российской Федерации. Поэтому главный план конституционно-правовой теории в работу по преодолению тенденции к монополизации и бесконтрольности политической власти, заключается в формировании доктрины, содержащей четкие теоретико-методологические основания для разграничения права от произвола, опираясь на которые можно было бы в рамках юридико-догматической интерпретации конституционных норм выстроить последовательную доктрину критериев ограничения прав человека [82, стр. 28-29].

И далее председатель Конституционного Суда Российской Федерации ссылается на академика В.С. Нерсесянца: «Нынешние постсоциалистические реалии, – указывает В.Д. Зорькин, – свидетельствуют, пишет в этой связи академик В.С. Нерсесянц, что такую работу «пока это возможно, должны делать сторонники действующей Конституции, не откладывая дело до прихода к власти ее противников»» [82, стр. 29].

Очень мудрые и здоровые мысли В.С. Нерсесянца и В.Д. Зорькина, хотя сделанные достоянием общественности спустя много лет после приведенной нами позиции В.В. Лазарева, но, к сожалению, их до сих пор никто, кто должен об этом думать, не услышал.

Вернемся же к статье профессора В.В. Лазарева. В 1990 г. он пишет: «Существуют вполне определенные причины нынешнего паралича власти. Однако есть люди, не желающие видеть эти причины. Им больше по душе «ниноандреевское» толкование современного хаоса: «нарастающая демократия все больше и больше приобретает уродливые черты охлократии, власти толпы». О какой толпе идет речь? Если о той, которая собиралась на Манежной площади, в Лужниках, в шахтерских регионах, то она заслуживает уважительного отношения. Да и не видно, чтобы народные массы с Лужников и Манежа властвовали. Они требовали отставки правительства, но кто выполнил их требование?» (Т. I. С. 474-475).

Почти тридцать лет прошло с момента

описываемых событий. Как много утекло воды с того времени, сколько было многочисленных и противоречивых групповых выступлений граждан и к чему они в конечном счете привели, мы сегодня все хорошо знаем. Возможно, не всегда нужно идти на поводу различной толпы, но слышать ее необходимо, как и нужно каждый раз делать соответствующие выводы.

Очень важно, с чьего голоса поет толпа, кто этих людей вывел на улицу, какую цель перед ними поставил и каковы источники финансирования данных публичных выступлений. Очень часто массовые выступления инспирированы из-за рубежа, воодушевляются и поддерживаются далеко не нашими друзьями, да и цели-то у них далеки от благородных, зачастую примитивно пошлые, направленные против нашего российского суверенитета, на нарушение законности и правопорядка, насаждение опять же чуждых нам ценностей, в конечном счете противный простому человеку и его правам.

С другой стороны, очень важно слышать и понимать людей, разговаривать с ними на равных, быть функционером, доступным для рабочего человека, студента, интеллигенции, любого труженика. У нас есть хорошие примеры нашего российского лидера, его открытые массовые, транслируемые на всю страну и весь мир ответы в прямом эфире не только корреспондентам, но и жителям страны из самой далекой глубинки, на любой интересный и злободневный вопрос. Такое общение лидера с народом формирует необходимый уровень общественного сознания. Нашему, как и любому государству, необходимо общественное доверие, доверие простых людей между собой, между институтами гражданского общества, между обществом и властью. Трудно определить. Какой из этих трех направлений доверия значимее – важны все три. И мы полностью согласны не только с профессором В.В. Лазаревым, но и профессором В.Д. Зорькиным, который также об этом говорит. «Особенно важно, – отмечает председатель Конституционного Суда Российской Федерации, – то доверие общества к власти, на котором базируется легитимность власти, и то доверие власти по отношению к обществу, на котором только и может основываться эффективная государственная политика. Очевидно, что доверие может быть только взаимным» [82, стр. 27].

В.Д. Зорькин видит ту роль, которую обязаны

сыграть в обеспечение данного доверия институты законодательной и судебной власти, а также элита и лидеры общественного мнения. Законодательная власть, являясь и представительной, обязана не только представлять, но и адекватно выражать «интересы всех социальных слоев и групп нашего общества. Роль законодателя – слышать запросы общества. Она должна слышать социальные запросы и доверять им. Не навязывая обществу то или иное решение социальных проблем, а, относясь с уважением и доверием к различным, зачастую противоборствующим социальным интересам, искать способы и формы достижения согласия между ними. Только на этой основе – на основе равноправного учета всех социальных интересов в рамках принимаемого Думой законодательного решения – можно добиться ответного доверия к законодательной власти со стороны общества. И только на такой основе возможна выработка правовых законов» [82, стр. 27]. А правовое качество законов способно обеспечить правосудное решение конкретного судебного спора.

Невозможно переоценить роль законодателя, а также суда и правосудия, в формировании доверия со стороны общества, власти. В этом едины и Лазарев, и Зорькин [82, стр. 29; 64].

Законодательная, а вслед за ней и судебная власть сегодня должны выступать гарантом спокойствия и стабильности. «Недопустимо вмешательство в осуществление правосудия и, конечно, применение каких-либо санкций к судьям за содержание вынесенных ими решений, за высказанное ими в ходе осуществления правосудия мнение. Вместе с тем, недопустимость воздействия на судей с помощью административных методов, несовместимых с принципом судебской независимости, не означает невозможности общественной реакции на деятельность судебной системы – в виде обсуждения, анализа и оценки как решений по отдельным делам, так и целых направлений судебной деятельности. Иное означало бы полное устранение судебной власти от диалога с обществом, делегировавших ей ее полномочия, закрытость судебной власти, возвращение средневекового принципа управления «Король не может ошибаться»» [82, стр. 29].

И, безусловно, очень важна роль элиты и лидеров общественного мнения в установлении и поддержании взаимного доверия между властью и обществом.

Эти люди должны заботиться о том, чтобы не перекладывалась вина за имеющиеся в обществе проблемы, в том числе и связанные с массовыми выступлениями, с исполнительной власти на самих граждан, и не делегировались должностным лицам дополнительные прерогативы. Нельзя, совершенно прав в этом профессор В.В. Лазарев, утверждать, что во всех проблемах лежит природная расхлябанность «наших людей по отношению к закону», отсутствие «в народе правосознания».

Нам очень понравился заключительный вывод, предложенный профессором В.В. Лазаревым в его небольшой статье «Власть права или право власти?»: «С древнейших времен ставился вопрос: нужны ли правителям законы для выполнения своих функций? Платону, например, представлялось несущественным, будут ли управлять по законам или без них, – важно, чтобы управляли мудрейшие. Аристотель возражал Платону: закон необходим для предотвращения произвола правящих. Именно это мнение лежит в основе идей господства права. Право власти производно от предписаний закона. А он, в свою очередь, должен находиться под властью права. Только на этой основе позволительно «людям править людьми», и людям же «править законом»» (Т. I, стр. 475).

Мы считаем, этот вывод созвучен позиции Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина о цивилизации права [50]. Конечно, прав Валерий Дмитриевич, когда утверждает, что «если право погибнет, то мир окажется у края бездны». Данное утверждение полностью совпадает с нашей компрепендной доктриной понимания права, хотя мы и выступаем против его (права) идеализации. Одно другому не мешает. Профессор В.Д. Зорькин не видит той великой цели, которая может заменить собою право, спасая мир от низвержения в бездну. Думаем, и профессор В.В. Лазарев тоже такого же мнения. Мы также не видим замены праву при всей его неоднозначности. «А право, – по мнению В.Д. Зорькина, – рушится. Рушится стремительно. Я говорил об этом тогда, – пишет он, – когда международное право рушилось и подменялось грубой силой в Ираке, Югославии, Египте, Тунисе, Ливии, Сирии. Теперь в Украине мы видим беспрецедентные масштабы внешнего вмешательства во внутренние дела находящегося в центре

Европы суверенного государства. Вмешательства, сопровождаемого беспрецедентной компанией информационно-пропагандистской фальсификации реальных событий и произвольными заинтересованными интерпретациями международного и национального права.

Если международные отношения и далее будут развиваться по подобным сценариям, то это чревато гибелью всей цивилизации права, которую человечество выстрадало в кровавых войнах и революциях XX в. Гибнущая цивилизация права потянет за собой в бездну и все остальные цивилизации, являющиеся сейчас, по сути, реликтовыми структурами» [49, стр. 316-317].

Приходится констатировать, что рушится цивилизация права не только тогда, когда грубо попираются нормы международного права, но и при игнорировании национальных правовых предписаний, и не важно, от кого они исходят – от власти или народа. Вот почему жизненно необходимо единство народа и власти. И тысячу раз прав Вольтер, утверждавший: «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов». И конечно, нельзя не согласиться с Кантом, считавшим, что главным мерилom свободного человеческого поведения всегда должен быть нравственный закон внутри каждого из нас: и представителя государственной бюрократии, и каждого индивида. Правовая культура в современном мире синкретична [17; 18; 19; 20; 22], она вбирает в себя достижения всех социальных регуляторов и, конечно, морали. Общество нуждается в настоящей цивилизации права, в которой человечество, по мнению В.Д. Зорькина, и мы с ним согласны, должно обрести высшую в своей истории степень свободы. Идея свободы, права и морали неразделимы [51].

Очень актуальны и сегодня проблемы, затрагиваемые В.В. Лазаревым в статье «Закон и его применение», опубликованной в конце 80-х годов XX века [63]. Здесь он ведет речь о кризисе правосознания, кризисе законности, кризисе и правоприменительной деятельности: «расхождении слова и дела, возмутительном разрыве между тем, что декларировалось, и тем, что делалось на практике, ... беззащитном вуалировании и извращении действительности, представлении должного как сущего. Отсюда, – *продолжает ученый*, – неэффективность законодательства, частые сбои в механизме правового

регулирования, злоупотребления, коррупция, а подчас срастание государственного механизма с преступностью» (Т. I, стр. 479).

Ученый приводит убийственные примеры, ссылаясь, скажем, на вопиющий случай, ставший достоянием общественности благодаря публикации в «Литературной газете» [14], когда прокурора одной из союзных республик (а их в СССР было 15) освободил с занимаемой должности не Генеральный прокурор, как этого требует закон, а партийный орган (Т. I, стр. 477).

Проявление кризиса исследователь иллюстрирует и другими примерами. Некоторые авторы, несмотря на понимание того, что «организация и управление регламентированы законами и подзаконными актами» предлагают рисковать и идти напролом [57, стр. 243], порицают стремление к порядку и руководству нормативно-правовыми актами, а превозносят «стихийное начало в общественной жизни» (Т. I, стр. 480).

В.В. Лазарев приводит интересные зарисовки раздвоения правосознания юристов, как теоретиков, так и практиков. «Так, судья В. в городе Свердловске, – *указывает В.В. Лазарев*, – оштрафовал гражданина Н., который принимал участие в несанкционированном митинге, признав его виновным в нарушении ст. 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. На другой день, прекращая дело в отношении других участников митинга за отсутствие состава правонарушения, судья сделал заявление: «Прослушав доклад Горбачева на партконференции, я отменяю решение, принятое мною вчера в отношении Н. ...» Суды под давлением прессы пересматривают вынесенные ранее приговоры в отношении ряда хозяйственников, – *с сожалением констатирует В.В. Лазарев*, – прокуроры ориентируют на снисходительное отношение предприимчивым людям, милиция свертывает работу по выполнению указа о борьбе с нетрудовыми доходами. Всех тяготят правовые установления, не соответствующие новой экономической политике (Т. I, стр. 480-481).

Исследователь тщательно разбирается в причинах, связанных со смятением в умах и действиях должностных лиц на стезе правоприменения. И очень справедливо его обоснование того, что правоприменитель может выполнять свое социальное предназначение лишь при наличии определенных условий:

1. единство правовой системы;

2. верховенство в ней закона;
3. соответствие юридического закона естественно-исторической закономерности общественного развития.

В предложенном подходе сразу же виден классик теории государства и права, как в общем-то в призыве всегда отстаивать разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, дополнение и сдерживание одной другую. «Нельзя допустить, – пишет В.В. Лазарев, – чтобы правоприменитель превращался в законодателя, но и законодатель не должен решать конкретных вопросов за правоприменителя (Т. I, стр. 483-484).

В контексте диалогов юриста и философа вызывают понятный интерес у каждого читателя рассуждения о том, есть ли законность «калужская» и «казанская» (Т. I, стр. 494-604).

И, конечно, мы не могли обойти вниманием статью, помещенную в первом томе избранных трудов «Теоретические вопросы взаимосвязи профессиональных и общественных начал в деятельности органов внутренних дел» [80].

Согласившись в начале статьи с профессором В.Е. Гулиевым о том, что органы внутренних дел, точно так же, как и армия, суды, платный аппарат государственного управления, «отнюдь не представляет собой самоуправляющихся единиц» [23, стр. 8], исследователь довольно подробно выясняет, что следует понимать под профессиональной и общественной деятельностью (профессиональным и общественным началами). В этом, с нашей точки зрения, также проявляется классик теории государства и права.

«Профессиональное начало, – заключает В.В. Лазарев, – предполагает специальную подготовку, усвоение определенного комплекса знаний, постоянное обновление и углубление их в тесной связи с практически-преобразовательной работой. Это по существу. А по форме – профессиональное начало предполагает особое закрепление (удостоверение) в специальном документе приобретенных знаний, навыков и умений. Между формой и содержанием в действительности может не быть полного соответствия, но это уже издержки той же деятельности. . . , профессионализм непременно связывается с наличием специальных знаний» (Т. I, стр. 606-607).

Что же касается общественной деятельности, то исследователь выясняет ее сущность путем сравнения с государственной деятельностью.

Говорит о необходимости отличать главную государственную деятельность от работы на общественных началах (неоплачиваемой). В то же время с сожалением констатирует, «наша социально-политическая практика часто не сочетается с теорией. В ущерб делу происходит неоправданное смещение и смешение различных начал. Например, наиболее квалифицированная работа часто выполняется специалистом бесплатно, на общественных началах (отсюда далеко не качественно). С другой стороны, распространены так называется «общественные профессии», занятие которыми вызывает сегодня разные вопросы. . . В общественных организациях, заорганизованных и бюрократившихся, имеется такое засилие платных функционеров, «что возникает необходимость их коренной реорганизации» (Т. I, стр. 608).

Такая задача выдвигалась в конце 80-х годов XX в., она продолжает оставаться актуальной и сегодня, спустя почти сорок лет. Действительно, социально-политическая практика далека от теории и не всегда десятилетия способны их сблизить.

В.В. Лазарев анализирует позицию профессора Ю.А. Тихомирова по вопросам участия народа в осуществлении власти, который выделяет три основных формы этого участия:

1. Непосредственную, когда все население или его часть участвуют в решении вопросов государственной жизни.
2. Представительную, при которой такие вопросы решают выборные представители.
3. Профессиональную, означающую выделение для выполнения текущих и специальных функций управления особого слоя людей [122, стр. 54].

В.В. Лазарев дискутирует с ним и приходит к выводу о том, что при таком подходе все три формы осуществления власти предполагают выполнение соответствующих функций на общественных началах. Выходит с рекомендацией внедрения профессионального начала во все сферы государственной деятельности и на всех ее уровнях, выделяет уровни государственной работы. Опираясь на научное творчество профессора М.И. Пискотина [91, стр. 51-52], справедливо утверждает о том, что не может быть государства без чиновничества. В то же время доказывает: «коллективизм, демократия, самоуправление нужны нам постольку, поскольку

они удовлетворяют духовные и материальные ценности общества, поскольку служат социально-экономическому развитию. Ценностный подход позволяет сопоставлять, сравнивать, и не догматически, а жизнью проверять, что наиболее приемлемо в настоящих условиях, что наиболее эффективно работает на нас» (Т. I, стр. 610-611).

Нетрудно заметить, здесь так же, как и в других работах, профессор В.В. Лазарев обращается именно к нашим, отечественным ценностям; представляется это очень важным.

Он прослеживает также связь самоуправления с общественными и профессиональными началами решения социальных вопросов. Используя системный подход, исследуем взаимоотношение различных социальных сил и институциональных образований, устанавливает господствующее влияние между элементами одной системы.

Опираясь на работы Л.А. Григоряна, Б.П. Курашвили и Ю.А. Тихомирова, приходит к следующему заключению: «Государственное самоуправление, конечно же, в той или иной мере контролируется обществом, которое оказывает государству поддержку или доверие, или, напротив, борется за гласность, реформы и коренные внутригосударственные преобразования. Вместе с тем самоуправление здесь осуществляется, как правило, без привлечения общественности.

Что касается общественного самоуправления, то оно вообще исключает участие государства, хотя государственное влияние и контроль, конечно, имеют место, так как любая деятельность в государственно-организованном обществе проводится в рамках закона. Проблемы участия общественности в государственных делах актуализируется применительно к общественной деятельности государства» (Т. I, стр. 613).

Обращаясь к органам внутренних дел, В.В. Лазарев замечает, что здесь соотношение профессионального и общественных начал так же проявляется, как и в государстве в целом. Но при этом предлагается учитывать два фактора.

Первый связан с тем, что система МВД воплощает в себя несколько различных составляющих. Одни относятся к органам управления, другие – к органам юрисдикции, а также к материальным придаткам. Отсюда, «соотношение указанных начал следует выявлять не только применительно к Министерству внутренних дел вообще, но и применительно к его различным подразделениям

и службам». Кроме того, «по сравнению с невоенно-низованными органами и учреждениями, МВД имеет ряд специфических черт, скорее ограничивающих внедрение общественного начала, нежели развивающих его» (Т. I, стр. 614).

Данное замечание профессора, в то же время и авторитетного сотрудника МВД (полковник, проходящий службу в академии) имело очень большое значение, особенно в 1990 году, когда в нашем Отечестве наблюдались безудержные попытки избавиться от всего государственного, все заменить на общественное. Эта тенденция коснулась и органов внутренних дел.

В.В. Лазарев не только теоретически, как доктор юридических наук и профессор, пришел к сформулированному выше выводу, но и как практический сотрудник, полковник МВД, видел изнутри системы, что все попытки «потеснить» профессиональное начало здесь за счет внедрения общественного, не привели и не могли привести к успеху, «поскольку при этом игнорировались объективные закономерности развития государства в целом и органов внутренних дел в частности, природа человека и человеческого общности» (Т. I, стр. 614).

Ученый обратил внимание на имевшие место ранее исторические попытки реализовать идеи сочетания профессионального и общественного начал в организацию и деятельность органов внутренних дел. В частности, сослался на Второй Всероссийский съезд административных работников (1928 г.), где Нарком внутренних дел РСФСР В.Н. Долмачев [89, стр. 417-421] предложил реализовать «милиционную систему в милиции». В частности, предлагалось «при незначительном основном постоянном (кадровом) составе работников обязанности милиционеров осуществляют «в порядке общественной повинности» товарищи из общественных организаций, из рабочего класса. Внедрение этой системы, – пишет В.В. Лазарев, – расценивалось как переход в формам социалистического управления, как один из первых шагов на пути преобразования и последующего отмирания социалистического государственного аппарата, который, по тогдашним представлениям, не должен состоять из наемных чиновников» [16, стр. 18].

На съезде вопрос ставился и более радикально – доказывалась необходимость укрепления таким образом связи милиции в целом с общественностью, не исключался из этого процесса и

уголовный розыск. Многим тогда идея милиционной системы виделась перспективной. Вместе с тем, среди делегатов были и сомневающиеся, которые высказывались против немедленного введения рассматриваемой системы.

Введенная милиционная система в органах внутренних дел не прижилась.

Подводя итог проведенному в конце 20-х годов XX века эксперименту, профессор В.В. Лазарев пишет: «Взаимосвязь профессионального и общественного начал нельзя анализировать вне времени и социально-политической обстановки, без уяснения отношения населения к деятельности милиции» (Т. I, стр. 617).

Он обращается также к зарубежному опыту, в частности, к творчеству исследователей английской полиции Д. Олдерсона и его статье «Общественный надзор за правопорядком», а также к статье «Автономия полиции – политика свободы действий» его коллег Р. Кинсея и Д. Янга [127]. В статьях представлены два противоположных друг другу взгляда на роль общественного контроля за полицией.

Обращаясь к истории нашей страны, В.В. Лазарев рассматривает ситуацию после февральской и октябрьской революций (1917 г.) и приходит к выводу: «После победы социалистической революции, когда государство диктатуры пролетариата начало осуществлять свои функции в масштабах всей страны, были образованы органы внутренних дел. В условиях пролетарской государственности они не могли базироваться ни на какой другой основе, кроме как профессиональной, штатной, сугубо служебной, а отчасти и более того – воинской» (Т. I, стр. 618-619).

Он говорит о бесспорных преимуществах профессионального начала в деятельности органов внутренних дел:

1. Специальная подготовка сотрудников по овладению комплексом соответствующих знаний, навыков и умений.
2. Оно базируется на приобретаемом, непрерывно пополняемом и передаваемом от одного к другому опыте. Все это обеспечивает высокий профессионализм и культуру правоохранительной деятельности.
3. Деятельность штатных сотрудников строго регламентирована нормативно-правовыми актами, что весьма значимо для обеспечения законности и правопорядка.
4. В отношении аттестованных сотрудников

органов внутренних дел установлены строгие дисциплинарные правила и жесткая юридическая ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Валерий Васильевич обращает внимание также на такой субъективный фактор, существенно влияющий на эффективность осуществления органами внутренних дел своих функций, как высокий уровень профессионального, а мы бы уточнили – правового сознания личного состава органов внутренних дел по сравнению с общественниками. В.В. Лазарев особо подчеркивает, что необходимость профессионального уровня правосознания сотрудников диктует сам характер соответствующей деятельности личного состава (Т. I, стр. 619-620).

При этом он высказывает интересную мысль, любопытные прогнозы, которые спустя почти тридцать лет (напоминаем, статья была опубликована в 1990 г.) полностью подтвердила практика деятельности современной российской полиции, т.е. сама жизнь. Это та практика, которая заставляет серьезно задумываться, размышлять современных мыслителей и искать выходы из создавшегося положения. Мы тоже об этом пытаемся рассуждать [42].

В частности, Валерий Васильевич, анализируя положение дел при капитализме и социализме, позицию классиков марксизма-ленинизма, пишет: «В свое время классики марксизма-ленинизма отметили в числе пороков капитализма одно-стороннее развитие профессиональных качеств работников в ущерб другим общественным функциям. Социализм должен преодолеть эту тенденцию, поскольку его целью является всестороннее развитие личности. Но при социализме нельзя недооценивать необходимость профессионализации труда, недооценивать кадры управления и стремиться без достаточных оснований заменить их общественниками. Более того, анализ научно-технического прогресса позволяет думать, что и в перспективе потребуются углубленная профессиональная подготовка, специализация труда» (Т. I, стр. 619-620). И далее, солидаризируясь с профессором Ю.А. Тихомировым, обсуждает ситуацию о будущем, которая потребует формирования групп специалистов, организаторов для повседневного осуществления управленческих функций в специализированных формах. То есть речь идет об отсутствии в будущем специального слоя управленцев и о необходимости

вместе с тем учитывать профессионализм в этой области. Профессор В.В. Лазарев обращает внимание на то обстоятельство, что «потребность в группах своих специалистов ощущается уже сегодня. Временные коллективы специалистов можно и следует создавать в каждом министерстве или ведомстве (в том числе и в МВД) для решения крупных комплексных проблем, которые не под силу работникам, занятым одновременно выполнением иных функциональных обязанностей. В эти группы следует приглашать работников других учреждений и ведомств, ученых... Для обсуждения общих проблемных вопросов совершенствования организации и деятельности органов внутренних дел целесообразно создание... научно-консультативных советов. Создание таких советов на постоянной или временной основе является одним из наиболее перспективных направлений сочетания профессионального и общественного начал» (Т. I, стр. 620).

Надо сказать, что практика создания научно-консультативных советов при различных ведомствах, в том числе при МВД России, оправдала себя. Начиная с 90-х годов, она и сегодня дает свои положительные результаты, мы это знаем на примере собственного участия в научно-консультативных советах при Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации, при Счетной палате России, при Законодательном собрании Ленинградской области и др. Практика привлечения профессионалов-специалистов очень результативна.

Коллективные размышления еще никому не мешали, более того, они стимулируют индивидуальные мысли. Коллективное обсуждение, в том числе и управленческих вопросов, приносит плодотворные результаты, учитывая, что коллективное обсуждение проблем позволяет руководителю подойти к принятию управленческого решения с учетом всестороннего познания ситуации.

Нам представляется, что к аналогичным объединениям можно отнести и различные создаваемые, например, при Полномочном представителе Президента в Федеральных округах, структуры. Нам приходилось работать в таких структурах (совет при полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе; окружной координационный совет по противодействию терроризму, политическому и религиозному экстремизму,

этносепаратизму при полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе и др.). Они позволяют Полпреду выработать наиболее оптимальное направление деятельности и принять значимое и справедливое решение.

Сама жизнь заставляет искать способы решения назревших проблем. Создание научно-консультативных и иных аналогичных советов позволяет принимать управленческие решения, в том числе в сфере правоохранительной деятельности, но не на повседневном, а на достаточно высоком уровне. Проблемы же возникают и значительно чаще, в повседневной правоохранительной службе. Причин здесь много, в том числе, скажем, и излишняя нормативно-правовая заорганизованность, требующая зачастую очень узких, но в то же время и глубоких юридических знаний, предполагающих узкую специализацию, в том числе и юристов-практиков. Данное обстоятельство требует решения определенных методологических проблем, мы бы сказали, связанных с суверенной российской философией права. На данное обстоятельство мы уже указывали [42; 54; 84; 107; 111].

Профессор В.В. Лазарев обращает внимание и на другое направление, более традиционное, в привлечении общественности к деятельности органов внутренних дел. В частности, речь идет о совместном осуществлении ряда функций, например, по охране общественного порядка. Валерий Васильевич здесь совершенно прав [25].

Он также касается проблемы передачи общественности некоторых функций, осуществляемых государственными органами, и приходит к заключению о том, что в исследовательском отношении данный вопрос продолжает оставаться актуальным и в историческом плане, и на перспективу (Т. I, стр. 620). Исследует и мнение научной общественности, в частности, позицию профессора Б.П. Курашвили по поводу эффективности государственного управления. Она (эффективность) связывается с условием, когда полномочия органов государства в максимально возможной мере дополняются и уравниваются полномочиями общественности [61, стр. 257-258]. В таком подходе к проблеме Валерий Васильевич видит известную «самостоятельность общества по отношению к регулируемому влиянию государства и автономии отдельных индивидов от управленческого

воздействия каких-то государственных органов (Т. I, стр. 622). Профессор В.В. Лазарев обращает внимание и на место органов внутренних дел в их взаимоотношении с обществом, отдельными индивидами и государством. «Было бы неправильным представлять дело так, – пишет ученый, – что органы внутренних дел во всех случаях выступают от имени государства и уже в силу этого они солидарны со всеми остальными государственными органами и должностными лицами государства. Органы внутренних дел находятся под контролем и общественности, и государства, они защищают (в пределах своей компетенции) законные права и интересы граждан, от кого бы то ни было, в том числе от незаконных посягательств на них со стороны работников государственного аппарата. В этом последнем случае общественное начало может оказаться бессильным без подкрепления властными полномочиями сотрудника органов внутренних дел» (Т. I, стр. 622).

Нам представляется, что предложенное заключение профессора В.В. Лазарева имеет методологическое значение и в определенных ситуациях носит политический характер. Как это ни удивительно, нельзя забывать, при всей отдаленности от политики, тем не менее объективно в своем глобальном предназначении деятельность органов внутренних дел все-таки довольно часто носит политический характер. Как бы мы не хотели «избавиться» от указанной ситуации, она постоянно преследует их деятельность, да и сами правоохранительные органы в целом. Возможно, именно теснейшее взаимодействие с общественностью и есть тот путь, который хотя бы в какой-то степени будет способствовать нейтрализации указанной характеристики. Нам показалось, что Валерий Васильевич так же об этом думает, в том числе привлекая к своим рассуждениям и имеющуюся в то время научную литературу [90].

Совершенно прав профессор В.В. Лазарев, когда в завершающей части статьи говорит о необходимости законодательного закрепления характера участия общественности в деятельности органов внутренних дел. «Вся деятельность МВД, – пишет он, – должна основываться на принципах всестороннего и последовательного развития демократии, расширения гласности, необходимости учета общественного мнения. Во всех этих актах должна быть расширена и организационно конкретизирована сфера совместной деятельности органов внутренних дел

с различными общественными организациями. Глобальное направление деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных органов – постоянная поддержка общества, содействие граждан в поддержании правопорядка и всяческое повышение уровня компетентности и зрелости» сотрудников (Т. I, стр. 622-623).

Мы помним те добрые времена, когда авторитет сотрудников органов внутренних дел был непререкаем. Конечно, это было связано с законной и справедливой их профессиональной деятельностью по вопросам охраны правопорядка и борьбы с преступностью, теснейшим сотрудничеством с различными общественными формированиями (добровольные народные дружины, оперативные комсомольские отряды, внештатные сотрудники милиции и т.д.). Кроме того, проводилась большая работа с населением по формированию положительного образа участкового уполномоченного, оперативного работника уголовного розыска, постового милиционера. Достаточно вспомнить художественные кинофильмы и театральные спектакли, посвященные участковому Анискину, художественные кинофильмы о сотрудниках уголовного розыска в исполнении главной роли Кириллом Лавровым, или кинофильм «Ко мне, Мухтар!», по повести И.М. Меттера с Юрием Никулиным в главной роли, многочисленные ленты по повестям братьев Вайнеров, произведениям Аркадия Адамова, прославлявших оперативных работников милиции, или тот же роман Ивана Лагутина «Сержант милиции». Всех творческих работ просто не перечислить. Хотя обязательно надо назвать книгу первого заместителя министра внутренних дел СССР Ю.М. Чурбанова «Товарищ милиция» [12; 15; 24; 53; 58; 83; 86; 124].

Власть беспокоилась об имидже милиции и проводила в этом направлении серьезную работу. Инициатором всей этой деятельности был министр Николай Анисимович Щелоков [12; 15; 24; 53; 58; 83; 86; 89, стр. 462-466; 124].

Прав профессор В.В. Лазарев в своем заключительном выводе здесь: «Нельзя решать вопросы правового регулирования участия населения, трудовых коллективов, общественных организаций и формирований в борьбе с преступностью без учета требований времени и политической ситуации» (Т. I, стр. 623). Добавим от себя: власть должна постоянно беспокоиться об имидже материальных средств ее обеспечения, в том числе и

органов внутренних дел, снабжая и насыщая их всем необходимым для успешного функционирования, беспокоясь об их авторитете среди населения.

Очень трудно, даже невозможно обойти вниманием какую-то из работ профессора В.В. Лазарева. Каждая из них «притягивает» добросовестного читателя, захватывает его, долго не отпускает, будирует мысли и воспоминания. При этом не имеет значения объем работы, высказанная оценка и больших монографий, и совсем «маленьких» по объему рецензий.

Мы вспомнили о рецензии Валерия Васильевича известного болгарского ученого, профессора Нено Неновски и посвященную ему другой публикации Лазарева, в чем, с нашей точки зрения, проявляется чуткость, интеллигентность и внимательность российского ученого.

Знакомясь с указанными публикациями В.В. Лазарева, мы сразу же вспомнили другие работы болгарского ученого [87; 88], встречи с ним в Болгарии, в частности, в Доме ученых недалеко от санатория МВД в очень красивом и уютном местечке на берегу Черного моря, совсем близко от Варны, получившем название Святых Константина и Елены, беседы с ним, а также рецензию, подготовленную на две его монографии [126]. Незабываемое впечатление произвел Нено Неновски своей эрудицией, увлеченностью теоретическими проблемами права, глубоким знанием советской (это было в 1980 году) научной юридической литературы, открытостью, откровенностью и притягательными человеческими качествами.

Вот такие, совершенно необычные впечатления вызывает знакомство с работами профессора В.В. Лазарева.

Рецензируемый трехтомный труд настолько интересен и актуален сегодня, что обращение к любой его части вызывает не только исторические

воспоминания о его восприятии в свое время, и самого автора, но и продолжает демонстрировать современную злободневность. Классика – она актуальна была и много лет назад, продолжает оставаться такой и ныне.

Вместе с тем в рецензируемом труде есть такие его новеллы, которые представляют собой лишь исторические зарисовки. Они остались там, в нашем прошлом, в неустроенном порой быте и практике правоохранительной и судебной деятельности. Мы имеем в виду те части работы, которые связаны с социально-психологическими аспектами применения права и с самим его процессом. К счастью, материальная неустроенность правоприменителей, о которой писал В.В. Лазарев, осталась в истории.

Кроме того, читая представленный трехтомник, сразу бросается в глаза научный кругозор автора, глубина изучения им российского и зарубежного законодательства, практики, истории правовой мысли. Строчки светятся талантом!

Рецензируемый трехтомник избранных трудов В.В. Лазарева, конечно, удался.

Он очень полезен теоретикам права, историкам права, философам. Его обязательно надо изучить профессорско-преподавательскому составу юридических вузов и факультетов, аспирантам, студентам. Книги интересны и практикующим юристам.

Поздравляем автора с научным достижением. После публикации трехтомника прошло десять лет. За эти годы Валерий Васильевич опубликовал много значимых и серьезных научных работ. Мы публикуем эту рецензию в связи с его юбилеем – 80-летием со дня рождения. Искренне желаем, кроме здоровья и благополучия, нового творческого вдохновения, чтобы количество замечательных избранных трудов переросло в четырехтомник, пятитомник и далее!

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-п. г. Санкт-Петербург. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи

- 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2015. – № 6734. – 27 июля.
4. Абдулаев М.И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблемы теории: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 1992. – 16 с.: ил.
 5. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
 6. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
 7. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
 8. Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 304-307.
 9. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия: «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.
 10. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1-11.
 11. Борзова Е.П., Покровский И.Ф. Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 188-192.
 12. Брежнев М.А. Министр Щелоков. – М.: Печатный Дом Илигар, 2010. – 613 с.
 13. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
 14. Ваксберг А. Бурные аплодисменты // Литературная газета. – 1988. – 21 сентября.
 15. Вознесенский Л.А. Истины ради. – М.: Республика, 2004. – 758 с.
 16. Второй Всероссийский съезд административных работников. 23-30 апреля 1928 г. / Сокращенная стенограмма. – М., 1929.
 17. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
 18. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С. 36-73.
 19. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
 20. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
 21. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2(52). – С. 206-208.
 22. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 292 с.
 23. Гулиев В.Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право. – 1986. – № 2. – С. 3-11
 24. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел СССР в последнее тридцатилетие Советской власти // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 47-78.
 25. Гущериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с.

- (Серия: «Безопасность человека и общества»).
26. Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 193-197.
 27. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
 28. Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается компрехендный подход // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 3. – № 1(10). – С. 77-87.
 29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
 30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Институты права с позиций компрехендной теории познания // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.). / Отв. ред. Ф.М. Раянов. – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 45-55.
 31. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 4-13.
 32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права как наиболее точный путь его познания // Юридическая гносеология. – 2017. – № 1. – С. 18-33.
 33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани компрехендной теории познания права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 168-177.
 34. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 83-88.
 35. Захарцев С.И., Сальников В.П. О противоречивости права в контексте компрехендной теории // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 31-34.
 36. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
 37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Отрицательное или негативно-развратное право // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 185-189.
 38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Познание права через компрехендный подход с помощью афоризмов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2020. – № 1(5). – С. 5-12.
 39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24-25.
 40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
 41. Захарцев С.И., Сальников В.П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрехендной доктрины // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 189-194.
 42. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
 43. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
 44. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
 45. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
 46. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
 47. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-11.
 48. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3-14.
 49. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.
 50. Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибнет, то мир окажется у края бездны // Российская газета. – 2014. – 13 марта.
 51. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.:

- Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
52. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1.
53. Карпец И.И. Сыск. Записки начальника уголовного розыска. – М.: Наука, 1994. – 351 с. : портр.
54. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
55. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 78-85.
56. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
57. Корхов Ю. Паутина принуждения // Новый мир. – 1987. – № 5. – С. 241-245.
58. Кредов С.А. Щелоков. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 319 [1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: Серия биограф.; вып. 1287).
59. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания S.I.Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018 // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 191-194.
60. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
61. Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления / Отв. ред. М.И. Пискотин. – М.: Наука, 1987. – 294 с.
62. Лазарев В.В. Власть права или право власти? // Московские новости. – 1990. – № 41. – 14 октября. – С. 6.
63. Лазарев В.В. Закон и его применение // Советское законодательство: пути перестройки / Алексеев С.С., Братусь С.Н., Венгеров А.Б. и др.; Отв. ред. А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин. – М.: Юрид. лит., 1989. – 431 с.
64. Лазарев В.В. Законодатель как сторона в конституционном производстве: судебные речи. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2105. – 880 с.
65. Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. I: Закон. Законность. Применение закона / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010. – 648 с.
66. Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010. – 504 с.
67. Лазарев В.В. Избранные труды [В 3 т.]. Т. III: Из истории политической мысли / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010. – 416 с.
68. Лазарев В.В. Ильин Иван Александрович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. I. – М.: Юрист, 2009. – С. 285-289.
69. Лазарев В.В. Курс истории политических учений: значение, предмет и метод (Памяти проф. Неновски посвящаю) // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3(4). – С. 233-251.
70. Лазарев В.В. О соотношении принципов и норм международного и национального права // Адвокатура. Государство. Общество: Сб. матер. III Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2006. С. 207.-214.
71. Лазарев В.В. Плеханов Георгий Валентинович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. I. – М.: Юрист, 2009. – С. 568-571.
72. Лазарев В.В. Понимание права в трудах ученых Казанского университета // Материалы Юбилейной всероссийской научной конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете». – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – С. 18-25.
73. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.
74. Лазарев В.В. Пробелы в праве: Вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань: [б. и.], 1969. – 95 с.
75. Лазарев В.В. Рецензия на книгу В.С. Нерсесянца «Политические учения Древней Греции» (Москва: Наука, 1979) // Сов. государство и право. – 1980. – № 5. – С. 151-153.
76. Лазарев В.В. Рецензия на книгу Н. Неновски «Приемственность в правото» (София, 1975) // Сов. государство и право. – 1976. – № 1. – С. 152-153.
77. Лазарев В.В. Социально-правовая философия П.Я. Чаадаева в диалоге современных культур: Выступление на XIV Всемирном конгрессе философии права и социальной философии. Пекин. 15-20 сентября 2009 г. // В.В. Лазарев. Собр. соч. В 3 т. Т. III. – С. 356-365.

78. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. – Казань: Казанский ун-т, 1982. – 144 с.
79. Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право. – 1970. – № 11. – С. 38-44.
80. Лазарев В.В. Теоретические вопросы взаимосвязи профессиональных и общественных начал в деятельности органов внутренних дел: история и современность // Труды Академии МВД СССР. – М., 1990.
81. Лазарев В.В. Чаадаев. – М.: Юридическая литература, 1986. – 112 с.
82. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45. – в кн. 216 с.
83. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
84. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
85. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
86. Некрасов В.Ф. МВД в лицах: министры от Виталия Федорчука до Анатолия Куликова. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 359 с. : ил.
87. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987. – 245 с.
88. Неновски Н. Преемственность в праве: Монография. – М.: Юрид. лит., 1977. – 167 с.
89. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
90. Общественные организации, право и личность / Азовкин И.А., Батыгин К.С., Витрук Н.В., Кудрявцева Г.А., и др.; Отв. ред.: Щиглик А.И., Ямпольская Ц.А. – М.: Наука, 1981. – 367 с.
91. Пискотин М.И. Социализм и государственное управление. – М.: Наука, 1984. – 256 с.
92. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
93. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. – М.: Проспект, 2020. – 448 с.
94. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Сборник научных статей. Выпуск 1 /МВД России. Санкт-Петербургский университет; Под общ. ред. В.П. Сальникова; ред. кол.: Д.И. Луковская и др. – СПб., 2000.- С. 3-5. – в сб. 76 с.
95. Сальников В.П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. № 7. – Саратов: б.и., 1986. – С. 44-54.
96. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
97. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. – Самара: СГУ, 1991. – 164 с.
98. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
99. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
100. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
101. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
102. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
103. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.

104. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
105. Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибуллин А.Г. Классики современной российской теории государства и права. К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 11-19.
106. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
107. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
108. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
109. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
110. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
111. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.
112. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
113. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
114. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3(23). – С. 20-22.
115. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
116. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
117. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
118. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
119. Саррацин Т. Германия: самоликвидация / Пер. с нем.. – М.: АСТ, 2013. – 400 с.
120. Семенов Е., Пилипенко Ю. Скромное обаяние подлинного таланта // В.В. Лазарев. «Избранные труды [В 3 т.]. Т. 1 / В.В. Лазарев; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «Юст». – М.: Новая юстиция. 2010. – С. 5-6. – в кн. 648 с.
121. Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 145-150.
122. Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1968. – 199 с.
123. Фрэнсис Фукуяма: Америка в упадке. Источники политической дисфункции // <https://eadaaily.com/ru/news/2016/12/12/frensis-fukuyama-amerika-v-upadke-istochniki-politicheskoy-disfunkcii>
124. Чурбанов Ю.М. Мой тесть Леонид Брежнев. – М.: Алгоритм, 2007. – 256 с.
125. Чурбанов Ю.М. Товарищ милиция. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 206 с., ил.
126. Явич Л.С., Сальников В.П., Янгол Н.Г. Н. Неновски. 1) Право и ценности. София, изд-во На българската академия наукита, 1983. 146 с.; 2) Съвременни буржуазни учения за сържавата и правото. София, изд-во На софийски университет «Клемент Орхидески», 1984. 146 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1986. – № 1. – С. 103-105.
127. Policing z Riots. London, 1982.
128. S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 280 с.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЕМЕЛИН Сергей Михайлович,
и.о. заместителя председателя Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (УФИЦ РАН), профессор кафедры управления информационной безопасностью Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (г. Уфа, Россия)
E-mail: emelin_sm@mail.ru

ХАКИМОВ Салават Хазибович,
доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа, Россия)
E-mail: khakimov72@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

С.К. ВЯЗМИТИНОВ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ УФЫ 1816 ГОДА)

***Аннотация.** На основе опубликованной литературы и источников дается ретроспектива деятельности российского государства в лице центральных и региональных органов власти по формированию полицейской структуры городов российской империи в начале XIX века (на примере г.Уфы). Показаны особенности данного процесса, проблемы, с которыми сталкивались губернские органы власти в ходе выполнения предписанных задач. Также выделены различные вопросы взаимодействия существующих и вновь образованных городских и губернских структур по основным направлениям.*

***Ключевые слова:** министерство полиции; Уфимская губерния; Оренбургская губерния; Сергей Кузьмич Вязмитинов; городничий; полицмейстер; частный пристав; квартальный надзиратель; пожарная команда.*

**EMELIN S.M.
KHAKIMOV S.KH.**

C.K. VYAZMITINOV AND THE FORMATION OF A NEW POLICE STRUCTURE IN THE CITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF UFA IN 1816)

***The summary.** Based on the published literature and sources, the article provides a retrospective of the activities of the Russian state represented by Central and regional authorities on the formation of the police structure of the cities of the Russian Empire in the early XIX century (on the example of*

Ufa). The author shows the features of this process, the problems faced by the provincial authorities in the course of performing the prescribed tasks. Various issues of interaction between existing and newly formed city and provincial structures in the main areas are also highlighted.

Key words: Ministry of police; Ufa province; Orenburg province; Sergey Kuzmich Vyazmitinov; mayor; police chief; private bailiff; district supervisor; fire brigade.

Манифестом Императора Александра I от 25 июня 1811 г. было учреждено Министерство полиции Российской империи [30]. В его состав первоначально входили 3 департамента (полиции хозяйственной, полиции исполнительной и медицинский). Четвертым структурным подразделением была Особенная канцелярия, которая осуществляла функции политического сыска. В силу важности полномочий, возложенных на Министерство полиции («власть сия отличается от других властей исполнительных самыми предметами ея действия» [30]), для него впервые был разработан и опубликован специальный Наказ, ставший правовой основой организации и деятельности ведомства. «Составной частью в нем были «Правила особенной ответственности Министра Полиции». Здесь «обстоятельства чрезвычайны» (определение и условия «чрезвычайности» не давались), министр полиции мог требовать в свое распоряжение войска как через военного министра, так и отдавая непосредственные распоряжения командирам полков. Специальный параграф «общего учреждения министерств» предусматривал освобождение министра от ответственности за превышение власти, если он действовал «в видах общей безопасности» [11, стр. 40].

Министром полиции был назначен генерал-адъютант А.Д. Балашов, который в период Отечественной войны 1812 г. был личным порученцем Александра I [6, стр. 28-29]. После окончания войны он продолжил службу при государе, в связи с чем исполняющим обязанности, а фактически министром полиции до 1819 г. был граф Сергей Кузьмич Вязмитинов, в прошлом – первый военный министр России (с 1802 по 1808). Управляя Министерством полиции, он оставался и военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга [3, стр. 95].

Интересно, что одним из этапов в жизни и деятельности нового управляющего мини-

стерством явилось и руководство Уфимским и Симбирским наместничеством, в должности генерал-губернатора с 1794 по 1796 год [16, стр. 138-139].

Сергей Кузьмич (Козьмич) Вязмитинов родился 17 (18) октября 1744 года. В 1754 году он был записан унтер-офицером в observational корпус, в 1761 году произведён в прапорщики и определён на службу в ландмилицкий полк Украинского корпуса [5, стр. 117].

Через десять лет С.К. Вязмитинов, уже в чине подполковника, служит адъютантом у губернатора Малороссии графа П.А. Румянцева-Задунайского, ещё через шесть производится в полковники и назначается командиром Астраханского пехотного полка. За успешное командование полком он в 1784 году получает чин бригадира, а в 1786 – генерал-майора.

В русско-турецкую войну (1787–1791) С.К. Вязмитинов командовал Екатеринославским корпусом и участвует во взятии Хотина (1788), Аккермана и Бендер (1789). Награждён орденом Св. Владимира II степени.

В 1790 году С.К. Вязмитинова ставят правителем Могилёвского наместничества и командиром Белозерского егерского корпуса. На этих должностях он проявил недюжинные организаторские способности, сумев за считанные дни и с большой экономией для казны построить на Двине целый гребной флот в составе 70 судов. В конце 1794 года С.К. Вязмитинов вступил в должность генерал-губернатора Уфимского наместничества [16, стр. 137-138].

Настоящую дату подтверждает и «Дневник» М.С. Ребелинского – уфимского чиновника, ежедневно записывавшего происходящие события в течение двадцати лет с 1792 по 1812 год:

«24 октября (1794. – Авт.) новости таковы, что определён наместник сюда Вязмитинов.

1 ноября (1794. – Авт.) получен указ о бытии здесь генерал-губернатором Вязмитинову...» [21,

стр. 464].

При С.К. Вязмитинове численность Оренбургского казачьего войска постоянно росла. В 1795 году в Оренбургский край из Донского казачьего войска было сослано 578 душ обоюга пола, и все они были зачислены в Оренбургское войско. Сохранились данные, что в войско зачислялись бывшие запорожцы, а также иностранцы, в том числе бывшие пленные. Все они принимали православие.

По оценкам современников, деятельность губернатора была плодотворной и служила к облегчению тягот всех сословий. Например, до его назначения с тептярей и бобылей ежегодно брали налоги до 85 копеек в год. Кроме денег, налоги платились рожью и крупой. Это было непосильным бременем, так как тептяри, помимо налогов, содержали на свой счёт пятисотенный казачий полк. После обращений губернатора к правительству, тептяри и бобыли стали платить на пять копеек меньше, а налоги продуктами были отменены вовсе.

В 1796 году образовались затруднения с доставкой соли в Челябинск, Троицк и Верхнеуральск, и С.К. Вязмитинов со своим административным талантом, добился снабжения этих городов солью из других источников. Ситуация нормализовалась.

С Сергеем Кузьмичом в дружеских отношениях был наш земляк, великий поэт и государственный деятель Г.Р. Державин. В письме Д.М. Мертваго в Оренбургскую губернию (17 июля 1796 года) поэт так отзывался о Вязмитинове:

«Я и сам совершенную цену знаю почтенного человека. Дай Бог, чтобы он в нашем краю побыл подолее и был благополучен» [16, стр. 136-137].

Однако быть «подолее» в Оренбургском крае С.К. Вязмитинову не пришлось. 12 декабря 1796 года вышел указ «О новом разделении государства на губернии», согласно которому Россия была разделена на 34 губернии, в числе которых «повелено быть Оренбургской губернии, что до сего была Уфимской». Военным губернатором Оренбургской губернии стал генерал от инфантерии барон Осип Андреевич Игельстром. С.К. Вязмитинов указом от 16 декабря, назначен был «военным губернатором в Чернигов и управлять Малороссийской губернией» [25].

Наиболее ярко организаторский талант С.К. Вязмитинова проявился в период

руководства им Военным министерством (1802-1808) и Министерством полиции (1812-1819). Во время наполеоновского нашествия 1812 г. совместно с Министерством внутренних дел он непосредственно занимался вопросами обеспечения русской армии и флота. Министерство полиции участвовало в проведении рекрутских наборов, организации ополчения, снабжении войск продовольствием, медицинскими материалами, организации воинских аптек, снабжении войск пошивочным материалом, лошадьми. О главенствующей роли Министерства полиции в деле формирования ополчения свидетельствует тот факт, что все представления и донесения по делам ополчения, адресованные в Комитет внутреннего ополчения, в соответствии с сенатским указом от 17 августа 1812 г., надлежало направлять на имя министра полиции [25].

В соответствии с Именным указом от 15 марта 1812 г. «О правилах для управления Главнокомандующему Действующей Армии Губерниями, в военном положении объявленными» губернии, объявленные на военном положении, в полицейском отношении и по вопросам обеспечения армии состояли в подчинении главнокомандующего действующей армией. Главнокомандующему при этом предоставлялось право отстранять от должности чиновников городской и земской полиции.

Следует отдельно отметить, что именно Министерство полиции во время войны 1812 г. занималось борьбой со шпионажем, поскольку иных специальных органов контрразведки в России на тот момент не существовало.

По окончании войны с Наполеоном в целях заботы об офицерах, вышедших в отставку в результате полученных ранений, 18 августа 1814 г. был образован Комитет о раненых. Для трудоустройства указанных офицеров Комитет министров направил Императору записку о вакансиях в различных министерствах и ведомствах, которые возможно заместить уволенными офицерами.

Император своим указом от 5 мая 1816 г. предписал генерал-фельдмаршалу Н.И. Салтыкову объявить министрам «наблюдать следующее правило: при открытии вакансий не иначе замещать места, показанные в записке, как ранеными Офицерами по удостоению Комитета, учрежденного в 18 день Августа 1814 года». Для этого каждый раз министры должны были связываться

с Комитетом для получения уведомления, «кто удостоен будет к определению из раненых Офицеров с сохранением данного при отставке пенсиона». В числе вакансий по Министерству полиции значились городничие, полицмейстеры, земские исправники в ряде губерний [8]. Уже после смерти С.К. Вязмитинова (октябрь 1819 г.), 4 ноября 1819 года Министерство внутренних дел и все дела бывшего Министерства полиции были переданы В.П. Кочубею [2, стр. 11-17; 7, стр. 65-67; 12, стр. 8-19].

При упразднении Министерства полиции в 1819 г. функции по управлению полицией вновь были переданы в ведение Министерства внутренних дел.

С.К. Вязмитинов сыграл значительную роль и в укреплении городских полицейских учреждений, в том числе и Уфы. В период его руководства Министерством полиции территория Башкирии входила в состав Оренбургской губернии, где главным являлся военный генерал-губернатор, которому подчинялся гражданский губернатор. Резиденция первого находилась в Оренбурге, второго – в Уфе.

В 1803-1817 военным генерал-губернатором края служил генерал от Кавалерии князь Г.С. Волконский, с 1817-1830 генерал-лейтенант П.К. Эссен. Гражданским губернатором в этот период работал М.А. Наврозов [15, стр. 54].

Формирование штатов Уфимской городской полиции происходило при активном участии вышеуказанных губернаторов. Непосредственно данной работой занимался статский советник Матвей Андреевич Наврозов, прибывший в Уфу 26 ноября 1811 г. с должности вице-губернатора Слободско-украинской (с 1825 г. – Харьковской) губернии [4, стр. 116].

М.А. Наврозов, в отличие от своих предшественников, с 17 лет находился на гражданской службе, в армии не служил и в военных походах не участвовал [31, л. 222, 223]. Через свою жену – Варвару Николаевну Энгельгардт, – которая была дочерью бывшего Могилевского губернатора действительного статского советника Н.Б. Энгельгардта, он приходился родственником С.К. Вязмитинову [31, л. 225, 226]. Сестра Варвары Николаевны – Александра Николаевна Энгельгардт – была замужем за С.К. Вязмитиновым, назначенным в 1794 г. Уфимским и Симбирским генерал-губернатором, командующим Оренбургским

корпусом. Брат Варвары Николаевны – Лев Николаевич Энгельгардт – с 1795 г. командовал 3-м полевым Оренбургским батальоном и оказался в подчинении С.К. Вязмитинова. По словам Л.Н. Энгельгардта, Вязмитинов сам «уговорил меня перейти под его начальство, чтобы быть вместе с моею сестрой». С приходом к власти Александра I происходит взлет карьеры С.К. Вязмитинова: с 1802 г. он стал военным министром, в 1810 г. – членом Государственного совета, а в 1812 г. – министром полиции и возглавил Комитет министров. Видимо, и назначение М.А. Наврозова в Оренбургский край стало неслучайным: можно предположить оказание прямой протекции [17, стр. 18].

Служба М.А. Наврозова в Оренбургской губернии началась очень успешно. Уже 27 марта 1812 г. военный губернатор Г.С. Волконский направил представление о награждении его орденом Св. Владимира 2-й степени [17, стр. 18, 19]. Военный губернатор писал, что статский советник М.А. Наврозов «с самого вступления в должность оказывает неутомимую в отправлении оной деятельность». Особенно высокую оценку с его стороны получило решение вопроса о содержании почтовых станций Оренбургской губернии. По инициативе М.А. Наврозова была проведена большая работа с дворянством губернии и удалось «отыскать охотников к содержанию почтовых станций, в самых тех местах, где они состоят за выгоднейшую цену» [31, л. 223, 223об]. Желаящие приняли на себя обязанность содержать определенное количество лошадей и экипажей с исключительным правом провоза как почты, так и пассажиров за установленные прогоны.

12 декабря 1816 г. М.А. Наврозов за усердную и долговременную службу был пожалован чином действительного статского советника, а 19 июля 1819 г. за «усердную службу» награжден орденом Св. Анны 1-й степени [35, л. 6].

Необходимость совершенствования полицейской структуры г. Уфы назревала давно, и непосредственным поводом для принятия новых штатов явился сильный пожар, который случился 16 мая 1816 г., выгорело 248 домов, (по другим данным – 400), гостиный двор, здания уездных учреждений, дом вице-губернатора, мост через реку Белую [13, стр. 1]. Губернатором М.А. Наврозовым были подготовлены все необходимые бумаги на имя С.К. Вязмитинова [34,

л. 1-4].

Аналогичная записка была подана и военным губернатором Г.С. Волконским, который просил министра о необходимости устроить в городе полицию и принять ее на счет казны, просил об ассигновании назначенных на содержание, предписал Оренбургской казенной палате отпустить на единовременные для полиции в Уфе издержки 5575 рублей и сверх того отпускать ежегодно на ее содержание по 7410 руб [34, л. 1об.]. После длительной переписки губернских властей с центральными ведомствами записка Г.С. Волконского о принятии содержания полиции города Уфы в счет казны министром была поддержана.

14 июля 1816 г. императором Александром I был подписан указ об утверждении штатов полиции г. Уфы [14, стр. 937]. В документе говорится: «Комитет, дабы облегчить жителей города Уфы, потерпевших разорению от пожара, и не отяготить вместе с тем обывателей, несущих земские повинности, таким расходом, который вовсе до земских повинностей не относится, полагал: содержание Полиции в одном городе Уфе принять на счет казны, а прочих городах оставить на прежнем основании; предоставить Главнокомандующему в Санкт-Петербурге о сумме потребной на Полицию в Уфе, известить Министра Финансов. При подписании сего журнала, Генерал от Артиллерии Граф Аракчеев объявил, что Государь Император,

по рассмотрению мемории, Высочайше соизволил утвердить мнение Комитета» [14, стр. 937] (Таблица 1).

Из таблицы видно, что, согласно штатам, Уфимскую полицию вместо городничего должен был возглавлять полицмейстер с окладом в 500 руб. в год, что уже поднимало статус городской полиции. У него в подчинении были 3 частных пристава с годовым содержанием по 200 руб. каждый. При полиции и в частях предполагались должности 12 полицейских служителей с окладом 75 рублей в год. В городе устанавливалось 15 полицейских будок по 3 человека в каждой, всего 45 человек с окладом в 45 руб. в год. В штаты были включены должность брандмейстера (150 руб.) и 2 помощника (по 75 руб.). Таким образом, в Уфимской полиции было задействовано 67 человек с содержанием из казны 7260 руб. в год (включая канцелярские расходы). Кроме того, дополнительно выделялось 150 руб. на ремонт пожарных инструментов. Итого 7470 руб. Кроме того, на организацию полиции города было единовременно выделено 5575 руб. [34, л. 100, 101].

31 июля 1816 г. министром полиции С.К. Вязмитиновым был подписан приказ, в котором отмечалось: «Уфимского городничего штабс-капитана Готовцева согласно прошению его за болезнью и представления Оренбургского военного губернатора уволить от настоящей должности и на место его по достоинству

Таблица 1. Штаты полиции в губернском городе Уфа 1816 года [34, л. 100].

Должность	кол-во	Жалование в год, рублей	
		на 1 сотрудника	всего
Полицеймейстер	1	500	500
Частные приставы	3	300	900
Квартальные надзиратели	3	200	600
Полицейские служители (при полиции и частях города)	12	75	900
Будочники	45	45	3375
Брандмейстер	1	150	150
Помощник брандмейстера	2	75	150
Канцелярские расходы и надзирательства			685
Ремонт пожарных инструментов			150
Итого на содержание полиции	67	1375	7470

комитета в день 18 августа 1814 года определить уволенного от военной службы за ранения в последнюю войну полученными, капитана Кременчугского пехотного полка Сергеева» [33, л. 36].

В фондах Национального архива Республики Башкортостан сохранился формулярный список первого уфимского полицмейстера капитана Сергеева Сергея Степановича. С момента своего назначения он исполнял обязанности первого Уфимского полицмейстера и был утвержден в новой должности 2 апреля 1817 года [22].

С.С. Сергеев родился в 1776 году в г. Риге, он выходец из солдатских детей. В 1793 г. в возрасте 17 лет начал служить рядовым Таврического гренадерского полка. Принимал участие в составе войск антифранцузской коалиции 1798-1799 гг., участвовал в боях на территории Голландии, в 1805-1806 гг. – Австрии и Пруссии, закончил войну в чине прапорщика. Принимал активное участие и в сражениях Отечественной войны 1812 г. В боях под Витебском, Смоленском, проявил себя бесстрашным командиром, лично взял в плен одного офицера и 11 рядовых неприятеля, за что С.С. Сергееву приказом генерала Баркляя-де-Толли было досрочно присвоено воинское звание штабс-капитана. В Бородинском сражении был ранен в плечо и за проявленное мужество и героизм награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» [19, стр. 33, 34].

Полицейстер С.С. Сергеев подготовил штаты полицейских частей города Уфы, оренбургский губернский архитектор Трофимов представил чертежи съезжих для построения во 2-й и 3-й частях, подготовленных и [34, л. 90, 91].

Рассмотрев представленные документы Оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский предложил Оренбургскому губернскому правлению «с 12 января 1817 г. полицию открыть и о заведении всех потребностей согласно предположению его учинить надлежащее распоряжение. Вследствие чего, губернское правление во всем должным образом распорядилось, и полиция открыта» [34, л. 3, 3об], – отмечалось в документе.

Таким образом, установлено, что с 12 января 1817 года Уфимская городская полиция с новыми штатами начала свою деятельность [34, л. 100, 101].

В 1817 году князя Г.С. Волконского на посту губернатора сменил 44-летний генерал от

инфантерии Петр Кириллович Эссен. Он был участником войн с наполеоновской Францией в 1806-1807 гг. и 1812-1814 гг., русско-турецкой войны в 1809-1812 гг. За боевые заслуги он был награжден орденами Св. Анны 2-й ст. (1796), 1-й ст. (1799), Св. Георгия 3-й ст., Св. Владимира 2-й ст. (1806-1807), 1-й ст. (1812), Св. Александра Невского с бриллиантами (1812), двумя золотыми шпагами с надписью «За храбрость», прусским орденом Красного Орла 1-й ст.

Как и его предшественники, главное внимание военный губернатор уделял укреплению войсковых частей. По предложению П.К. Эссена Военное министерство приняло решение о переводе в Оренбургское казачье войско более 13 тыс. душ мужского пола из служивых людей прежних служб и крестьян [18, стр. 179, 180]. Команды иррегулярных войск военный губернатор использовал как для защиты российских селений вдоль пограничной линии, так и для подавления волнений помещичьих и горнозаводских крестьян. В 1825 г. в поиске воли в губернию прибыло более 5 тыс. крестьян (одних только схваченных и учтенных властями), бежавших от помещиков из 21 губернии. Вслед за пришлыми крестьянами снялось со своих мест около 3000 крепостных из 100 имений оренбургских помещиков. В течение июня-июля 1825 г. волнениями были охвачены более 10 заводов губернии (до 30 тыс. крепостных) [9, стр. 234-242]. В пресечении побегов и подавления волнений по распоряжению П.К. Эссена участвовали все гражданские учреждения – от губернского правления и судебных палат до исправников, земских судов и полицмейстеров.

В апреле 1817 г. П.К. Эссен в докладе министру полиции вынужден был констатировать, что по прибытию в Оренбург он нашел «гражданскую полицию в лице одного городничего, по неимению никаких более при ней чиновников, военная полиция имела влияние на часть гражданскую, и от этого расстроился надлежащий порядок...» [1, стр. 105]. Поэтому губернатор решил по примеру Уфы усилить полицию Оренбурга. В проекте штатов Оренбургской полиции вместо будочников предполагалось усилить противопожарный инвентарь – купить 3 водоразливные трубы, а также приобрести 10 лошадей для возки инструментов к месту пожаров. Кроме того, при пожарных инструментах предполагалось ввести в штат должности

шести фурманов и двух трубочистов. Во всем остальном проект штата Оренбурга совпадал со штатами полиции Уфы [34, л. 3].

Процедура многочисленных бюрократических согласований необычайно затягивала какие-либо преобразования, но новый губернатор ускорил работу по подготовке проекта штатов полиции Оренбурга, который уже в августе 1817 г. был утвержден императором.

После поездки в 1816 г. Александра I по стране и его критики полиции, которая не всегда хорошо исполняла свои обязанности по поддержанию порядка на улицах и «обывательских дворах», в 1818 г. последовал указ «Об устройстве полиции в губернских городах и особенно пожарной части». Указ обязывал Министерство полиции пересмотреть полицейские штаты городов, подбирать на службу в полицию достойных чиновников, контролировать правильность и целесообразность разделения городов на полицейские части и кварталы [17, стр. 12]. Исполняющий обязанности министра полиции обязал оренбургского гражданского губернатора предоставить штаты полиции губернского города, но т.к. они были утверждены еще в 1816 г. и, в целом, соответствовали новым требованиям, то сколько-нибудь существенных изменений в структуре уфимской полиции не произошло.

На годы губернаторства М.А. Наврозова, резиденция которого находилась в Уфе, пришлось два сильных пожара. Все эти обстоятельства вынуждали гражданского губернатора неоднократно обращаться в вышестоящие инстанции для выделения дополнительных средств на увеличение численности пожарных и приобретение соответствующих инструментов, лошадей, а также строительства «съезжих домов» [34, л. 23] при каждой части и сарай для пожарных инструментов [34, л. 16].

В своей записке на имя министра полиции С.К. Вязмитинова от 28 ноября 1817 года, ссылаясь на Оренбургские штаты, он отмечает, что в штатах Уфимской полиции «ни на покупку лошадей для поднятия пожарных труб, бочек с водой и прочих инструментов равно на не на фураж для сих лошадей нисколько суммы определено не было, равно и на фурманов для подвоза тех инструментов, то Правление сперва полагало потребное количество лошадей завести за счет городских доходов, равно как содержание

людей отнести за счет же оных, но в последствии времени Уфимская Градская Дума отзывалась, что по чрезвычайной малости доходов она никак не может предположенных сего исполнить Градской Думой, почему губернское Правление, не осмысливаясь войти с новым дополнительным представлением о заведении всего оного на счет казны хотело распорядиться, чтобы лошадей для подъема пожарных инструментов и прочего вместе с людьми нарядить поочередно с обывательских домов, но и всем встречаются большие неудобства: ибо нарушители города Уфы, состоящие из казаков и служащих, отставных и солдат, которые не имеют ни одной лошади и в бывшем пожаре еще более разорились, к тому же при таком наряде никогда не могут быть в надлежащей готовности и исправности ни лошади, ни люди, каждодневно сменяемые и не имеющие никакого познания в сем деле» [34, л. 2].

Противопожарные мероприятия в Уфе не были включены в смету, хотя губернское правление первоначально предполагало приобрести лошадей. Жители города, состоящие преимущественно из казаков, служащих и отставных солдат не имели возможности содержать лошадей и в бывшем пожаре еще более разорились. Вследствие этого, гражданский губернатор М.А. Наврозов просил военного губернатора П.К. Эссена «исходатайствовать для Уфимской полиции потребного количества лошадей для инструментов и фурманов для подъема воды, всего в 3 части 15 лошадей и 15 служителей» [34, л. 10].

В январе 1818 г. министр полиции С.К. Вязмитинов направил М.А. Наврозову отношение, в котором сообщал об императорском указе 1818 г. «Об устройстве полиции в губернских городах и особенно пожарной части».

В соответствии с этим документом предполагалось преобразовать устройство полиции в губернских городах, с целью повышения её эффективности, в том числе в деле пожаротушения. Было предписано составить смету предполагаемых расходов на единовременное устройство и ежегодное содержание полиции, включая постройку в каждой части съезжих домов. В каждом губернском городе предписывалось содержать брандмейстера с двумя помощниками, обученными обращению с пожарным инвентарем его ремонту. В последующем предполагалось учредить в городах пожарные команды,

укомплектованными из служащих Внутренней стражи [26].

В связи с этим указом исполняющий должность министра полиции велел гражданскому губернатору доставить существующее штатное расписание полиции [34, л. 2, 3]. Но, поскольку штат уфимской полиции, утвержденный в 1816 г., уже в целом соответствовал требованиям данного указа, существенных изменений в структуре полиции города не произошло.

26 июля 1818 г. М.А. Наврозов в записке к Оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену отмечал, что: «Вследствие сего предписания, имею честь препроводить штат, ныне существующий в Уфе полиции для представления оного его превосходительства Сергею Кузьмичу (Вязмитинову – авт.) честь имею донести» [34, л. 8, 9]. Далее гражданский губернатор отмечает, что трех частей, на которые разделена Уфа недостаточно для того, чтобы полиция исправно выполняла свои обязанности; но «дабы и письменные дела в частях текли исправно и содержались в порядке, необходимо прибавить в каждую часть по одному писцу с жалованием в 200 руб. в год, да в полицию письмоводителя и двух писцов с жалованием первому 250 руб. в год, писцам - 200 руб. в год» [34, л. 10]. В записке отмечалось, что пожарные инструменты состояли всего из четырёх новых заливных труб, приобретенных в 1812 г. из пожарного депо, десяти гайров, трёх ухватов, шестнадцати топоров и шестнадцати лопат, находящихся при одной полиции. «Съезжих домов» в частях не имеется, а построен только небольшой временный корпус для полиции с непрочными плетеными сараями под инструменты [34, л. 11-13].

Таким образом, на устройство пожарной части Уфы требовалось 9892 руб., на зарплату приказнослужащим полиции и съезжих Ежегодно 12836 руб., на постройку домов для полиции и трёх съезжих домов 67040 руб. Всего необходимо было изыскать 89868 руб. Городские доходы составляли 3141 руб., что не давало возможность Городской Думе взять на себя даже часть расходов.

С.К. Вязмитинов в своем ответе от 18 сентября 1818 года сообщил П.К. Эссену, что заявленная сумма на все потребности слишком внушительна.

В 1819 г. был составлен и утвержден новый план города Уфы, но реализовать его не успели: в 1821 г. произошел второй пожар, ставший

причиной отставки гражданского губернатора М.А. Наврозова.

26 мая 1821 г. по распоряжению гражданского губернатора для предотвращения падежа скота подожгли навоз, расположенный за новым зданием губернских присутственных мест в Уфе. Навоз стал потихоньку тлеть, а 1 июня 1821 г. поднявшийся сильный ветер раздул пламя, которое перекинулось на другие здания. В результате большого пожара сгорели многочисленные здания: «деревянный корпус, занимаемый губернским правлением, казенной палатой, приказом общественного призрения, рекрутским присутствием, канцелярией обер-форштмейстера, почтовой конторы, городской острог с гауптвахтой, магазины: соляной, провиантский, да в нем заготовлено провианта и фуража, и при них кордегардия, дом с уездным правлением питейного сбора, где находился и винный магазин, дом дворянского собрания, церковный дом, партикулярные строения: водочный завод, и обывательских 331 дом, да одна женщина преклонных лет» [34, л. 40].

По материалам следствия, последствия пожара усугублялись тем, что «все обыватели находятся в поле и о судьбе своей ничего не знают, но спасти имущества никто никакого не сумел» [34, л. 10].

По распоряжению военного губернатора расследование причин пожара проводил командир 26-й пехотной дивизии Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор А.С. Жемчужников. Результаты расследования отражены в докладе министру внутренних дел В.П. Кочубею, и вменяют основную вину в пожаре уфимской городской полиции, которая должна отвечать за сохранение чистоты в городе, однако она не только не обеспечила своевременный вывоз навоза из города, но и не предприняла мер для его тушения. Представители городской полиции в свое оправдание объясняли, что они «никакого действия не производят не получив прежде дозволения или запрещения от гражданского губернатора» [34, л. 25об]. Кроме того, с момента учреждения полиция испытывает постоянный некомплект, а улицы в городе убирают арестанты, «при отряжаемых офицере с конвойною командой. Они ничего не делают, так как принуждать их никто не может. И таковое непослушание происходило регулярно в виду самого гражданского губернатора» [34, л. 26об].

В ходе следствия вина гражданского губернатора была установлена.

Несмотря на то, что военный губернатор П.К. Эссен пытался защитить гражданского губернатора М.А. Наврозова и переложить всю вину на полицмейстера С.С. Сергеева, министр внутренних дел В.П. Кочубей, ознакомившись с материалами дела, сформулировал свое мнение так: «Местное губернское начальство не обращало никакого внимания на соблюдение в городе надлежащей чистоты, пренебреженной почти до неимоверности» [34, л. 84, 84об]. Министр посчитал, что местная полиция, безусловно, несет ответственность за «неисправные» действия при пожаре, но опасные распоряжения о сжигании навоза были отданы губернатором и все беспорядки происходили «перед глазами гражданского губернатора, не употреблявшего по долгу звания своего надлежащего старания к введению по сей части должного порядка и устройства на основании предписанных правил». Министр внутренних дел предлагал удалить от должности гражданского губернатора М.А. Наврозова, «причислить к герольдии для определения к другим делам». Полицейстер Уфы С.С. Сергеев был также отрешен от должности и предан суду [34, л. 108].

В 1823 г. министр внутренних дел направил в Комитет министров записку с заключением, что состояние уфимской полиции и, особенно, пожарной части «не достигает желаемого совершенства». Министр предложил Оренбургскому военному губернатору сформировать в Уфе комитет по уравнению городских повинностей под председательством гражданского губернатора в составе губернского предводителя дворянства, городского головы, полицмейстера и депутатов всех сословий, имеющих в городе дома. Положение о комитете было утверждено императором 10 января 1825 г. Комитету было предписано, изучив состояние городских доходов, «принять в соображение, не дозволяют ли сии доходы отнести на счет и ту сумму 7410 рублей, кои ныне отпускаются из казны» [28].

16 января 1828 года было утверждено положение Комитета Министров, объявленное Сенату управляющим Министерством внутренних дел. – О сборе на устройство пожарной части в город Уфа и об открытии в оном Комитета для уравнения городских повинностей [29].

Оренбургский военный губернатор

испрашивал о дозволении установить в Уфе некоторые сборы в пользу города с разных статей по составленной табели, средства которых будут направлены на содержание при Уфимской полиции пожарной части (Таблица 2).

Устройство полиции и пожарной части относилось согласно ст.49 и 52 Т. XII Свода Законов Российской империи на счет городских доходов. В случае недостатка средств губернаторам было представлено право изыскивать способы к увеличению доходов.

В 1830 г. Оренбургский военный губернатор П.П. Сухотелен докладывал министру внутренних дел, что, вследствие увеличения населения губернии после оплаты почтовых расходов осталась собранная в качестве земской повинности сумма в размере 143 тысяч рублей. Военный губернатор предложил употребить часть данной суммы на укрепление материальной базы полиции, а именно 20 тысяч рублей на полицию Уфы и по 5 тысяч на полицию уездных городов. Денежные средства предполагалось употребить, в частности, на закупку новых и ремонт имеющихся пожарных принадлежностей, приобретение для их перевозки лошадей, построение зданий полиции в частях городов с необходимыми пристройками для пожарного инвентаря и лошадей [1, стр. 121].

В 1825 году на должность Уфимского полицмейстера был приглашен из г. Оренбурга майор Лев Васильевич Соколов. В его формулярном деле отмечается, что он получил домашнее образование, в 1803 г. вступил юнкером в Оренбургский драгунский полк, участник Отечественной войны 1812 г., дважды ранен, награжден орденами святой Анны 3 степени, Святого Владимира 4 степени и серебряной медалью «В память войны 1812 г.» [22].

Важной вехой в жизни дореформенной Уфы явился посещение города императором Александром I.

3 апреля 1824 года находящаяся в Уфе губернская гражданская администрация получила от Оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта П.К. Эссена уведомление о предстоящем путешествии императора по Оренбургскому краю. К июню был определен маршрут следования государя: от Самары через Бузулук на Оренбург, оттуда в Стерлитамак и Уфу, далее в Бирск, Саткинский и Миасский заводы и Челябинск. Были приняты повышенные меры

Таблица 2. Табель о предполагаемых сборах по городу Уфа на содержание пожарной части [28].

С чего осуществляется сбор	кол-во	сумма	всего
С оценки обывательских домов		по 1/3 процента с рубля, во что оценен дом	1241 1/3 руб. 78 коп.
С домов на градской земле крестьянами гр. Шереметевых выстроенных	20	15 руб.	300 руб.
С заводов:		кожевенных по 15 р., мыльного 50 руб., кирпичных по 10 р.	1250 руб.
С ярмарочных лавок:		бревенчатых по 5 р., дощатых по 3 р.	430 руб.
С ярмарочных балаганов:	70	1 руб.	70 руб.
С балаганов сбитенных	2	20 руб.	40 руб.
С конфетных палаток	6	15 руб.	90 руб.
С городских весов	3	25 руб.	75 руб.
С винных погребов	4	20 руб.	80 руб.
С пыльной мельницы	1	10 руб.	10 руб.
С качелей	5	5 руб.	25 руб.
С торговой бани	1	10 руб.	10 руб.
С харчевень	3	100 руб.	300 руб.
С городской земли, пашнями занимаемой	30	3 руб. с десятины	10 руб.
С известковых ям	4	10 руб.	40 руб.
Итого			4051 1/3 руб. 78 копеек

безопасности. На Уфимского полицмейстера Лосенкова, городничих уездных городов, исправников возлагалась охрана общественного порядка в местах пребывания императора [32, л. 14об]. Общая протяженность маршрута движения императора по территории Оренбургской губернии составляла около 1,5 тыс. верст [21, стр. 155].

В период пребывания императора, особая ответственность ложилась на Уфимского полицмейстера, должность которого исполнял майор Иван Иванович Лосенков. Из его формулярного списка за 1823 г. следует, что он вышел из обер-офицерских детей, начал службу в Оренбургском 3 полевом батальоне, в 1807-1809 гг. участник

боев в Пруссии. За отличие против шведов получил императорскую благодарность [32, л. 14об, 15]. За мужество и храбрость в период войны против войск Наполеона награжден серебряной медалью «В память войны 1812 года» и орденами Св. Владимира 4 степени и Св. Анны 4 степени [32, л. 15, 16]. В 1820 г. был назначен городничим г. Троицка Оренбургской губернии. После увольнения полицмейстера С.С. Сергеева и отставки гражданского губернатора М.А. Наврозова стал полицмейстером г. Уфы и проработал здесь до 1825 г.

Частными приставами работали поручик П.Я. Лебедев, подпоручик П.И. Покровский,

надзирателем прапорщик М.В. Белобородов, имелось еще две вакансии [10, стр. 276].

При подготовке к встрече императора спешно ремонтировались находившиеся в плачевном состоянии почтовые тракты, проселочные дороги и мосты, по которым предполагался путь следования. Для этого со всей губернии сгонялись крестьяне, казаки.

Исполняющий должность гражданского губернатора Хирьяков потребовал от Уфимской «градской» думы приведения города в надлежащий вид. Однако городские управители ничего не сделали для облагораживания грязных улиц и крутых подъемов на пристанях у р. Белой. В результате, по приказанию П.К. Эссена очищать город пришлось самому губернскому начальству за счет города. «Усиленное исправление проезжих дорог по различным трактам, — *отмечает П.Л. Юдин*, — также вызвало массу довольно сложных недоразумений. П.К. Эссен требовал с населения отбыть эту повинность натурой; но никто — ни удельные конторы, ни помещики, ни войсковое казачье сословие, не соглашались работать даром. Принимались, конечно, самые крутые меры, которые порождали недовольство жителей и кипы бесплодной переписки [21, стр. 152].

Информация о таких распоряжениях дошла до Санкт-Петербурга, в результате император, заботясь о благосостоянии народа, поручил графу А.А. Аракчееву осуществить соответствующую проверку.

Аракчеев письмом от 24 июня 1824 года потребовал от оренбургского гражданского губернатора, действительного статского советника Г.В. Нелидова, объяснения: «по какому случаю производится исправление дорог в губернии обыкновенное ли то ежегодное исправление, или предпринятое по случаю полученных сведений о путешествии Его Величества; сколько в продолжение лета на какой дороге употреблено было работников и конных подвод и с какого количества душ то и другое приходилось, и если в каких местах дороги исправлялись наймом, то сколько именно издержано денег и по сколько пришлось заплатить с ревизской души» [21, стр. 153].

Губернатора и губернского предводителя дворянства Мордвинова не было в то время в г. Уфе, поэтому вице-губернатор Хирьяков и уфимский уездный предводитель дворянства Баранцов дали такие объяснения, которые, казалось,

удовлетворили требования графа. Между тем работы по исправлению дорог продолжались тем же порядком, как и прежде, только в предупреждение каких-либо пререканий со стороны местного дворянства или жалоб на обременительность работ в самую тяжелую страдную пору генерал-адъютант П.К. Эссен поспешил издать циркулярное предписание, в котором, между прочим, писал: «В ожидании того счастливого случая, который заставит видеть в Оренбургской губернии Всемилодившего Государя нашего, хотя я остаюсь в полной уверенности, что чиновники, обязанные службой, дворянство, благонамеренные граждане, равно и каждый верноподанный и усердный сын Отечества не оставят пекшись единодушно о всевозможном спокойствии его величества во время пребывания его в здешней губернии; но как опытом узнано в течение семилетнего моего здесь начальствования, что простолюдины по невежеству начальство ненужными, прихотливыми и с порядком и законами несовместимыми просьбами, то нужным нахожу посредством градских и земских полиций опубликовать, что строго запрещается всякого класса людям обременять подобными жалобами государя императора, как в пути, так и на ночлегах» [21, стр. 154].

Нередко губернские власти оказывали давление на местное население с целью скрыть недостатки своего управления и использовали для этого органы полиции.

Однако присланная вскоре после копия с высочайшего указа, данного еще 6 января 1819 года на имя министра полиции графа Вязьмитинова положила предел требованиям оренбургского военного губернатора. В указе ясно обозначались заботы императора Александра о своем народе:

«Я узнаю, — *говорилось в нем*, — что полиции во время моих путешествий через места их ведомства воспрепятствуют подание прошений ко мне в собственные руки. Такое действие полиции, в некоторой мере удаляющее от моего сведения нужды жителей обозреваемых мною частей государства, никогда не могло быть согласным с моим желанием» [21, стр. 155].

16 сентября 1824 года император Александр прибыл в Уфу. Вот как описывает приезд императора один из его современников П.Л. Юдин: «Прибытия его величества в Уфу ждали с величайшим нетерпением. Не говоря уже о массе простого народа — крестьян, башкир, казаков,

сюда со всей губернии съехались дворяне, чтобы видеть своего монарха и засвидетельствовать ему свои верноподданнические чувства.

Шестнадцатое сентября, день приезда Александра Павловича, было полно тревог и волнений. Весь город с раннего утра пришел в движение. Дома горожан и здания присутственных мест убрались флагами и вензелями. Те улицы, по которым должен был проезжать император, декоративно украсились гирляндами из разноцветных материй и зелени. Народ, разодетый по-праздничному, чтобы не пропустить царского поезда, толпами двигался к реке Белой. Глаза ожидающих были устремлены на Стерлитамакскую дорогу, откуда ожидался царственный путешественник. Колокольная городских церквей переполнилась горожанами.

Наконец, вдали, за рекой, белым столбом поднялась густая пыль. Потом загудели колокола уфимских церквей, и радостный благовест полился неудержимым призывом, возвещая жителям о приближении жданного гостя. Несколько минут прошло в томительном ожидании, и вот коляска государя, вздымая облако пыли, показалось на Белореченском мосту. С южных фасов крепости св. Петра грянул оглушительный залп орудий; колокола ударили трезвон, и государь ровно в 7 часов вечера въехал в город» [21, стр. 155, 156].

На следующий день император устроил торжественный прием в доме гражданского губернатора Г.В. Нелидова в присутствии своей свиты и оренбургского генерал-губернатора П.К. Эссена. На приеме присутствовало уфимское духовенство, военные, чиновники всех ведомств, а также дворяне и представители купечества. После завершения приема император провел смотр войск уфимского гарнизона.

Осмотрев войска – гарнизонный полк с гарнизонной артиллерией и легко-конные башкирские и казачьи сотни – Александр I пропустил их церемониальным маршем и остался вполне доволен, благодарил полки, а некоторых из офицеров пригласил к себе на обед. Следуя обратно в город, он посетил городскую больницу и тюремный замок. На следующий день, 18 сентября, в 7 часов утра, император после литургии присутствовал при закладке храма во имя святого благоверного князя Александра Невского, воздвигаемого на деньги, пожертвованные дворянами Оренбургской губернии, в

память посещения им этого края [21, стр. 157].

В фонде Оренбургского гражданского губернатора в Национальном архиве Республики Башкортостан хранится «Переписка с земскими исправниками и городничими о предоставлении почтовых лошадей по маршруту путешествия наследника Александра Николаевича по Оренбургской губернии» [23, л. 1].

В 1837 году цесаревич великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II) совершил большое путешествие по Российской империи, посетив с мая по сентябрь 30 российских губерний, в том числе на Урале и в Сибири.

Министр внутренних дел Д.Н. Блудов направил 30 марта 1837 года Оренбургскому гражданскому губернатору копию расписания следования цесаревича с просьбой обеспечить выставку «к означенному в сем маршруте времени в указанных местах потребного числа лошадей, преимущественно, из почтовых; недостающее же число оных дополнять обывательскими, тщательно наблюдая, чтобы в собственный экипаж Его Императорского Высочества впрягаемы были отнюдь не обывательские лошади, но почтовые, хорошо обьезженные, смиренные и не боящиеся огня, на случай если б Его Величество изволил ехать ночью с факелами». На всем пути следования почты, эстафеты и проезжие не должны были иметь никаких остановок в своем следовании. В прилагаемом списке экипажам царевича и его свиты значатся 11 экипажей с запряженными в них 57 лошадьми. Экипажи полковника Юрьевича, полковника Назимова, камердинера Его Высочества, коляска под кухню и перекладная для магазинов-вахтера должны были отправиться вперед десятью или двенадцатью часами раньше [23, л. 2].

Оренбургский военный губернатор В.А. Перовский сообщил письмом от 11 апреля 1837 оренбургскому гражданскому губернатору, что «Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику цесаревичу благоугодно было изъявить желание следовать в Казань из Златоуста не через Уфу, как было назначено в маршруте, а чрез Оренбург и Уральск». Губернатору следовало позаботиться о заготовлении на станциях предписанного числа лошадей и о приведении в лучшую исправность дорог, мостов, гатей и перевозов к безопасному и безостановочному проезду [23, л. 3].

Так как в измененном маршруте путь был назначен по Оренбургской линии, военный губернатор согласовал с начальником штаба отдельного Оренбургского корпуса исполнение распоряжений губернатора гражданского. В.А. Перовский разделил весь тракт на несколько частей и назначил ответственного штаб-офицера за каждый отрезок пути. В приложенном примерном маршруте описан путь от Кургана Тобольской губернии через Оренбургскую губернию до Казани с указанием количества верст между станциями и даты предполагаемого проезда цесаревича. Протяженность пути составила 2453 ? верст. В деле имеются рапорта земских исправников о ходе подготовки станций к важному событию.

Таким образом, с конца XVIII в. уездных городах территории современной Башкирии были сформированы городнические правления. Их штатная численность была небольшой, составляя от 2 до 5 человек в зависимости от количества

жителей. Важнейшим событием явилось утверждение штатов полиции г. Уфы в 1816 г., которое способствовало появлению первого полицейского подразделения, укомплектованного за счет казны. Эту дату вполне закономерно можно считать днем основания Уфимской городской полиции.

На должность городничих уездных городов и уфимского полицмейстера назначались бывшие армейские офицеры, рекомендованные Комитетом, а полицейские команды комплектовались казаками и рядовыми местных военных гарнизонов. На командиров внутренних гарнизонных батальонов в г. Уфе и Оренбурге возлагалось проведение ежегодных проверок состояния полицейских команд. В то же время отсутствие финансовых средств негативно сказывалось на укреплении материальной базы городских полицейских учреждений. Определяющую роль в подготовке и утверждении штатов полиции г. Уфы сыграл министр полиции С.К. Вязьмитинов.

Список литературы

1. Байгутлин Р.И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775-1862 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 189 с.
2. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
3. Борисов А.В., Мальгин А.Я., Р.С. Мулукаев. Полиция Российской империи. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013. – 318 с.
4. Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801-1855 гг.). – Уфа: Китап, 2010. – 383 с. : ил., портр., табл., факс., цв. ил.
5. Губернский служебник или список генерал-губернаторам, поручикам правителя, председателям уголовной и гражданской палат и дворянским предводителям в 47 наместничествах (губерниях) (1777 – 1796) / Сост. кн. Н. Туркестановым. – СПб.: тип. В.В. Нусвальта, 1869. – [8], 143 с.
6. Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Обер-полицейстеры Санкт-Петербурга (1779 – 1873 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 11-53.
7. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Министры внутренних дел Российской империи (1802 – 1861 гг.) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 53-103.
8. Магорин А.А., Дерешко Б.Ю., Невский С.А. «Служба полицейская сама собою подходит некоторым образом к военной» (взаимодействие полицейских властей с военным ведомством в Российской империи) // Вестник военного права. – 2016. – № 3. – С. 47-57.
9. Матвиевский П.Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуках движения декабристов в Оренбургском крае // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та – 1952. – Вып. 6.
10. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. Ч.II. – СПб., 1825.
11. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).

12. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
13. Очерк основания и 50-летней деятельности Уфимского попечительного о бедных комитета имп. Человеколюбивого общества. – СПб., 1871. С. 1.
14. Севастьянов С.Н. Князь Г.С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву-Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 3. – Оренбург, 1897.
15. Семенов В.Г. Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – 400 с.
16. Семенова Н.Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII-первая половина XIX веков) // Новый исторический вестник – 2016 г. – № 2.
17. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. Полиция Российской империи XIX – начала XX веков. – М.: АПО, 1992. – 55 с.
18. Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1891.
19. Хакимов С.Х. Формирование института частных приставов на Южном Урале XVIII-XIX вв.// Археография Южного Урала: исторический опыт как ресурс модернизаций. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Уфа. 14 октября 2011. – Уфа : БРО РОИА, 2011. – 240 с. : табл.
20. Юдин П.Л. Из дневника М.С. Ребелинского // Русский архив. – 1897. – № 3.
21. Юдин П.Л. Император Александр I в г. Уфе в 1824 г. // Исторический вестник. – 1892. – № 7.
22. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). – Ф. И-1 – Оп. 1. – Д. 402. Без пагинации.
23. НА РБ. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 143.
24. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). – Собр. 1. – Т. XVIII. – № 16839.
25. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXII. – № 25202.
26. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXV. – № 27221.
27. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Т. XXXIII. – № 26.355. С. 937.
28. ПСЗ РИ. – Собр. 1. – Том XX. – № 30190.
29. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. III. – № 2363.
30. ПСЗ.РИ. – Собр. 1. – Т. XXI. отд. 1. – № 24687.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 50.
32. РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 3. – Д. 718.
33. РГИА. – Ф. 1286 – Оп.2. – Д 116.
34. РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 292.
35. РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 208.

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент
(г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

ПАНЧЕНКО Станислав Олегович,
юрист Воронежского регионального отделения
Российского общественного благотворительного
фонда ветеранов (пенсионеров) войны, труда и
Вооруженных Сил (г. Воронеж, Россия)
E-mail: panchenko.yurist@yandex.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

КНЯГИНЯ М.А. ЩЕРБАТОВА КАК ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ВИНОВНИЦА ДУЭЛИ МЕЖДУ Э. ДЕ БАРАНТОМ И М.Ю. ЛЕРМОНТОВЫМ. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

***Аннотация.** Рассматриваются обстоятельства дуэли между французским бароном Эрнестом де Барантом и поручиком М.Ю. Лермонтовым 18 февраля 1840 года как спецоперация французского посольства по ликвидации великого русского поэта. Анализируется роль княгини М.А. Щербатовой в подготовке спецоперации, отмечается, что М.Ю. Лермонтова и княгиню не связывали никакие личные взаимоотношения.*

Мнение редакции журнала не во всем совпадает с мнением авторов статьи.

***Ключевые слова:** М.Ю. Лермонтов; Э. де Барант; М.А. Щербатова; гибридная война; спецоперация.*

**LITVINOV N.D.
PANCHENKO S.O.**

PRINCESS M.A. SHCHERBATOVA AS THE ALLEGED CULPRIT OF THE DUEL BETWEEN E. DE BARANT AND M.Yu. LERMONTOV. CRIMINOLOGICAL PORTRAIT

***The summary.** The circumstances of the duel between the French baron Ernest de Barant and the lieutenant M.Yu. Lermontov on February 18, 1840 as a special operation of the French embassy to eliminate the great Russian poet. The role of Princess M.A. Shcherbatova in the preparation of the special operation, it is noted that M.Yu. Lermontov and the princess were not connected by any personal relationship.*

The opinion of the editorial board of the journal does not coincide in everything with the opinion of the authors of the article.

***Key words:** M.Yu. Lermontov; E. de Barant; M.A. Shcherbatov; hybrid war; special operation.*

В истории русской культуры и литературы первой половины XIX века есть два черных пятна, связанных с деятельностью Французского посольства под руководством посла Проспера де Баранта.

27 января 1837 года около 17 часов, Французское посольство в России провело завершающий этап многолетней спецоперации по ликвидации А.С. Пушкина Дантесом*. Для ликвидации Пушкина во Франции, в военной школе Сен-Сир (1829-1830), был завербован курсант Жорж Дантес, чемпион в стрельбе по летящим голубям. Его привезли в Россию, где Николай I вручил ему офицерский патент и принял на службу в элитный Кавалергардский полк. Дантес на всех светских мероприятиях умышленно демонстрировал любовь к жене Пушкина, провоцируя его на дуэль. Во время дуэли Дантес нарушил правила дуэльного кодекса, выстрелил на мгновение раньше, не доходя до барьера, и тяжело ранил Пушкина [8, стр. 23; 47, стр. 293]. В результате полученной раны, 29 января, в 14 часов 45 минут, А.С. Пушкин скончался. Руководил спецоперацией французский посол П. де Барант. Именно он привез в Россию те дуэльные пистолеты особой конструкции, которые его сын Эрнест передал Дантесу для ликвидации А.С. Пушкина. Исследователи не смогли понять, почему посол Франции Проспер де Барант руководил ликвидацией известного русского поэта А.С. Пушкина [25, стр. 441-460]?

В литературе подчеркивается особый интерес французского посла де Баранта к представителям писательской элиты России. «С друзьями А.С. Пушкина – А.И. Тургеневым, В.А. Жуковским, князем П.А. Вяземским – Барант встречался не менее часто, чем с министрами и послами. Именно с представителями российской интеллектуальной элиты предпочитал общаться французский посол, находя петербургское светское общество скучным и унылым» [41].

Исследователи подчеркивают особое внимание Амабль-Гийом-Проспера Брюжьер барона де Баранта к А.С. Пушкину. «Барант очень высоко ценил талант Пушкина и переживал потерю, которую понесла Россия. Он присутствовал при выносе тела покойного поэта и отпевании в церкви» [43, стр. 720].

Де Барант был послом государства, враждебного России. В 1835 году, направляясь в Россию

на должность посла, он привез с собой новейшие дуэльные пистолеты. Это были пистонные (капсульные) пистолеты Дрезденского оружейника Карла Ульбрихта, которые, в отличие от кремниевых, реже давали осечку и обладали лучшей прицельностью. В 1837 году сын французского посла Эрнест де Барант вручил эти пистолеты д'Аршиаку, секунданту Дантеса, для ликвидации Пушкина [44, стр. 68].

Посол Франции близко общался с Пушкиным, неоднократно с ним встречался и беседовал. В этих встречах есть маленькое «но», которое позволяет говорить не о личном, а о служебном интересе де Баранта к Пушкину, которое сам посол стремился скрыть [25, стр. 441-460].

Посол, как водится, направлял донесения о своей работе во Францию. Донесения показывают его как наблюдательного, умного и проницательного дипломата. Посол ни разу в дипломатической и личной переписке не упомянул о своих встречах с великим русским поэтом и писателем А.С. Пушкиным.

Имя Пушкина упоминается в дипломатической переписке посла один раз, уже после убийства его французом Дантесом. Причем, он не сожалеет о гибели великого русского писателя; он лишь сочувствует Дантесу, убийце Пушкина, которого как «разбойника», на открытых саях, выдворили из страны, без всякого уведомления о том членов его семьи [25, стр. 441-460]. Говоря об убийстве Пушкина, дипломат никак не выражает своего отношения к произошедшей трагедии. Типа того: убили, ну и убили.

Судя по всему, де Барант был отменным разведчиком и психологом. Своим поведением он сумел создать у русских писателей имидж человека, глубоко переживающего смерть Пушкина [25, стр. 441-460].

Он присутствовал при выносе тела убиенного французами поэта и отпевании в церкви, чем произвел впечатление даже на В.А. Жуковского. Последний в письме к С.Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. заметил: «Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем» [41].

Немного перефразируем слова В.А. Жуковского. «Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы.

Вот почему Европа приняла решение о ликвидации Пушкина. Вот почему Европа направила в Россию послом французского писателя Проспера де Баранта, который ревностно относился к таланту Пушкина. Вот почему Европа направила в Россию высококвалифицированного стрелка Дантеса. Вот почему Европа вручила дипломату Просперу де Баранту новейшие дуэльные пистолеты Кухенройтера, для последующей передачи киллеру Дантесу. Посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с чувством глубокого удовлетворения, что пристрелили этого талантливого русского человека, слава которого уже затмевала Запад....».

В ноябре 1839 года французское посольство приступило к подготовке спецоперации по ликвидации М.Ю. Лермонтова [17]. С помощью писателя А.И. Тургенева французы провели тестирование Лермонтова М.Ю., о его отношении к французскому народу. Лермонтов был приглашен на бал во Французское посольство, где 2 января 1840 года его познакомили с Французским послом П. де Барантом и его сыном Эрнестом.

16 февраля 1840 года Лермонтова пригласили на бал в особняк де Лавалей. Во время вечера состоялась беседа Лермонтова и Э. де Баранта, в ходе которой де Барант вызвал на дуэль поручика Лермонтова*². Подобная «последовательность событий» позволяет говорить об умышленном создании ситуации для формирования дуэли.

18 февраля 1840 года состоялась дуэль между Эрнестом де Барантом и поручиком Лермонтовым М.Ю. Вся спецоперация была построена на создании преимуществ для Э. де Баранта. Конфликт был организован таким образом, что де Барант остался потерпевшей стороной. Как оскорбленный, он имел право выбора оружия. Француз выбрал шпагу и пистолеты. Французское посольство было уверено, что Лермонтов, как кавалерийский офицер, не владеет шпагой. Расчет строился на том, что, пока Лермонтов будет махать шпагой, как саблей, француз «наколет» его на шпагу. На всякий случай взяли дуэльные пистолеты и не взяли доктора. При отсутствии медицинской помощи любая рана была опасна для жизни М.Ю. Лермонтова.

Неожиданно для организаторов дуэли, Лермонтов продемонстрировал высокий уровень владения шпагой. Барон Э. де Барант, отменно владевший дуэльной шпагой, не смог нанести

поручику решающий удар. Судя по всему, испытанный французом страх, быть убитым Лермонтовым, выбил его из колеи, и не позволил использовать эффективно дуэльные пистолеты (рука дрожала).

При стрельбе из пистолета Эрнест, по примеру Дантеса, выстрелил раньше времени, до команды. И промахнулся [45, стр. 750-751]. Таким образом, французам не удалось ликвидировать поручика Лермонтова, как они до этого ликвидировали А.С. Пушкина [46, стр. 28].

Заслуживает внимания сам механизм провоцирования дуэли. 16 февраля 1840 г., сын французского посла Э. де Барант, подойдя к приглашенному на бал Лермонтову, затеял разговор.

«Барант: – Правда ли, что в разговоре с известной особой вы говорили на мой счет невыгодные вещи?»

Лермонтов: – Я никому не говорил о вас ничего предосудительного».

Барант не назвал имени конкретной дамы и не конкретизировал «невыгодные вещи».

«Барант: – Все-таки, если переданные мне сплетни верны, то вы поступили весьма дурно».

Барант назвал информацию «сплетнями», которые не заслуживают внимания. Одновременно он провоцирует Лермонтова на конфликт, обвиняя его в распространении ложных слухов и оскорбляя его. «Вы поступили весьма дурно». Вне всякого сомнения, разговор между сыном посла и поручиком – гусаром происходил в окружении французов.

«Лермонтов: – Выговоры и советы не принимаю и нахожу ваше поведение весьма смешным и дерзким».

«Барант: – Если бы я был в своем отечестве, то знал бы, как кончить это дело».

«Лермонтов: – В России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно» [12, стр. 393].

Еще раз обратим внимание на место событий: французский особняк де Лавалей. Это была резиденция французской разведки. Здесь собиралась французская диаспора в Санкт-Петербурге. Сюда приходили по вечерам высокопоставленные чиновники, представители культуры, и, «под коньячок», болтали о государственных проблемах. В разведке это называется «работа на слух», сбор информации от людей, «просто болтающих» о своих служебных проблемах.

Э. Де Барант не называл ни одного конкретного имени, ни одного конкретного факта, чтобы обосновать вину Лермонтова. В присутствии французов он обвинил офицера Лермонтова М.Ю. в клевете, в «распространении сплетен». Он изобразил себя «жертвой клеветы», и спровоцировал согласие Лермонтова на дуэль.

Из объяснения Лермонтова, генерал-майору Н.Ф. Плаутину: «16 февраля на бале у графини Лаваль господин Барант стал требовать у меня объяснения насчет будто мною сказанного. Я отвечал, что все ему переданное несправедливо, но так как он был этим недоволен, то я прибавил, что дальнейшего объяснения ему давать не намерен. На колкий его ответ я возразил такую же колкостью, на что он сказал, что если бы находился в своем отечестве, то знал бы, как кончить это дело. Тогда я сказал, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно. Он меня вызвал, условились и расстались» (конец февраля 1840 г.) [16, стр. 152-153].

Современники пытались выяснить, что или кто послужили причиной конфликта. Версии и лица назывались самые разные.

В качестве одной из причин дуэли называется «Спор о смерти Пушкина». Это было бы естественным продолжением стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». Лермонтов конкретно указал на тех французов, кто «на ловлю счастья и чинов заброшен к нам по воле рока». Как утверждала Е.П. Ростопчина, «спор о смерти Пушкина был причиной столкновения между ним и г. де Барантом, сыном французского посланника» [35].

Не отвергая возможности спора о смерти Пушкина, выскажем определенные сомнения. М.Ю. Лермонтов пришел в гости к французам. В такой ситуации было неэтично затевать разговор и обвинять французов в ликвидации Пушкина. Разговор могли спровоцировать А. Столыпин и А.И. Тургенев, Лермонтов мог включиться в разговор, а тут рядом «случайно» оказался де Барант-младший.

В любом случае, конфликт был хорошо срежиссирован. Вне всякого сомнения, вокруг Эрнеста де Баранта стояли сотрудники французского посольства. Из представителей русской светской публики был, судя по всему, только А. Столыпин (Монго). В противном случае

информация о конфликте и о вызове на дуэль поручика Лермонтова пошла бы моментально гулять по столице.

Другая причина дуэли, чаще всего обсуждаемая: некая «таинственная дама», имени которой не смогли установить ни современники, ни последующие исследователи. Не исключено, что Э. де Барант сослался на конкретную даму, но Лермонтов скрыл это имя в своих показаниях.

М.А. Корф в своих записях в качестве виновниц дуэли называл двух вероятных претенденток: а) «молоденькая и хорошенькая Штеричева, жившая круглою сиротою у своей бабки, ... молодая вдова»; б) «жена консула нашего в Гамбурге Бахерахта, известная кокетка и даже, по общим слухам, женщина легкого поведения» [14, стр. 474; 46; 9, стр. 156].

Чтобы проследить «женскую версию», надо посмотреть, с кем из названных женщин Лермонтов общался в Санкт-Петербурге. О его встрече с госпожой Бахерахт нет упоминаний у современников.

Говоря о дуэли Лермонтова и де Баранта, лермонтоведы нередко основным (предположительно) виновником конфликта считают княгиню Марию Щербатову. «Соперничество в уходе за Лермонтова и Э. де Баранта за Щербатовой считается одной из возможных причин дуэли между ними», – пишется в лермонтовской энциклопедии. При этом авторы забывают, что у Лермонтова и Э. де Баранта 16 февраля 1840 г. была только вторая встреча. До этого они нигде, по воспоминаниям современников, не общались, и у них не было повода делить княгиню Щербатову.

Обычно лермонтоведы цитируют реплику Шан-Гирея о том, что «слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта... и на завтра назначена была встреча» [23, стр. 46].

Если верить Шан-Гирею, то желание Баранта сразиться с Лермонтовым на дуэли возникло у него неожиданно, спонтанно, на балу, когда он увидел, что Щербатова оказывает сопернику «слишком явное предпочтение». Предположение неверное, потому как подготовка дуэли французским посольством началась в ноябре 1839 года, за три месяца до самой дуэли.

После гибели Лермонтова М.Ю. была запущена устойчивая версия о его любви к княгине М.А. Щербатовой. О любви Щербатовой и

Лермонтова говорит и Н.М. Смирнов в «Памятных заметках»: «...он влюбился во вдову княгиню Щербатову... за которою волочился сын французского посла барона Баранта. Соперничество в любви и сплетни поспорили Лермонтова с Барантом... Они дрались...» [37, стр. 239].

Если бы эти слова были правдой, то у Лермонтова было преимущество на право «владения» княгиней. Ибо «он влюбился во вдову княгиню Щербатову», а француз просто «волочился», в надежде на сексуальную доступность вдовы. В этом случае вполне естественно, чтобы княгиня отдала предпочтение в общении влюбленному офицеру, а не сексуально озабоченному француз.

Однако, подобного рода утверждения Шан-Гирея и Н.М. Смирнова вызывают недоумение. Княгиня Щербатова не появлялась в свете, она предпочитала проводить свободное время в салоне Карамзиной. Поэтому у Щербатовой не было условий для знакомства с молодым французом. В воспоминаниях современников нет информации о знакомстве М.А. Щербатовой и Э. де Баранта. Начнись у них «русско-французский роман», это сразу же стало бы поводом для обсуждения.

Здесь также наблюдается легкомысленный подход объяснения дуэли. «Соперничество в любви» послужило причиной дуэли. Напомним легкомысленным авторам, что дуэль – это не хлопки ладошкой по чужой оголенной попе. Дуэль, это узаконенное покушение на убийство. Классическая дуэль, это шпага и пистолет. Тот, кто вызывает на дуэль, рискует также своим здоровьем и жизнью, как и объект дуэли. Французы, провоцируя дуэль, были уверены в стопроцентной безопасности Эрнеста, который отменно владел шпагой. Во время дуэли рухнула какая либо надежда на безопасность француз: поручик продемонстрировал профессиональное владение шпагой. Вот почему у француз задрожали руки, и он не смог попасть из пистолета в рядом стоящего Лермонтова. Какие основания были у Баранта вызывать Лермонтова на дуэль из-за Щербатовой и подставлять себя под удар шпаги или под пулю из пистолета гусара? Да абсолютно никаких. Даже если бы он в действительности «волочился за Щербатовой». Таких «княгинь» на каждом светском балу были десятки. Ради них не было основания

подставляться под удар шпаги или пулю из пистолета. В источниках нет ни одного упоминания о взаимоотношениях между Барантом и Щербатовой до того злополучного бала, когда Барант вызвал на дуэль Лермонтова.

Теперь к вопросу о «явном предпочтении». Барант вызвал Лермонтова на дуэль во французском особняке Лавалей. Биографы не выяснили, кто пригласил Лермонтова на бал к Лавалей. Не исключено, французы, с которыми он познакомился во французском посольстве 2 января 1840 г. Кто пригласил Щербатову на бал к де Лавалей? И была ли она там? Почему многочисленные «авторы», говоря о Щербатовой, как причине конфликта, даже не упомянули о ее присутствии в особняке де Лавалей 16 февраля 1840 года? К тому же, в диалоге между Э. де Барантом и Лермонтовым речь идет об отсутствующей даме.

И еще один вопрос о взаимоотношениях Лермонтова и Щербатовой. Если они были любовниками, им нечего было скрывать от окружающих. Они были молоды, она – вдова без обязательств перед кем либо, он – холостяк. Зачем им было прятаться по углам, если они могли демонстрировать свои чувства всему свету и всем окружающим?

И последнее в ряду недоуменных вопросов: вдова как повод к дуэли. Дуэльный кодекс, разрешая дуэль за честь женщины, строго ограничивал категорию женщин, за честь которых следовало выходить к барьеру. Выходить на дуэль можно было только за честь близких женщин. Вызывать соперника лишь за то, что мало знакомая дама общалась с другим, более знакомым ей мужчиной, нарушение дуэльных правил. В данном случае на балу честь Баранта не была бы задета стремлением Щербатовой общаться с Лермонтовым [10].

Судя по всему, женскую «версию» дуэли с участием М.А. Щербатовой разработали и подбросили сами французы. В террорологии есть такое понятие: посттеррористическая дискредитация жертвы. После ликвидации объекта покушения включается механизм дискредитации жертвы. Обществу надо довести до сведения, что этот человек сам виновен в том, что его убили.

Наглядный пример, ликвидация начальника спецслужбы Российской империи генерала Н.В. Мезенцева. 4 августа 1878 г. в результате подготовленной спецоперации генерал

Н.В. Мезенцев был тяжело ранен ударом особо изготовленного стилета, который Кравчинский привез с собой из Европы. В отличие от обычных, колющих стилетов, у Кравчинского был колюще-режущий, изготовленный по особому заказу. Кравчинский, прибывший из Англии, нанес генералу колющий удар специально изготовленным стилетом, с проворотом клинка в теле жертвы. В результате разорвал все внутренности у генерала. Через несколько часов генерал Мезенцев в муках умер [18].

По результатам ликвидации генерала Н.В. Мезенцева боевик Степняк-Кравчинский выпустил листовку, «Смерть за смерть». В которой обосновывал право революционеров на убийство высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов и спецслужб.

Чтобы понять причастность княгини Щербатовой к жизни М.Ю. Лермонтова, надо начать с ее биографии, и проследить их взаимоотношения. В лермонтовской энциклопедии дается «историческая справка» на М. Щербатову:

«Щербатова Мария Алексеевна (урожд. Штерич) (ок. 1820–79), княгиня; в первом браке за князем М.А. Щербатовым, во втором – за И.С. Лутковским. Лермонтов был увлечен ею в 1839–1840 гг. Молодая вдова, красивая и образованная, Щербатова вела в Петербурге светский образ жизни, но предпочитала балам салон Карамзиных, где, видимо, и познакомилась с Лермонтовым.... Щербатова высоко ценила поэзию Лермонтова, после чтения у нее «Демона» она сказала поэту: «Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака. По свидетельству А.И. Тургенева, Щербатова испытывала к Лермонтову серьезное чувство («Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова»). Однако бабушка Щербатовой (С.И. Штерич), как вспоминает А.О. Смирнова, «ненавидела Лермонтова» и желала, чтобы на ее внучке женился И.С. Мальцов. Лермонтов бывал у Щербатовой в Петербурге в доме на Фонтанке... и на даче в Павловске, встречался с ней у общих петербургских знакомых, а в мае 1840 г. – в Москве. Поэт посвятил Щербатовой стихотворение «Молитва» («В минуту жизни трудную») и «М.А. Щербатовой». Последнее отдано в печать после смерти Лермонтова самой Щербатовой» [29, стр. 28-29; 32, стр. 164-165; 40, стр. 225; 37, стр. 239-240; 38, стр. 247; 42, стр. 493].

Более внимательные исследователи вносят коррективы в биографию княгини. Так, Е.И. Мительман в статье «Еще о М.А. Щербатовой» уточняет, что мужем вдовствующей княгини был не Михаил Александрович Щербатов, а «однопольчанин поэта, штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка князь Александр Михайлович Щербатов», родившийся в 1810 году. Свадьба князя Щербатова с М.А. Штерич состоялась 17 января 1837 г [1, стр. 661; 26, стр. 14].

В информационный оборот еще в то время была запущена версия о том, что М.А. Штерич была круглой сиротой, пребывала в нищем состоянии, жила и воспитывалась у бабки в Москве. При этом ссылаются на запись М.А. Корфа в его дневнике от 21 марта 1840 г.: «Несколько лет тому назад молоденькая и хорошенькая Штеричева, жившая круглою сиротой у своей бабки, вышла замуж за молодого офицера кн. Щербатова» [23, стр. 230-231; 33, стр. 163].

Прежде всего, девица Мария Штерич не была сиротой. В свое время императрица Елизавета Петровна позволила сербским дворянским родам селиться на пустынных землях Дикого поля, между Херсоном и Луганском. Сербские гусары активно женились на украинках, породив межплеменную метисацию. М. Штерич происходила из одного из таких сербско-украинских родов. Как утверждают специалисты, «прадед Марии был основателем того самого гусарского полка, в котором служил Лермонтов».

На момент выхода замуж отец Марии, Алексей Петрович Штерич, был жив и являлся почетным смотрителем славяно-сербского уездного училища в Екатеринославской области (Одесский учебный округ). Отец Марии, Алексей Петрович Штерич, был украинским помещиком, землевладельцем. Судя по всему, основную часть жизни, до приезда в Москву, Мария Штерич провела на Украине, в поместье отца. Затем переехала в Москву, жила и воспитывалась у бабушки, Серафимы Ивановны Штерич, урожд. Борноволоковой (1778-1848). Не исключено, Марию отправили в Москву, чтобы после смерти бабушки она вступила во владения ее квартирой. Легенда о сиротстве Марии была запущена, скорее всего, самой бабушкой. В воспоминаниях нет информации о том, что отец обеспечивал свадьбу своей дочери с князем Щербатовым, либо хотя бы поддерживал родственные отношения. Лермонтов знал биографию и сельское

происхождение княгини Щербатовой, которая не захотела жить в деревне, среди цветущих степей Украины, а переехала вначале в Москву, а потом в Санкт-Петербург. Украинские корни Марии были хорошо известны всем. Не случайно М.Ю. Лермонтов написал, что Мария,

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

В Российской империи дворяне очень внимательно относились к тому, на ком жениться и за кого выходить замуж. От этого зависела чистота рода, финансовое состояние и карьера. Поэтому маловероятно, чтобы молодой и богатый князь, офицер элитного гусарского полка, имеющий особняк в Санкт-Петербурге, владелец поместья и тысячи душ крестьян, женился на безродной сиротинушке, неизвестной ДНК-принадлежности. Либо исследователи ошибаются в оценке достоинств М. Штерич, либо на князя нашло «помрачение», любовь с первого взгляда. Что мало вероятно для гвардейского гусара, избалованного светскими балами.

Судя по всему, конфликты в семейной жизни начались с первых дней после свадьбы. Как восклицал поэт, «иная думает о муже, а ей уж тяжкий крест готов». Не исключено, молодая жена до выхода замуж не приобрела тех социально-значимых свойств личности, которые развиваются в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми. Она жила с бабушкой, и, судя по всему, была ограничена в общении с другими людьми. В воспоминаниях современников не говорится, какое учебное заведение она заканчивала, с кем дружила и общалась во время жизни в Москве. Резкая смена социального статуса, (замужняя женщина, княгиня), требовали резкой перестройки поведения 17-летней девицы. Видимо, муж не помогал жене адаптироваться к новой роли и новому социальному положению. По воспоминаниям современников, муж-офицер был не пай-мальчиком. «Муж М.А. Щербатовой был молодым военным и служил в одном из гусарских гвардейских полков. С.И. Штерич (бабушка Марии, авт.) предполагала, что ее внучка будет счастлива, но эти иллюзии продолжались недолго. Летом бабушка сопровождала

молодую чету в деревню и заметила, но слишком поздно, что единственной заслугой молодого мужа было то, что он имел тысячу душ крестьян и титул князя. По словам С.И. Штерич, Мария была несчастлива, так как ее супруг оказался злым и распущенным человеком». [28].

На наш взгляд, к подобного рода бабьим стонам по поводу неудачного замужества и мерзавцев-мужей надо относиться сдержанно. Замужеством и мужьями довольны бывают около 0,5% замужних женщин. Автор не детализирует, что значит, гвардейский офицер был «злым человеком»? По своему воспитанию и социальному положению, муж не мог обладать антиобщественными взглядами, не мог демонстрировать отрицательное отношение к нравственным ценностям; не мог выбирать общественно опасные пути для удовлетворения своих потребностей. Он был дворянином, князем, и русским офицером. И то, и другое накладывало отпечаток на поведение. Офицерская военная служба всегда сурова. На службе офицер Щербатов привык командовать. Не исключено, что и дома, в общении с женой и ее бабушкой, офицер использовал гусарские выражения. А им это не нравилось. Вот и нарисовали портрет злодея-офицера.

На наш взгляд, необходимо попытаться ответить на вопрос: почему князь Щербатов женился на «сиротинушке» М. Штерич, если он не любил ее, и не получил достойного приданого? Зная нравы дворянской среды первой половины XIX века, можно сделать единственное предположение.

В дворянской среде очень ценилось целомудрие дев, выходящих замуж. Дворяне знали телегонию, науку о первом самце: кто лишает деву девственности, тот закладывает код ДНК всех ее детей. Вот почему мужчины-дворяне, женившись на девственнице, переписывали ей «в награду за целомудрие» одну четвертую часть своего состояния.

Вдобавок, в дворянской, особенно, в офицерской среде очень ценилась сексуальная неприкосновенность девушки. Судя по всему, гусар Щербатов где-то на новогоднем балу соблазнил 17-летнюю девственницу М. Штерич. А так как она оказалась девственницей, то князь «обязан» был на ней жениться. Не исключено, что «соитию» способствовала бабушка Марии, С.И. Штерич, которая искала для внученьки богатого и знатного жениха. Жених и впрямь

был богат и знатен. Старинный княжеский род; офицер элитного лейб-гвардии гусарского полка; служит в Санкт-Петербурге; имеет собственное поместье в тысячу душ. Не исключено, что путем шантажа бабушка заставила князя жениться на внучке. Вот почему он «по злому» относился к юной жене и к ее бабушке. Жена не принесла ему приданого, не принесла связей для дальнейшей карьеры. Она не представляла ценности и интереса для светской жизни, ибо бабка не могла дать внучке – сиротинушке достойного образования. Не исключено, что единственным ее достоинством были внешность и формы южанки.

Отдельного анализа требуют жалобы бабушки С.И. Штерич, что муж ее внученьки оказался злым и распущенным человеком. Судя по всему, от «злого офицера» доставалось и бабке. Вот она и распускала слухи об особой злобности офицера. Что значит, он был «распущенным человеком»? Оказывал сексуальное внимание подвластным крестьянкам? Ну, так им только на благо, молодому князю отдаться и испытать в себе княжескую любовь. Не исключено, что юная жена князя вместо творческого исполнения женских обязанностей ссылалась на головную боль, на мигрень и пр., лишь бы долг свой природный не исполнять.

К тому же, в соответствии с законами телегонии, если князь общался с сельскими юницами и вводил их в сексуальный оборот, лишая девственности, он закладывал в них более высокий уровень ДНК детей, нежели они могли иметь от своих полупьяных молодых селян.

Судя по дальнейшему развитию событий, молодая княгиня Штеричева-Щербатова забеременела, и князь оставил ее в деревне, в поместье. В конце 1837 года то ли он приехал в деревню «на зимние каникулы», взяв краткосрочный отпуск, то ли его жена вызвала. А дальше, очень интересный момент, на который не обращают внимание исследователи. Князь, офицер, муж М.А. Штерич-Щербатовой, заболел в деревне. Что должна была делать молодая жена, которая была на последних месяцах беременности? Вполне естественно, лечить мужа и готовиться к родам. Вместо этого, княгиня и ее бабушка С. Штерич оставили больного мужа в деревне, а сами выехали в Санкт-Петербург, под предлогом родить там ребеночка. Муж, оставшись больной в деревне, совершенно неожиданно, в начале 1838 года, умер. Биографы не говорят, чем заболел

князь Щербатов и от чего он умер.

А вот здесь возникает еще ряд вопросов. Почему муж не выехал, срочно, из деревни в Москву или Санкт-Петербург, чтобы обратиться к докторам? Почему ему не привезли врачей из города? Почему он не поехал с женой в Санкт-Петербург, где она должна была родить ему ребенка? Почему его жену на последнем месяце беременности в Санкт-Петербург повезла ее бабушка? Почему беременная княгиня Щербатова М. и ее бабушка С. Штерич, бросив больного князя в деревне, самостоятельно поехали в Санкт-Петербург, в особняк князя? Почему они не побоялись гнева гусара, который после выздоровления вернулся бы в свой родовой особняк?

Ответ может быть только один: уезжая из деревни, княгиня М. Щербатова и ее бабушка С. Штерич знали наперед, что князь не выздоровеет, помрет, и в Санкт-Петербург уже не вернется!

Как бы там ни было, но князь А.М. Щербатов умер в деревне 9 марта 1838 г. А через две недели, 26 марта 1838 г., в Питере у него родился сын Михаил.

А теперь подведем итоги. Судя по всему, князь женился «на сиротинушке» против своей воли. Жену не любил. Когда она забеременела, отвез в родовое имение. А молодой жене хотелось в столицу. Жена вместе с бабкой вызвали мужа-князя в деревню. Он приехал в краткосрочный отпуск. Судя по всему, его напоили каким-то отваром, в результате чего он слег. Бабушка и внучка совершили покушение на убийство князя Щербатова. Крепость «отвара» была такой, что князь, скорее всего, был в полупарализованном состоянии. Он не смог срочно выехать из деревни, добраться до ближайшего города, чтобы обратиться к врачам. Зная, что он уже в себя не придет, не поправится, молодая жена и ее бабушка С.И. Штерич оставили его умирать в деревне. А сами быстренько рванули в Питер. Где поселились в особняке князя. Князь благополучно умер в деревне, а его жена с новорожденным сыном стали наследниками.

Теперь, насколько верна информация Лермонтовской энциклопедии о том, что Лермонтов был увлечен княгиней М. Щербатовой в 1839–1840 годах. Каким образом княгиня Щербатова, «молодая вдова, красивая и образованная, вела в Петербурге светский образ жизни», и почему она «предпочитала балам салон Карамзиных,

где, видимо, и познакомилась с Лермонтовым... Щербатова высоко ценила поэзию Лермонтова, после чтения у нее «Демона» она сказала поэту: «Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака».

Выражение, не слишком хорошо характеризующее Щербатову. Демон, это Дьявол, владыка Тьмы и Ада. Мария Штерич-Щербатова готова была вступить в сговор с Демоном-Дьяволом, чтобы воспользоваться его силой: «опуститься на дно морское и полететь за облака». И при чем здесь любовь к Лермонтову, когда она объяснилась в любви к Демону?

Кстати, совершенно непонятно, когда и где княгиня М.А. Щербатова слушала «Демона» в исполнении Лермонтова М.Ю. 4 ноября 1838 г., С.Н. Карамзина писала своей подруге: «Мы получили большое удовольствие – слушали Лермантова (он у нас обедал), который читал свою поэму «Демон». Ты скажешь, что название избитое, но сюжет, однако, новый, он полон свежести и прекрасной поэзии. Поистине блестящая звезда восходит на нашем ныне столь бледном и тусклом литературном небосклоне» [22, стр. 123-170]. С.Н. Карамзина перечисляет участников вечера, среди которых княгиня Щербатова не упоминается

Контакты Лермонтова с княгиней Щербатовой заслуживают особого внимания. Многочисленные современные лермонтоведы с подачи лермонтовских современников пишут о том, что в декабре 1839 года Лермонтов воспылил любовью к вдове Щербатовой. Жизнь Лермонтова исследована по дням. В этом случае нелишне посмотреть по датам, когда и где Лермонтов встречался с княгиней М.А.Щербатовой. И попытаться определить признаки влюбленности гусара в княгиню. Исследователи составили довольно подробную хронологию жизни М.Ю. Лермонтова [12; 46].

14 мая 1838 г. Лермонтов возвратился, после откомандирования на Кавказ за стихотворение «Смерть поэта», в свой прежний, лейб-гвардии Гусарский полк, квартировавший в Царском Селе [34, стр. 28].

В конце августа 1838 года произошло знакомство Лермонтова с семьей Карамзиных. Напомним, что семья Карамзиных содержала салон, где собирались поэты, писатели, художники.

Начало литературному салону заложил Н.М. Карамзин. В 1816 году он приехал в

Царское Село с женой и четырьмя детьми. Его старшей дочери, Софье, будущей хозяйке литературного салона, тогда было четырнадцать лет [3].

К этому времени Николай Михайлович Карамзин, живший в Москве, был известным писателем, поэтом, литературным критиком. В феврале 1816 года он приехал из Москвы в Санкт-Петербург, чтобы представить свой многолетний труд по истории России императору Александру I. Царь не только одобрил сочинение историографа, но и предложил ему остаться в столице. По указанию императора, ему был выделен меблированный «китайский» домик в Царском Селе «для жительства его с семейством», где он поселился в мае 1816 года.

25 мая 1816 года Карамзин писал своему другу поэту Ивану Ивановичу Дмитриеву из Царского Села: «Мы приехали благополучно 25 мая в пятом часу вечера и нашли свой домик приятным...» Неделю спустя в письме к Вяземскому он сообщал «...мы живем по-здешнему в приятном месте. Домик изрядный, сад прелестный; езжу верхом, ходим пешком и можем наслаждаться уединением». Китай или Китайскую деревню по указанию Екатерины II начал строить в Царском Селе архитектор Ч. Камерон (1740-1820) в 1782 г. После достройки поселка в 1818 г., «китайские домики» были переданы дворцовому ведомству, как дачи для придворных. С 1816 г. семья Карамзиных почти каждое лето проводила в Китайской деревне.

Уже летом 1816 года дом Карамзиных в Царском Селе стал превращаться в литературный салон, где часто собирались поэты и писатели: В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, К.Н. Батюшков, Д.Н. Блудов, Ф.Ф. Вигель, Д.В. Дашков, А.И. Тургенев, А.С. Пушкин и другие. Такие дружеские «посиделки» положили начало формированию одного из самого известных литературных салонов России того периода.

Сюда, по словам историка М.П. Погодина, «приезжали друзья, ученые, литераторы и другие государственные, или те молодые таланты, которым было суждено впоследствии занять важные государственные места. Разговор шел обо всех предметах, которые могли интересовать русского гражданина и образованного человека. Новости литературные и политические, отечественные и иностранные, вопросы по разным отраслям государственного управления, известия

об отсутствующих родных и друзьях, рассказы о временах прошедших царствований, о тогдашнем состоянии России, о замечательных людях того времени; особенно же о тех, которых собеседующие застали еще в живых, – все эти предметы сменялись одни другими. Разговор всегда шел оживленный. Николай Михайлович особенно одушевлялся, когда дело шло о России и об ее пользах».

По нынешним меркам, это был в одном лице «Дом писателей», «Дом художников», «Дом ученых», а в целом – один из центров культурной жизни столицы. Начиная с 1826 года, здесь «на посиделки», собирались писатели, художники, композиторы, другие люди искусства и творчества. На протяжении ряда лет здесь бывали: К.П. Брюллов, князь П.А. Вяземский, А.С. Даргомыжский, М.И. Глинка, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, И.П. Мятлев, князь В.Ф. Одоевский, А.С. Пушкин, графиня Е.П. Растопчина, Ю.Ф. Самарин, А.О. Смирнова-Россет, С.А. Соболевский, Ф.И. Тютчев. Салон выполнял функции дискуссионного клуба, центра презентации творческих произведений, знакомства, танцевальных вечеров и др. Здесь, в кругу интеллектуалов обсуждались вопросы поэзии, политики, науки, делалась презентация новых книг и др. Поэты и писатели читали здесь свои литературные произведения. Так, Гоголь именно в этом салоне в 1839 году впервые читал главы из «Мертвых душ».

В работе карамзинского салона были две особенности, выделявшие его из среды других салонов. Первая, язык общения: все разговоры в нем велись на русском языке. В то время как во всех остальных салонах господствовал французский. В воспоминаниях современников нет информации, владела ли княгиня Щербатова М.А. французским языком.

И вторая. Все светские салоны функционировали в особняках владельцев и назывались по имени особняков. Карамзинский салон размещался в съемных особняках (в Царском Селе) и квартирах, а потому перемещался по Питеру вместе с семейством Карамзиных. Вот почему за период с 1826 по 40-е годы XIX века карамзинский литературный салон последовательно размещался на улицах Моховой, Михайловской, Гагаринской [20, стр. 100-111; 19].

Мнение российской элиты делилось между Западом и Востоком. Элита готова была предать

интересы России и идти по революционному пути Запада. Устилая этот путь собственными головами.

И вот здесь, в сохранении Самодержавия в России значительную роль сыграли научные труды Карамзина. Карамзин, на основе многовекового опыта России, утверждал «спасительную пользу самодержавия» для России.

Естественно, наиболее продвинутая часть российского общества, будущие декабристы, возмущались такими выводами. Но авторитет Карамзина сделал свое дело...

В 1821 году вышел в свет девятый том «Истории», который помирил Карамзина с политическим подпольем России. Ученый детально осветил царствование Иоанна Грозного по годам: 1560-1564; 1563-1569 г.; 1569-1572 г.; 1572-1577 и в последующие годы.; показал первое завоевание Сибири в 1581-1584 гг.

Следом вышел десятый том, который сделал Карамзина почти национальным героем. В этом томе Карамзин показал итоги царствования Федора Иоанновича за период с 1584 по 1598 года, состояние России в конце XVI века. Объективно оценивая деяния русских самодержцев, на многочисленных примерах показал их жестокость и самодурство. Показал, как часто в управлении Россией эти самодержцы решали личные задачи в ущерб интересам страны [3].

Будущие декабристы высоко оценили политическое значение IX и X томов.

О девятом томе «Истории государства Российского» с восхищением отзывался будущий висельник Рылеев*³. В своей поэзии экстремистского содержания Рылеев использовал материалы девятого тома. Материалы исследований Карамзина использовал Пушкин при работе над трагедией «Борис Годунов».

В феврале 1818 года Карамзин выпустил в свет первые восемь томов своей «Истории государства Российского». Несмотря на громадный по тем временам тираж, три тысячи экземпляров, восьмитомник разошелся за месяц.

Написанная Карамзиным история представляла не только научный интерес. Она представляла политический интерес и использовалась для защиты самодержавия в России. К этому времени демократия в Западной Европе валила королевские династии, рубила головы королям и королевам, уничтожала миллионные слои населения. Государствами начинал править демократический

Хаос.

Дворянская элита первой половины XIX века не любила Россию. Дворянская элита России обнюхивала нижнее белье невымытого Запада и пьянела от запахов Свободы. Не обращая при этом внимания на потоки крови, которые сопровождали каждую европейскую революцию.

В 1917 году Свобода, Равенство и Братство наконец – то проникнут в Россию. О том, что они принесут с собой, расскажет Е.Полонская в стихотворении «Октябрь» [31].

Была ли злоба больше, чем любовь, –
Не знаю, но сильней была обида:
Она копилась тысячи веков,
И каждый день был в месяц эвменидам.
Сын говорил отцу: мы завтра отомстим!
И пела мать: настанет час расплаты...
Счастливым – горе! Горе золотым!
Серебряным! И трижды смерть – богатым!

После Октября 1917 года Российскую элиту будут убивать, грабить, насиловать, сжигать, вешать, живьем топить либо закапывать в землю. Но это будет потом. А пока что, в первой половине XIX века, Российская элита играла с Демократией и рукоплескала французской революции. О том, что представляет собой Революция, узнают дети и внуки Российской элиты первой половины XIX века.

От утра до ночи колеблются знамена.
То Революции веселая игра,
То фейерверк Ее, бумажная корона!
Но будничным Ее угрюм и страшен лик,
В крови Ее рука, и в копоты, и в поте.
Она работница, и каждый с Ней привык
К необходимейшей и тягостной работе.
Прославим же, друзья, бесхитростную рать,
Тех, что трудились с Ней и тяжело устали,...
Тех, кто убит, и тех, что убивали....

Но это будет потом. А пока что демократические идеи Свободы, Равенства и Братства проникли в Россию, и дворянская элита только грезилась Свободой.

Государь-батюшка высоко оценил научную деятельность Карамзина. Семье Карамзина было предоставлено два домика служебной жилплощади в поселке, известном как «Китайская деревня».

Поэт И.И. Дмитриев, приехавший летом 1822 года в Царское Село, оставил описание служебной жилплощади. «Живущие в домиках имеют позволение давать... для приятелей и соседе и своих обеды, концерты, балы и ужины. В каждом домике постоялец найдет все потребности для нужды и роскоши: домашние приборы, кровать с навесом и ширмами; уборный столик, комод для белья и платья, стол, обтянутый черною кожей и чернильницею и прочими принадлежностями, самовар, английского фаянса чайный и кофейный прибор с лаковым подносом и, кроме обыкновенных простеночных зеркал, даже большое, на ножках, цельное зеркало. Всем же этим вещам для сведения постояльца, повешена в передней комнате у дверей опись, на маленькой карте, за стеклом и в раме. При каждом домике садик: посредине круглого дерна куст сирени, по углам тоже, для отдохновения железные канапе и два стула, покрытых зеленою краскою. Для услуг определен придворный истопник, а для надзора за исправностью истопников один из придворных лакеев».

После смерти Н. Карамзина 22 мая 1826 г. семья лишилась служебной жилплощади. Но вдова Карамзина Екатерина Александровна и старшая дочь Софья Николаевна каждое лето снимали домики в Царском Селе. Софья Николаевна Карамзина в письме брату Андрею Карамзину от 3 марта 1837 года рассказывала о том, как она сняла домик на одном из петербургских балов. «...С моим кавалером, гусарским офицером князем Абамелеком, я договорилась о найме его дома в Царском Селе, напротив александровского сада; при доме галерея, теплица, несколько плодовых деревьев и много цветов, и все это – за две тысячи рублей». В другом письме к брату, от 13 апреля 1837 года, Софья писала о даче в Царском Селе: «Мы будем очень хорошо там устроены в этом году... у нас будет маленький сад, много цветов и ворота парка – напротив нас».

Карамзины сумели сохранить и расширить литературно-общественный кружок, который в свое время группировался вокруг писателя. Благодаря усилиям вдовы и дочери, сложился ставший знаменитым «салон Карамзиных». Литературный салон Карамзиных стал центром концентрации поэтов, писателей, общественных деятелей и просто умных и интересных людей. «Салон Екатерины Андреевны

Карамзиной,— писала в своих воспоминаниях старшая дочь поэта Ф.И. Тютчева, А.Ф. Тютчева, — в течение двадцати и более лет был одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света».

Как писал известный в то время публицист А.И. Кошелев, постоянный завсегдатай салона Карамзиных, «эти вечера были единственными в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски» [15, стр. 30]. «В карамзинской гостиной,— вспоминал Кошелев,— предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и рассказы. Литературы, русская и иностранная, и важные события у нас и в Европе... составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед...»

Семья Карамзиных оказалась причастной и к ликвидации Пушкина. Как гласят предания, Пушкин был влюблен в московскую деву и собирался жениться. Пошел к гадалке узнать о своей будущей семейной жизни. Гадалка предупредила, что виновником его гибели станет собственная жена, которая погубит его. Пушкин бежал от москвички, вернулся в Санкт-Петербург, где попал в объятия Н.Н. Гончаровой.

И сбылось предсказание.

Интрига против А.С. Пушкина с участием Дантеса и Н. Гончаровой проходила в литературном салоне Карамзина. И остается только догадываться о причастности самой Софьи Николаевны к этим трагедиям.

17 сентября 1836 года Софья Николаевна в Царском Селе праздновала свои именины. На этот вечер она пригласила А.С. Пушкина с женой и кавалергардского офицера Жоржа Дантеса. О котором светское общество знало, что он гомосексуалист, сторонник «греческой» любви. Напомним, кто такой Дантес.

Курсант военного училища во Франции. На первом курсе был чемпионом в стрельбе по летящим голубям. Привлек внимание спецслужбы. Был завербован до окончания военного училища. Вначале его отправили в Пруссию. Прусский король не дал Дантесу офицерского патента, присвоил только звание унтер – офицера. Затем Дантеса перевели на службу в Санкт-Петербург и устроили в лейб-гусарский кавалергардский полк, самый элитный полк России. Царь

Николай I не только выдал неучу офицерский патент, но и поставил его на денежное довольствие, за счет русской казны.

Русское светское общество было жестко структурированным: попасть в него мог не каждый. Оказалось, что Дантес, даже будучи офицером элитного лейб-гвардии кавалергардского полка, не имел права входа в светские салоны, в которых проводил время А.С. Пушкин. Чтобы повысить социальный статус Дантеса, его «усыновил» голландский посол барон Геккерн. Который ранее служил Наполеону и титул барона получил из рук Наполеона. Для усыновления Дантеса потребовалось разрешение его живых родителей. Родители дали такое разрешение.

А далее, Дантес, появляясь на светских вечерах, в светских салонах, принялся демонстративно уделять знаки внимания жене Пушкина. Дантес провоцировал Пушкина на дуэль, демонстративно лапая его жену. В том числе, и в салоне Карамзиных. Где Софья Николаевна сама приглашала к себе и Пушкина с женой, и Дантеса, который демонстрировал яркую любовь к Наталье.

В своем письме к Андрею Карамзину из Царского Села, от 19 сентября 1836 года, Софья Николаевна рассказала подробности вечера, где Дантес, на виду у всех, увивался за Натальей Пушкиной. «...Среди гостей были Пушкин с женой и Гончаровыми (все три – ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями)...» И далее: «...получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который все время грустен, задумчив и чем-то озабочен... Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же шутки, что и прежде, – не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях молчаливый, бледный и угрожающий. Боже мой, как все это глупо!».

Обратим внимание вот на эту фразу: «Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же шутки, что и прежде, – не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой». То есть

Дантес, как и прежде, своими знаками внимания к Наталье, «опускал» Пушкина на виду у всех. О том, что такое оскорбительное поведение Дантеса длится уже не первый день, Софья знает. Но списки гостей на собственные именины утверждала она. Возникает вопрос: почему и зачем организатор вечеринки, Софья Николаевна Карамзина, пригласила одновременно Пушкина с женой и Дантеса? Судя по всему, это было сделано умышленно.

На этом же вечере присутствовали Жуковский и Вяземский, на виду у которых Дантес оскорблял Пушкина.

13 марта 1837 года Александр Карамзин писал своему брату Андрею в Париж: «Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало...». И дальше он продолжает: «Только после его смерти я узнал правду о поведении Дантеса и с тех пор больше не виделся с ним. ... Может быть, причиной этого предубеждения было то, что до тех пор я к нему слишком хорошо относился, но верно одно – что он меня обманул красивыми словами и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига... ты не должен подавать руку убийце Пушкина» [30, стр. 266].

После тяжелого ранения на дуэли, предчувствуя наступление смерти, Пушкин вспомнил о Карамзиных. К постели умирающего светоча России приехала только вдова Екатерина Андреевна. Судя по всему, Софья Николаевна не рискнула предстать перед закрывающимися очами великого поэта.

На следующий день после смерти Пушкина, Екатерина Андреевна писала сыну: «Милый Андрюша, пишу тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина!.. Я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал... Потеря для России, но еще особенно наша: он был жаркий почитатель твоего отца и наш неизменный друг 20 лет» [2].

О том, что семья Карамзиных приняла участие в проведении спецоперации по ликвидации Пушкина, вдова благоразумно умолчала.

Активным участником карамзинских посиделок стал и М.Ю. Лермонтов. Инициатором вовлечения Лермонтова в посещение салона

выступили вдова и дочь историка Карамзина, Екатерина Андреевна и Софья Николаевна, хозяйки салона. Слава Лермонтова уже гремела по Питеру и России, и дамы приняли мудрое решение, украсить Лермонтовым свой салон. Тем более, что Лермонтов М.Ю. служил в Царском Селе, и летний «карамзинский салон» находился здесь же. Во- время многочисленных посещений карамзинского салона княгиня Щербатова очень редко появлялась в окружении М.Ю.Лермонтова.

Лермонтов побывал у Карамзиных 2 и 5 сентября 1838 года.

5 Ноября 1838 г. В.А. Жуковский записал в своем дневнике: «Обедал у Смирновой. По утру у Дашкова. Вечер у Карамзиных. Князь и княгиня Голицыны и Лермонтов» [11, стр. 510]. Княгиня Щербатова рядом с Лермонтовым отсутствовала.

По отзывам современников, Лермонтов познакомился с М.А. Щербатовой именно в салоне Карамзиных. Напомним, что муж Щербатовой, князь А.М. Щербатов, умер 9 марта 1838 г., а через две недели, 26 марта 1838 г., у вдовы родился сын Михаил. Следовательно, в 1838 году Щербатова не могла посещать Карамзинский салон: она была кормящей матерью и безутешной вдовой, потерявшей любимого мужа. Посещение салона, музицирование, танцы как то не вяжутся со статусом вдовы и матери, кормящей грудью новорожденного. Ее бы там не поняли и не приняли.

Люди, бывавшие у Карамзиных и познакомившиеся там с Лермонтовым, приглашали его и к себе в гости. По многочисленным отзывам современников, Лермонтов был человеком коммуникабельным, доброжелательным, умел «держать аудиторию» своими разговорами. К примеру, он осенью и вначале зимы 1838 года побывал в гостях у Валуевых, Репниных, Озеровых, В.Ф. Одоевского, появляется на балах в Царском Селе и в Павловске. В письме к М.А. Лопухиной в Москву он сообщает, что его постоянно приглашают в гости, рассказывает о своих успехах в «большом свете». «Большой свет», то есть столичная аристократия изучает Лермонтова, Лермонтов изучает «Большой свет» с его многими неписанными правилами. И приходит к выводу, что нигде нет столько пошлого и смешного, как в «Большом свете».

Лермонтов часто проводил досуг в карамзинском обществе, о чем она часто писала в письмах С.Н. Карамзина.

5 июля 1839 г. С.Н. Карамзина с участием М.Ю. Лермонтова и других лиц «совершили большую прогулку верхом, а вечером у нас снова собрались все наши завсегдатаи, в том числе и Лермонтов» [24]. Княгини Щербатовой среди них не было.

22 июля 1839 г. в Царском Селе у С.Н. Карамзиной «за обедом собралось много гостей... Были Валуевы, Вяземский, Лермантов и Вигель» [24]. Княгини Щербатовой среди них не было.

У княгини М.А. Щербатовой была одна проблема: отсутствие контактов в Санкт-Петербурге. Муж не успел ввести ее в «светское общество». Судя по всему, сама она боялась этого общества и не посещала светские мероприятия. Она стремилась заводить знакомства с теми людьми, с кем могла хотя бы общаться на русском языке. О том, как княгиня Щербатова «заводила знакомства», рассказала Софья Николаевна Карамзина в письме к ее сестре Екатерине Николаевне Мещерской [24]. Так, 1 августа 1839 г. она писала: «Во вторник я обедала в Павловске у кн. Щербатовой-Штерич. Ты меня спросишь: по какому случаю? Понятия не имею. Но я никак не могла отказаться, потому что она настоятельно просила меня об этом и сама за мной приехала. Там были ее престарелая бабушка с седыми волосами и румяными щеками, Антуанетт Блудова, Аннет Оленина и Лермантов» [24].

То есть княгиня М. Щербатова насильно заманивала к себе в гости влиятельных дам и мужчин, с тем, чтобы потом иметь возможность бывать у них. В частности, ее заинтересовала хозяйка литературного салона С.Н. Карамзина. Она уговорила ее «отобедать» у нее в Павловске. Одновременно пригласила несколько завсегдатаев карамзинского салона. После этого обеда она получила возможность бывать в карамзинском салоне, где люди общались на русском языке.

По словам С.Н. Карамзиной, «в 9 часов кн. Щербатова снова в коляске отвезла меня в Царское Село. Она такая добрая, что я больше не хочу считать ее глупой. За чаем у нас были Мари Валуева со своими обеими спутницами, дядюшка Вяземский, Репнин и Лермантов, чье присутствие всегда приятно и всех одушевляет» [24].

Обратим внимание на реплику С.Н. Карамзиной: «я больше не хочу считать ее глупой». Столичный свет не принял вдову Щербатову. В силу своего сельского происхождения и

«сиротского образа жизни» она, видимо, не получила надлежащего образования и не могла интеллектуально «блистать в свете». К тому же, первую часть жизни она прожила на Украине, в поместье отца, где французский язык не пользовался спросом. Она не посещала светские мероприятия, ибо не понимала французского языка. Она боялась «света», а потому стремилась проводить время в салоне С.Н. Карамзиной, либо приглашала сослуживцев покойного мужа к себе в гости. Судя по всему, Лермонтов побывал у Щербатовой именно, как сослуживец бывшего мужа.

Как отмечается в хронике жизни Лермонтова, персонально он побывал у вдовы Щербатовой в гостях, на коллективном обеде в Павловске, 25 июля 1839 года. «Лермонтов присутствовал в Павловске на обеде у княгини М.А. Щербатовой. Там же присутствовали бабушка Щербатовой С.И. Штерич, С.Н. Карамзина, А.Д. Блудова, А.А. Оленина» [12, стр. 370]. Обратим внимание, что встреча происходила в Павловске, в дневное время. Именно об этом обеде рассказала С.Н. Карамзина в письме сестре от 1 августа 1839 года.

8 августа 1839 г. в Царском Селе, С.Н. Карамзина отметила, как провела день.

«В четверг целый день у нас была мадмуазель Плюскова, которая приехала провести неделю в «Китае». Она обедала у нас, а потом мы повели ее в Павловский воксал, где я очень приятно провела два часа, гуляя и болтая с Шевичами, Озеровыми, Репниным и Лермантовым» [24]. Вдовы не было.

«В субботу целый день лил дождь, как из ведра, мы не могли даже двинуться из дома. У нас обедала м-ль Плюскова, а вечером были Лермонтов, Мари, Баратынские, Вяземский и Репнин...» [24]. Вдовы не было.

В следующую «субботу была прекраснейшая погода», и завсегдатаи «карамзинского салона», «совершили вечернюю прогулку верхом по новой очаровательной дороге через парк, которую проложили в Павловск». Здесь были несколько человек, в том числе, княгиня Щербатова и Лермантов. Среди участников прогулки было новое лицо: мадмуазель Штерич, младшая сестра княгини Щербатовой [24].

Во всех этих прогулках с участием С.Н. Карамзиной и Лермонтова была одна особенность. Сама С.Н. Карамзина в письме

к Е.Н. Мещерской, во – вторник утром, 8 августа 1839 г., призналась, что равнодушна к Лермонтову. Она представила мадмуазель Плюскову Лермонтову, Лермонтов принялся говорить комплименты даме, а С.Н. Карамзина покраснела от ревности и злости. «И как объяснишь это смущение мадмуазель Плюсковой, – писала она, – увидевшей... новое доказательство моей страсти к не слишком скромному «ерою», который этим забавлялся?» [24]. И если бы Софья Николаевна Карамзина увидела какие-нибудь посягательства вдовы на Лермонтова, реакция была бы вполне предсказуемой.

Кстати, именно влюбленностью С.Н. Карамзиной в Лермонтова можно объяснить конфликтную ситуацию, которую она создала 25 июня 1839 г. Лермонтов, вечером, по просьбе Софьи Николаевны написал ей в альбом стихи. Она тут же признала их слабыми и с согласия автора уничтожила. Порвала лист альбома и бросила обрывки на пол, заставив поэта ползать по полу, собирать обрывки листа и сжигать их на свече [12, стр. 370-371; 27, стр. 70-71].

Сама С.Н. Карамзина детально изложила эту конфликтную ситуацию это в своем письме от 26 июня 1839 г.:

«За чаем у нас были Смирновы, Валуевы, гр. Шувалов, Репнин и Лермонтов. С последним у меня в конце вечера случилась неприятность; я должна рассказать тебе об этом, чтобы облегчить свою совесть. Я давно уже дала ему свой альбом, чтобы он в него написал. Вчера он мне объявляет, «что когда все разойдутся, я что-то прочту и скажу ему доброе слово». Я догадываюсь, что речь идет о моем альбоме, – и в самом деле, когда все разъехались, он мне его вручает с просьбой прочесть вслух и, если стихи мне не понравятся, порвать их, и он тогда напишет мне другие. Он не мог бы угадать вернее! Эти стихи, слабые, и попросту скверные, написанные на последней странице, были ужасающе банальны; «он-де не осмеливается писать там, где оставили свои имена столько знаменитых людей, с большинством из которых он не знаком; что среди них он чувствует себя, как неловкий дебютант, который входит в гостиную, где оказывается не в курсе идей и разговоров, но он улыбается шуткам, делая вид, что понимает их, и, наконец, смущенный и сбитый с толку, с грустью забивается в укромный уголок», – и это все. «Ну, как?»-» В самом деле, его мне не нравится:

очень заурядно и стихи посредственные». – «Порвите их». Я не заставила просить себя дважды, вырвала листок и, разорвав его на мелкие кусочки, бросила на пол. Он их подобрал и сжег над свечой, очень сильно покраснев при этом и улыбаясь, признаться, весьма принужденно. Маменька сказала мне, что я сошла с ума, что это глупый и дерзкий поступок, словом, она действовала столь успешно, что довела меня до слез и в то же время заставила раскаяться, хотя я и утверждала (и это чистая правда), что не могла бы дать более веского доказательства моей дружбы и уважения к поэту и человеку. Он тоже сказал, что благодарен мне, что я верно сужу о нем, раз считаю, что он выше ребяческого тщеславия».

12 августа 1839 г. М.Ю. Лермонтов гостил на даче у Карамзиных, в Царском селе. Здесь было 5 мужчин, в том числе и Лермонтов, и несколько женщин, в том числе и кн. Щербатова. Никаких воспоминаний об особом внимании Лермонтова М.Ю. к вдове Щербатовой нет.

14 августа 1839 г. «Вечер Лермонтов проводит у Карамзиных». Среди участников вечера нет княгини Щербатовой.

15 августа 1839 г. М.Ю. Лермонтов проводил вечер у Карамзиных. Казалось бы, великолепная возможность для встречи гусара и княгини. Однако, среди участников вечера княгини М.А. Щербатовой не было [12, стр. 375].

2 сентября 1839 года. «Лермонтов посвятил княгине М.А. Щербатовой стихотворение «На светские цепки...» [12, стр. 377]. Некоторые современники и нынешние лермонтоведы рассматривают это посвящение, как признак любви гусара к княгине. На наш взгляд, это была просто вежливость Лермонтова на просьбу женщины. Лермонтов щедро дарил стихи дамам. К примеру, во время пребывания в Селищенских казармах Лермонтов написал адресное стихотворение «К А.Г. Хомутовой», посвященное сестре своего бывшего командира лейб-гвардии Гусарского полка генерал-майора М.Г. Хомутова [12, стр. 338].

Светские дамы очень часто просили Лермонтова «подарить им стихи». Так, 11 августа 1839 года Лермонтов написал адресное стихотворение в день рождения Анны Алексеевны Олениной, дочери директора Императорской Публичной библиотеки и президента Академии художеств А.Н. Оленина. Оно начиналось

словами: «Ах! Анна Алексеевна//Какой счастливый день!».

В июле – сентябре 1838 года М.Ю. Лермонтов посвятил несколько стихотворений известной певице Прасковье Арсеньевне Бартеневой. Это: «Гляжу на будущность с боязнью...»; «Слышу ли голос твой...»; «Как небеса твой взор блистает...»; «Она поет – и звуки тают...». Кстати, последнее стихотворение более лирическое и эротическое, нежели посвящение М.А. Щербатовой:

«Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит- и небеса играют
В ее божественных глазах...»
[12, стр. 347].

И никто, на основании этих стихов, не говорил о любви Лермонтова к Прасковье Бартеневой. И никто не связывал эти поэтические подарки Лермонтова женщинам, с его любовью к ним.

12 сентября 1839 года (днем) Лермонтов у Карамзиных в присутствии А.И. Тургенева читал отрывок из «Героя нашего времени». В тот же день вечером Лермонтов был у Валуевых, где присутствовали все тот же неугомонный А.И. Тургенев, Л.Ф. Полуэктова, А.В. Мергасов, Ал-др Н. Карамзин. Вдовы не было.

24 октября 1839 года Лермонтов обедал у Карамзиных в день 25-летия Андрея Н. Карамзина. Там же были В.А. Жуковский, П. Вяземский и снова А.И. Тургенев. Без М. Щербатовой.

27 октября 1839 года Лермонтов был в театре, на балетном спектакле с участием Тальони. Вместе с ним были П.А. Вяземский, П.А. Валуев и бессменный А.И. Тургенев. Потом все поехали ужинать к Карамзиным. Вдовы не было ни в спектакле, ни у Карамзиных.

28 и 31 октября Лермонтов снова провел в гостях у Карамзиных. Упоминаний о присутствии здесь вдовы нет.

5 ноября 1839 года В.А. Жуковский сделал запись в своем дневнике: «Вечер у Карамзиных. Князь и княгиня Голицыны и Лермонтов». Вдову Щербатову Жуковский не отметил. Не заметить ее, цветущую и красивую было нельзя. А значит, ее и здесь не было [11, стр. 510].

Таким образом, до декабря 1839 года между вдовой Щербатовой и гусаром Лермонтовым не

наблюдается никакого взаимного притяжения. Они не встречаются даже там, где могли встретиться, «на посиделках».

16 ноября 1839 г. Как отмечал А.И. Тургенев, Лермонтов был у него, и вместе с ним отправился на бал к Гогенлоэ, вюртембергскому посланнику, жена которого, Екатерина Ивановна (урожденная Голубцова, двоюродная сестра Н.П. Огарева), пригласила Лермонтова на этот бал через Тургенева.

27 ноября 1839 года. Запись в дневнике у А.И. Тургенева: «...К Баранту, где с Андре о Лермонтове» [12]. На наш взгляд, именно с этого времени спецоперация по ликвидации Лермонтова французами вступила в активную фазу. Тургенев стал посещать Французское посольство, где обсуждал вопросы, связанные с Лермонтовым.

1 декабря 1839 г. «Запись в дневнике А.И. Тургенева: «...С Андре о Лермонтове. Звал на бал» [12, стр. 384]. То есть А.И. Тургенев снова обсуждает во Французском посольстве вопросы М.Ю. Лермонтова. До этого времени Лермонтов не вступал в контакты с французами и не имел знакомых во французском посольстве. А это значит, что конкретный представитель французского посольства, в данном случае, уже назначенный киллером Лермонтова, сын посла Эрнест де Баран, не мог вызвать его на дуэль на улице. Надо было познакомиться их лично. Вот почему французы и А.И. Тургенев приняли решение, первого декабря!, пригласить Лермонтова на Новогодний бал к французам. За месяц до самого бала.

2 декабря 1839 г. «Запись в дневнике А.И. Тургенева: «...С Карамзиными к ним: там Тизенгаузен, Докторов – домой; Пушкины обе, Шуваловы, Гагарин, Соллогуб, Лермонтов, Жуковский, Соболевский и пр.» То есть Тургенев «плотно» контролирует Лермонтова.

5 декабря 1839 г. «Запись в дневнике Тургенева: «...в 5-ть к Соловой: едва не застал и здесь вел. Князя Михаила Павловича; кн. Гагарин, гр. Шувалов, Лермонтов, Валуевы, Скарятин» [12, стр. 384].

6 декабря. Опубликован высочайший приказ о том, что «по кавалерии: производятся на вакансии лейб-гвардии Гусарского полка... из корнетов в поручики... Потапов, Лермонтов и князь Вяземский 3-й». Подписал военный министр гр. Чернышев [12, стр. 385].

19 декабря 1839 г. «Запись в дневнике А.И. Тургенева: «К Карамзиным, там с Лермонтовым» [12, стр. 385].

Декабрь 1839 г. На вечеринке у Гогенлоэ первый секретарь французского посольства барон д'Андрэ, от имени посла Проспера де Баранта, обратился к А.И. Тургеневу с вопросом: «Правда ли, что Лермонтов в известной строфе стихотворения „Смерть поэта“ бранит французів вообще или только одного убийцу Пушкина?». Судя по вопросу, французы нашли повод для тестирования самого Лермонтова. Французский посол П. де Барант, через секретаря посольства барона д'Андрэ, отдал распоряжение подданному Российской империи писателю А.И. Тургеневу, провести тестирование М.Ю. Лермонтова о его отношении к французам. Напомним, что такого рода распоряжение гражданам чужих государств отдают только агентам.

У нас есть все основания утверждать, что А.И. Тургенев был агентом французского посольства. Его младший брат был завербован французами и входил в состав организаторов восстания на Сенатской площади, «декабрьского восстания» 1825 г. Непосредственно перед восстанием он выехал в Европу. По результатам следствия он был признан виновным, приговорен к смертной казни. Россия требовала у Франции выдачи Н.И. Тургенева, но Франция не выдавала. Н.И. Тургенев жил во Франции. Его старший брат А.И. Тургенев постоянно собирал информацию о внутреннем положении в России, компромат на высокопоставленных чиновников и представителей «света», и отправлял это во Францию. Вот почему писатель А.И. Тургенев столь активно выполнял указания Французского посольства [25].

А.И. Тургенев встретив на другой день Лермонтова, попросил его сообщить ему текст стихов. Хотя эти дополнительные строки были у самого А.И. Тургенева. Но ему надо было получить согласие М.Ю. Лермонтова ответить на вопросы французского посольства. На следующий день Лермонтов прислал Тургеневу письмо, в котором процитировал просимый отрывок. Однако справка не понадобилась: «Через день или два, – писал Тургенев П.А. Вяземскому, – кажется на вечеринке или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андрэ, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал

на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию...».

23 декабря 1839 г. Встреча Лермонтова совместно с А.И. Тургеневым у М.А. Щербатовой, в Санкт-Петербурге. Запись в дневнике А.И. Тургенева: «К княгине Щербатовой-Штерич. Там Лермонтов». Встреча происходила в «в Петербургском доме ее бабушки С.И. Штерич», которая «ненавидела Лермонтова М.Ю.» Прежде всего, откуда у «бабушки С.И. Штерич» появился свой дом в Петербурге? Далее, возникает вопрос: почему Лермонтов пошел к Щербатовой М.А., бабушка которой ненавидела его? На наш взгляд, поручика могла пригласить сама Щербатова, по «подсказке» А.И. Тургенева, которому нужна была информация о тесном взаимоотношении М.Ю. Лермонтова и М.А. Щербатовой. В это время уже была запущена спецоперация по ликвидации Лермонтова, и создавались информационные предпосылки для объяснения причин дуэли. С учетом той роли, которую играл А.И. Тургенев в этой спецоперации, становится понятным его участие в обеспечении контактов Лермонтова и Щербатовой [12, стр. 385].

30 декабря 1839 г. «Запись в дневнике А.И. Тургенева: «От Валуевой с Лермонтовым к Баратынской».

1839-й год. «По свидетельству приятеля Лермонтова писателя В.А. Соллогуба», Лермонтов был «страстно влюблен» в графию Эмилию Карловну Мусину-Пушкину «...и следовал за ней всюду, как тень» [39, стр. 444, 490- 491]. Здесь конкретное указание конкретного автора, писателя В.А. Соллогуба, на любовь М.Ю. Лермонтова к конкретной женщине, графине Эмилии.

1 января 1840 г. «Бал во французском посольстве, на котором присутствовал наследник. Лермонтов – среди приглашенных на этот бал, как утверждает французский исследователь Г. Моргулис, пользовавшийся архивами семьи Барант. В дневнике П.Д. Дурново имеется запись: «...вечером большой бал у французского посла. Много народу и ужасная жара» [12, стр. 391]*⁴.

По другим источникам, бал состоялся 2 января 1840 года. Лермонтов во Французском посольстве познакомился с послом П. де Барантом и его сыном, Эрнестом де Барантом. До этого они не были знакомы. Сын Французского посла П. де Баранта, Эрнест, получил возможность в последующем лично вызвать Лермонтова на дуэль.

При отсутствии личного знакомства он не мог бы этого сделать.

11 января 1840 г. Е.А. Верещагина пишет письмо дочери из Петербурга: «...Миша Лермантов велел сказать тебе, что он очень рад, что получит письмо твое, что он чувствует и будет к тебе писать непременно. Очень занят-всякой день на балах и в милости у модных дам» [12, стр. 391]. Непонятно только, когда гусар на службу ходит.

14 января 1840 года. Лермонтов провел вечер у Карамзиных. Здесь были А.И. Тургенев, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и В.Ф. Одоевский. Княгиня М. Щербатова отсутствовала [12, стр. 391].

16 февраля 1840 г. «На балу у графини Лаваль столкновение Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом. Барант вызвал Лермонтова на дуэль» [12, стр. 393].

Напомним, что особняк де Лавалей был резиденцией французской разведки. Именно здесь проходили вербовку и «обработку» те русские офицеры, которые затем вышли на Сенатскую площадь, в декабре 1825 года. Один из повешенных офицеров, руководителей заговора, был зятем владельца особняка де Лавала. После проведенных обысков особняк длительное время был закрыт. Потом он восстановил свое влияние и функции. Исследователи не обращают внимания, что до 16 февраля 1840 г. Лермонтов не был в этом особняке, с французами контактов не поддерживал. Совершенно не ясно, кто его пригласил. Скорее всего, сами французы, на правах уже знакомых. Или А.И. Тургенев, выполнявший указания французов о Лермонтове. Из лиц ближайшего окружения Лермонтова на вечере оказался только родственник А. Столыпин, который затем стал его секундантом.

Лермонтоведы часто цитируют совершенно ложное утверждение А.П. Шан-Гирея, что «Зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован княгиней М.А. Щербатовой... Мне ни разу не случилось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать. То же самое, как видно из последующего, думал про нее и г. де Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Немножко слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта...» [36, стр. 618].

Некоторые «современники» рассматривали даже возможность женитьбы Лермонтова М.Ю. на Щербатовой М.Я. Якобы, препятствием на пути к счастливому браку между М.Ю. Лермонтовым и М.А. Щербатовой стала бабушка, Серафима Ивановна Штерич. Как пишет А.О. Смирнова, М.А. Щербатова «чувствовала себя несчастной у Серафимы Ивановны..., которая ненавидела Лермонтова и хотела непременно, чтобы на ней женился Иван Сергеевич @ Мальцев@».

Высказывание, как минимум, глупое. Бабка Штерич уже подставила внучку под брак с гусаром князем Щербатовым. Теперь она искала ей нового мужа. Возникает вопрос: какую ценность представляла княгиня М.А. Щербатова для брака богатых молодых мужчин? Почему «Иван Сергеевич Мальцев» должен был непременно жениться на вдове, с сомнительным семейным прошлым? Светское общество знало о ее брачной аванюре, с выходом замуж за князя Щербатова. Общество догадывалось, что Щербатов остался умирать в деревне не по своей воле. Вот почему, «жизнь М.А. Щербатовой была осложнена и теми сплетнями, злословием на ее счет, которые были связаны прежде всего с ее неудачным браком и завещанием покойного мужа князя А.М. Щербатова». По этому завещанию, все княжеское имущество было записано на сынишку Михаила. Когда ребенок умер, Щербатова «лишилась почти всего состояния, перешедшего в основном обратно в род Щербатовых» [38, стр. 247; 13, стр. 230-231]. К примеру, П.И. Бартенев вообще утверждал, что Лермонтов оставил Щербатову, узнав, что после смерти ребенка она потеряла все наследство князя Щербатова и «стала бедна». Вот почему Щербатова «не светилась» нигде на светских балах: ее там просто не принимали.

Вот почему Лермонтов в стихотворении для вдовы особо подчеркнул ее умение и стойкость во взаимоотношениях со светским обществом.

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит...

К тому же, сам Лермонтов был не бедным офицером. Да, отцовское наследство был невелико. Но бабушка, из рода Столыпиных, была

богатейшей помещицей. Она выделяла значительные денежные суммы для внука, и он мог «жить весьма прилично даже в лейб-гусарском полку, где офицеры издерживали тогда много денег, и не отставать от них» [21, стр. 383-384]. И все свое движимое и недвижимое имущество бабушки доставалось внуку. Кроме бабушкиного наследства, он был уже известным поэтом, в том числе зарабатывал деньги на публикациях [4].

По всем показателям, М.Ю. Лермонтов был весьма привлекательным женихом. Е. А. Сушкова вообще допускает, мягко говоря, идиотское высказывание. «Будучи женихом Щербатовой, и в то же время избегая брака, – Лермонтов на коленях умолял свою бабушку Арсеньеву не позволять ему жениться» [38, стр. 247; 13, стр. 230-231]. Во-первых, Лермонтов не был помолвлен с М.А. Щербатовой, а потому не мог называться ее женихом. И во-вторых, если он готов был жениться на вдове, то при чем здесь бабушка?

В принципе, вся организация дуэли была направлена на ликвидацию поручика М.Ю. Лермонтова руками Э. де Баранта. Дуэль состоялась в воскресенье 18 февраля, в 12 часов дня, за Черной речкой на Парголовской дороге [6].

По воспоминаниям А.П. Шан-Гирея, Лермонтов, по пути к месту дуэли, заехал домой к А. Столыпину (Мунго); тот взял «отточенные рапиры и пару Кухенрейтеров», и они поехали на Черную речку. Обратим внимание на «отточенные рапиры». Французы нередко одевали на рапиры колпачки, чтобы во время дуэли не убить соперника. Здесь же наоборот, А. Столыпин, отточил рапиры, чтобы малейшее прикосновение к телу оставляло рану. В нарушение дуэльного кодекса, на место дуэли не взяли врача. А потому любая рана, связанная с кровотечением, должна была привести к смерти Лермонтова.

По словам Лермонтова, дуэль на шпагах не получилась. Поняв, что Лермонтов профессионально владеет шпагой, «француз напал вяло». Он боялся нарваться на колющий удар отточенной шпагой поручика. Лермонтов «не поддавался». Столыпин «бесился», так как он подставил сына французского посла под убийство Лермонтовым. Именно Столыпин убедил французов, что Лермонтов не владеет шпагой. Потом у Лермонтова неожиданно переломилась шпага, и секунданты остановили

дуэлянтов. Столыпин подал пистолеты. Эрнест, по примеру Дантеса, выстрелил раньше времени, до команды. И промахнулся. И остался стоять безоружным перед гусаром, который подтвердил опыт владения пистолетом еще на Кавказе. Это к вопросу о вызове на дуэль: тот, кто вызывает, легко может превратиться в мишень для удара шпагой или пули из пистолета. По словам Лермонтова, француз «выстрелил и дал промах, я выстрелил на воздух, мы помирились и разъехались, вот и все» [45].

Французы не изучили биографию поручика, а доверились информации А. Столыпина о Лермонтове. Мишель Лермонтов прошел профессиональную подготовку по владению шпагой в 1828-1829 годах. Когда он приехал в Москву, учиться в благородном пансионе, в августе 1828 г. бабушка наняла ему гувернера-француза, Жана-Пьера Келлет-Жандро. Который, по непонятной причине, «находился под полицейским надзором» [12, стр. 57, 702]. Бывший капитан наполеоновской гвардии обучил Мишеля Лермонтова владению холодным оружием, шпагой и кинжалом. Причем, капитан учил Мишеля не дуэльной, а боевой шпаге.

Современники говорили о том, что М.Ю. Лермонтов получил колющую или рваную рану шпагой француза. 20 марта 1840 года полковой лекарь, осмотрев Лермонтова «в присутствии комиссии Военного суда, учрежденной при Кавалергардском Его Величества полку», не нашел на теле Лермонтова раны, «полученной им на дуэли шпагою». По словам лекаря, «оказалось, что никакого следа оной мною усмотрено не было, даже и рубца не заметно, из которого сего следует, что повреждение, о котором говорится, было весьма поверхностно» [46, стр. 37].

При стрельбе из пистолета Эрнест повторил прием Дантеса, с помощью которого он пристрелил А.С. Пушкина. Эрнест выстрелил на счет «два», до команды «три». И промахнулся. Это подтверждается показаниями Лермонтова. В официальном донесении полковому командиру Лермонтов показал: «Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я уже выстрелил в сторону» [46, стр. 28]. То есть боевой офицер-гвардеец-гусар ждал команду «три», а потому «опоздал выстрелить». А гражданский человек, Эрнест, выстрелил на счет «два». В случае убийства Лермонтова (в

результате нарушения правил дуэли), секунданты дали бы заведомо ложные показания, что дуэль прошла по правилам.

Отдельные исследователи утверждают, что это были те французские пистолеты, что привез в 1835 году посол де Барант для последующей ликвидации Пушкина А.С.

По словам В.М. Фридкина, дуэльные пистолеты, участвовавшие в дуэли Пушкина и Дантеса, одним из которых был убит Пушкин, хранились во Франции, в населенном пункте Лимре, около Амбуаза, в небольшом частном музее почты, «Это были те самые пистолеты, которые Эрнест де Барант, сын французского посла в Петербурге, одолжил д'Аршиаку, секунданту Дантеса. Позже эти пистолеты участвовали в дуэли между Эрнестом де Барантом и М.Ю. Лермонтовым» [44, стр. 68]. Позволим только не согласиться с последней строкой, что «эти пистолеты участвовали в дуэли между Эрнестом де Барантом и М.Ю. Лермонтовым». В дуэли между де Барантом-младшим и Лермонтовым участвовали другие дуэльные пистолеты Кухенройтера. Во-первых, французы не отдали бы Столыпину свои ликвидаторские пистолеты; их бы привез на место дуэли французский секундант граф Рауль д'Англес. Во-вторых, при ликвидации А. Столыпина Лермонтова 15 июля 1841 года, около Пятигорска, снова использовались дуэльные пистолеты Кухенройтера. Один из которых А. Столыпин, потом, хранил в своей спальне, на стене.

По словам Столыпина, бывшего секундантом у Лермонтова, «секундантом со стороны г-на Барона де Баранта был его соотечественник Граф Рауль д'Англес» [46, стр. 27]. Фигура графа Рауля д'Англеса не стала объектом исследования лермонтоведов; между тем, заслуживает особого внимания. Он не был сотрудником французского посольства. Он появился в Санкт-Петербурге за несколько дней до дуэли; присутствовал на дуэли, и через несколько дней после нее уехал в Париж. Выскажем предположение: граф Рауль д'Англес представлял некую французскую организацию, которая была заинтересована в ликвидации Лермонтова. Он специально прибыл в Россию, чтобы присутствовать при ликвидации М.Ю. Лермонтова [6].

На основании изложенного сделаем ряд выводов.

Воспоминания современников анализируемых

событий, «дневниковые записи», это, в большинстве своем, обычный набор склок, сплетней, не отражающих действительные события. Которые сложно анализировать и понимать. Но, которые попали даже в Лермонтовскую энциклопедию. Большинство таких «воспоминаний» негативно показывают самого Лермонтова М.Ю., что не соответствует действительности.

Часть информации ложного характера, судя по всему, формировалась самими французами и «вбрасывалась» в общество через свою агентурную сеть. Затем эта «информация» попадала в дневники и воспоминания современников.

М.Ю. Лермонтов был искренним человеком в своих чувствах. Он не скрывал своих чувств к тем женщинам, которых любил; не гонялся за «каждой юбкой». Некоторые из отвергнутых им женщин оставляли негативные отзывы о самом Лермонтове.

М.Ю. Лермонтова и княгиню М.А.Щербатову не связывали никакие личные взаимоотношения. Лермонтов не любил Щербатову, не собирался на ней жениться. Лермонтов хорошо разбирался в людях, и он видел, что представляет собой Мария Штерич-Щербатова. До декабря 1839 г. они встречались редко, да и то, в составе коллективов «карамзинских посиделок». Встречи в ноябре – декабре 1839 года проходили при активном участии А.И. Тургенева, который был участником спецоперации по ликвидации М.Ю. Лермонтова.

По воспоминаниям М.И. Глинки, княгиня Мария Алексеевна Щербатова-Штерич в это время «любила искусство и литературу», и «была близко знакома с М.И. Глинкой». По словам самого М.И. Глинки, их связывала «поэтическая дружба» [7, стр. 136].

Княгиня М.А.Щербатова не могла и мечтать о повторном замужестве с офицером все того же лейб-гвардии гусарского полка, в котором раньше служил ее муж, князь Щербатов. Офицеры полка знали о таинственной гибели своего сослуживца, и, надо думать, держались подальше от Щербатовой и ее бабушки.

Французы тщательно подготовили спецоперацию по ликвидации поручика М.Ю. Лермонтова. Они были уверены в более высоком уровне подготовки Э. де Баранта во владении шпагой. Только поэтому они выставили против Лермонтова сына посла. Они даже не предполагали, что Эрнесту может угрожать какая либо опасность со стороны М.Ю. Лермонтова. На

шпагах у Эрнеста было полнейшее преимущество, так как Лермонтов не владел шпагой, а владел саблей. В стрельбе из пистолета Эрнест стрелял, с согласия секундантов, раньше, до команды. И должен был пристрелить поручика. Неожиданный для французов высокий уровень владения Лермонтовым шпагой спутал все карты. Сын посла превратился в объект ликвидации. Испытанный им страх, дрожание рук не позволили ему пристрелить Лермонтова из пистолета.

Не исключено, что Щербатова, по «подсказке» А.И. Тургенева, могла затеять и провести с М.Ю. Лермонтовым какой-нибудь разговор об ответственности французов за гибель А.С. Пушкина. Могла «вытянуть» из Лермонтова критические отзывы о французах и непосредственно Э. де Баранте. Э. де Барант мог в разговоре конкретно сослаться на Щербатову. В этом случае Лермонтов во время допроса просто скрыл имя Щербатовой.

М.А.Последующая судьба Щербатовой заслуживает особого внимания.

Она неожиданно бежала из Санкт-Петербурга. Даты ее бегства называются по-разному. Так, пишется, что 5 февраля 1840 г. «Мария Щербатова решает выехать из Петербурга и пишет доверенность своему опекуну А.А. Делину. Отъезд был для нее крайним средством, так как сын ее был серьезно болен, врачу, пользовавшему малолетнего князя в течение 1839 г., было уплачено 500 рублей» [12, стр. 392].

Данная информация совершенно непонятна. Сынишка тяжело болен. А мама бросает тяжело больного ребенка на свою бабушку и уезжает в Москву. На наш взгляд, причина такого поступка М. Щербатовой должна была быть очень серьезной, дороже жизни сынишки. А это значит, что сама Щербатова не присутствовала 16 февраля 1840 года на балу у графини Лаваль,

где произошла конфликтная ситуация между Лермонтовым и Э. де Барантом.

По другим данным, Мария Алексеевна Щербатова «поспешно выехала из Петербурга в калужское имение» 22 февраля 1840 года. М.А. Корф в своем дневнике записал 21 марта 1840 года, что Щербатова выехала в Москву [12, стр. 395-396].

В любом случае, сынишка умер, был похоронен в течение двух дней. Мама-княгиня на похороны сынишки не приехала, пряталась в Москве.

А теперь выскажем собственное предположение по бегству М.А. Щербатовой из Москвы и преждевременной смерти ее двухлетнего ребенка.

После смерти мужа Щербатова не смогла стать полноценной княгиней. Родственники мужа, его сестры, не приняли ее в свою семью. В многочисленных воспоминаниях нет информации о том, что Щербатова проводила время в кругу княжеского клана князей Щербатовых. М.А. Щербатова не смогла вписаться в светское общество. Во-первых, по уровню образования и воспитания. Во-вторых, из-за негативного отношения к ней самого общества. Наследство умершего мужа принадлежало не ей, а ее сынишке Михаилу. Опеку осуществляло Дворянское собрание. Подрастающий сынишка превращался для нее в обузу. После отъезда мамы Марии из Санкт-Петербурга сынишка, оставленный на бабушку С.И. Штерич, вскоре умер. Мама не приехала на похороны, отсиделась в Москве. Сестры ее умершего мужа вручили М.А. Щербатовой 45 тысяч рублей «отступного», и она покинула род князей Щербатовых, став богатой невестой.

В начале 1844 г. М.А. Щербатова вышла замуж за полковника И.С. Лутковского, адъютанта великого князя Михаила Павловича.

Примечания

* Современники событий высказывали предположение, что французы специально охотились на лучших русских поэтов. Как писал М.А. Корф, «Странно, что лучшим нашим поэтам приходится драться с французами: Дантес убил Пушкина, и Барант, вероятно, точно так же убил бы Лермонтова, если бы не поскользнулся, нанося решительный удар, который таким образом только оцарапал ему грудь [14, стр. 475].

*2 Как пишут современные исследователи, «не кто иной, как сам Лермонтов, заявил перед судом, что вызов последовал после короткого спора о национальном достоинстве России. Тем самым он подчеркнул политический характер ссоры. И не только сам Лермонтов: наиболее осведомленные современники – А. И. Тургенев,

А. Я. Булгаков, Л. И. Голенищев-Кутузов – сразу угадали политический характер этого столкновения и отметили его в своих записях» [5].

- *3 Рылеев Кондратий Федорович. Родился 18 сентября 1795 года в с. Батово Софийского уезда Петербургской губ., повешен 13 июля 1826 г. в Петербурге. В январе 1814 г. закончил 1 Кадетский корпус в Петербурге. Из корпуса выпущен артиллерийским офицером, участвовал в заграничных походах русской армии 1814-15 гг. Вместе с русскими солдатами прошел Швейцарию, Францию, Германию, Польшу, вернулся в Россию в декабре 1815 года. Во время пребывания в Париже был завербован международными экстремистскими структурами. Там же, в Париже (как гласит предание) Рылеев посетил знаменитую гадалку Ленорман, которая предсказала ему смерть через повешение. В 1818 г. вышел в отставку в звании подпоручика и поселился с семьей в Петербурге, где поступил на службу в палату уголовного суда. С весны 1824 г. Рылеев перешел правителем дел в канцелярию Российско-Американской компании. По воспоминанию сослуживца, Рылеев был помешан на «равенстве и свободомыслии». А его политические взгляды, по мнению современников, носили налет романтического утопизма. С 1819 он начал сотрудничать в различных литературных журналах. Поэзия его носила политический характер. Осенью 1823 г. Рылеев вступил в Северное общество. В конце 1824 г. фактически возглавил Северное общество. После смерти Александра I подстрекал офицеров к восстанию. Сам же предусмотрительно отказался от руководства восстанием. Вначале имитировал заболевание ангиной, затем заявил, что он сугубо штатский человек. Утром 14 декабря пришел на Сенатскую площадь посмотреть, как будут развиваться события. Потом бегал по Петербургу. Вечером того же дня арестован у себя дома. Приговорен к смертной казни и вместе с Пестелем, Каховским, Бестужевым-Рюминым и С. Муравьевым-Апостолом благополучно повешен 13 июля 1826 г.
- *4 В Летописи жизни и творчества указана, на наш взгляд, неверная дата бала, «1 января 1840 г.». В других источниках называется время посещения французского посольства 2 января 1840 г.

Список литературы

1. Адрес – календарь, или Общий штат Российской империи на 1840 г. ч. 1. – СПб., 1840.
2. Бунатян Г.Г. Город муз. – Л.: Лениздат, 1987. – 258 с.
3. В семье историографа Карамзина // http://tsarselo.ru/content/21/yenciklopedija-carskogo-sela/kultura-iskusstvo-i-obshchestvo-v-carskom-sele/v-seme-istoriografa-karamzina.html#vcwphpl_vfa
4. Гернштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Худож. лит., 1986. – 351 с.
5. Герштейн Э. Дуэль Лермонтова с Барантом // <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l45/l45-389-.htm>
6. Гласе А. Лермонтовский Петербург в депешах вюртембергского посланника: (По материалам Штуттгартского архива) // Лермонтовский сборник / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [Редкол.: И. С. Чистова (отв. ред.) и др.]. – Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1985. – 344 с. : ил.
7. Глинка М. Записки. – Л.: Музгиз, 1953. – 283 с., илл., фронт.
8. Грот К. Дневник И. И. Козлова // Старина и новизна: исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей исторического просвещения в память императора Александра III Кн. 11. – СПб., 1906.
9. Дивов П.Г. Несколько слов о Лермонтове // Русская старина. – 1902. – Т. 11.
10. Дуэльный кодекс. Правила русской дуэли. – М., 2016.
11. Жуковский В.А. Дневники / С примеч. И.А. Бычкова. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1903. – 536 с.
12. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. – М.: Центрполиграф 2017. – 800 с.
13. Корф М.А. Из дневника // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текстов, вступ. статья, с. 5-28, и примеч. М. И. Гиллельсона и В. А. Мануйлова] – М.: Художественная литература, 1972. – 568 с., 8 л. ил.
14. Корф М.А. Записки // Русская старина. – 1899. – № 9.
15. Кошелев А.И. Записки. – Берлин: В. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – XII, 272, 232 с. прил., 1 л. фронт. (портр.)
16. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. Т. 5. – СПб., 1913.
17. Литвинов Н.Д. Николай I и поручик М.Ю. Лермонтов // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 45-56.
18. Литвинов Н.Д., Пучнин В.А., Числов А.И. Ликвидация генерала Н.В. Мезенцева в 1878 году как спецоперация гибридной войны Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 53-80.
19. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX в. / Ред., вступ. статья и прим. Н.Л. Бродского; Переплет и суперобложка: И. Ф. Рерберг. – М.; Л.: Academia, 1930. – XXI, 592 с., [16] вкл. л. ил., портр.
20. Литературный Петербург пушкинской эпохи: Адресный указатель / Сост. В.Ф. Шубин ; Сост. В.Ф. Шубин // АРС. – 1994. – № 1 : Дома у Пушкина. – С. 100-111.

21. Лонгинов М.Н. .Русская Старина. Т. VII, кн. 3. – СПб., 1873.
22. М.Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов / [Ред.: Д. А. Гиреев, А. М. Докусов (отв. ред.) и др. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1960. – 318 с., 1 л. портр. : ил.
23. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текстов, вступ. статья, с. 5-28, и примеч. М. И. Гиллельсона и В. А. Мануйлова] – М.: Художественная литература, 1972. – 568 с., 8 л. ил.
24. Майский Ф.Ф. М.Ю. Лермонтов и Карамзины // М.Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов / Ред.: Д.А. Гиреев, А.М. Докусов (отв. ред.) и др. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1960. – 318 с., 1 л. портр. : ил.
25. Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. 2-е изд. – СПб.: Гиперион, 2004. – 528 с.
26. Мительман Е. Следами одного пошуку // Музыка. – 1982. – № 3.
27. Модзалевский Б.Л. Из альбомной старины // Русский библиофил. – 1916. – № 6.
28. Назарова Л.Н. М.А. Щербатова и стихотворения Лермонтова, ей посвященные // <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/lsb/lsb-278-.htm>
29. Пахомов Н. Письмо Л. к А.И. Тургеневу. – ЛН. Т. 45-46
30. Петухов Е. В. Письма А. Н. Карамзина 1847-1848 гг. // Исторический сборник. – Т. 3. – Л.: АН СССР, 1934. – 402 с.
31. Полонская Е. Октябрь // Октябрь в советской поэзии (1917–1987). – Л., 1987. – С. 172–173. – в кн. 782, XVI,[1] с. : ил., ил.; 21 см.
32. Прокопенко Л. Украинская страница биографии поэта // Радуга. – 1964 – № 10.
33. Пушкин в письмах Карамзинных 1836-1837 годов / Академия наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); под ред. Н. В. Измайлова. – М.; Л.: Академия наук СССР (Ленингр. отд-ние), 1960. – 436 с., 11 л. ил. : ил.
34. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. Приложения. – Тифлис, 1900.
35. Ростопчина Е.П. Письмо к Александру Дюма // Русская старина. – 1882. – Сентябрь.
36. РС. 1882. Т. 35. Кн. 9.
37. Смирнов Н.М. Из памятных заметок. // Русский архив. – 1882. – № 2.
38. Смирнова-Россет А.О. Автобиография. (Неизд. материалы) / Подгот. к печати Л. В. Крестова; с предисл. Д.Д. Благого. – М.: Мир, 1931. – 364 с., 1 портр.
39. Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л.: Художественная литература, 1988. – 720 с.
40. Сушкова Е. Записки. – Л. : Academia, 1928. – 464 с.
41. Танышина Н.П. Посол Франции барон Проспер де Барант и его «Заметки о России»// <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=49550>
42. Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники, – М.: Наука, 1964. – 629 с.
43. Фикельмон Д. Дневник 1829 – 1837 / Публикация и коммент. Светланы Мрочковской-Балашовой. – М.: Минувшее, 2009. – 999, [2] с., [16] л. ил., цв. ил., портр.
44. Фридкин. В. М. Пропавший дневник Пушкина: рассказы о поисках в зарубежных архивах. – М.: Знание, 1987. – 205, [2] с., [8] л. ил.
45. Шан-Гирей А.П. М.Ю. Лермонтов // Русское обозрение. – 1890. – Кн. 8. – С. 750-751.
46. Щеголев П.Е. Книга о Лермонтове. Выпуск второй. – Л: Прибой. 1929. – 328 с.
47. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. – М.; Л., Гос. изд-во, 1928. – 550, [2] с., ил., 4 л. ил.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КЕРИМОВ Александр Жангирович,
главный научный сотрудник, заместитель научного руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научных журналов «Российский журнал правовых исследований», «Вопросы российского и международного права», член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: 8017498@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

***Аннотация.** Предлагается конституционно-правовой анализ комплекса вопросов, связанных с выборами главы российского государства. Выражается полное удовлетворение по поводу содержания положений ч. 2 ст. 81 Основного Закона за исключением 35-летнего возрастного ценза для избрания на президентский пост в России, который представляется явно недостаточным. Высказывается критическое отношение к тому, что установления ч. 3.1 ст. 81 были зафиксированы на конституционном уровне.*

***Ключевые слова;** Президент России; Конституция; выборы; демократия; избирательное право; граждане; норма; присяга.*

KERIMOV A.D.

ELECTIONS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION (CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS)

***The summary.** This article focuses on the constitutional and legal analysis of the set of issues related to the election of the head of the Russian state. The author expresses his full agreement with the content of Part 2, Article 81 of the Constitution with the exception of the 35-year age requirement for a President, which seems to him absolutely insufficient. He also criticizes the fact that the provisions of Part 3.1, Article 81 were enshrined in the Constitution.*

***Key words:** President of Russia; Constitution; elections; democracy; suffrage; citizens; norm; oath.*

Президент России совершенно очевидно занимает центральное место и играет ведущую роль в государственном механизме страны. Его властные полномочия чрезвычайно усилились после вступления в силу 4 июля 2020 г. изменений Конституции [11, стр. 22-27] (заметим, наиболее важных из всех до сих пор осуществлённых с момента её принятия в 1993 г.). Посему анализ правового регулирования комплекса вопросов, связанных с выборами главы государства, имеет немалое значение для всестороннего понимания особенностей формирования, организации и функционирования политической системы современного российского общества.

Вопросам выборов Президента посвящена **статья 81 Конституции** (далее по тексту части статей и сами статьи Конституции Российской Федерации будут указываться в соответствии с принятыми сокращениями: «ч.», «ст.», «К. РФ.» или просто «К.» (разумеется, в ред. Закона РФ о поправке к К. РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ)). В ней зафиксированы базисные положения, относящиеся к порядку его избрания, срок его мандата и те критерии, которым должен отвечать кандидат на высший государственный пост.

Самое существенное здесь то, что выборы проводятся на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (**ч. 1 ст. 81 К. РФ**). Несмотря на всю привычность, своего рода обыденность этого конституционного установления, в нём кроется глубокий исторический и юридический смысл, безусловно нуждающийся в раскрытии.

Победа демократии во всемирном масштабе, в сущности, уже свершившийся факт. Неоспоримых доказательств тому множество. Соответствующая идеология почти безраздельно господствует сегодня в мире или, точнее, в той её части, которую принято называть цивилизованной. Воля народа провозглашается единственным правомерным источником справедливых законов и справедливой политики. Принцип народного суверенитета в той или иной форме закреплен в Конституциях практически всех передовых стран. Демократия, особенно когда речь идёт о государственной жизни (хотя, разумеется, не только о ней), рассматривается почти всеми и повсеместно в качестве наилучшего, наиболее эффективного и рационального способа её устройства. Стремление тех или иных политических партий и группировок максимально демократизировать ту

или иную сферу общественного бытия неизменно находит энергичную поддержку со стороны большинства населения, а порою расценивается и властвующей элитой как несомненно прогрессивное.

Но самое яркое и красноречивое доказательство победы демократии, господства демократической идеологии состоит в том, что длительная и напряжённая борьба между приверженцами всеобщего, равного и поклонниками цензового, неравного избирательного права завершилась безоговорочным поражением последних. Восторжествовало всеобщее и равное избирательное право. Конечно, любая современная избирательная система, предполагает наличие определенного количества цензов (в первую очередь возрастного и оседлости, ряда других). И всё же можно с уверенностью утверждать, что это (как и имеющие место нарушения принципа равного избирательного права в отдельных странах) не меняет глобальной ситуации, не нарушает целостности картины.

В эту картину в полной мере вписывается и наша держава, о чём и свидетельствует **ч. 1 ст. 81 К.**, согласно которой, глава российского государства, как отмечалось выше, избирается на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Не везде президентские выборы проводятся подобным образом. Они могут осуществляться не самими гражданами, а парламентом или выборщиками. Установленный нашей Конституцией способ – наиболее демократичный, ибо Президент России получает свой мандат непосредственно от её многонационального народа.

Данное конституционное положение демонстрирует, что творцы Основного закона руководствовались прежде всего необходимостью первостепенного обеспечения интересов, прав и свобод отдельной личности. (На это указывает и содержание **ст. 2 К.**). Дело в том, что одним из важнейших неотъемлемых прав самоценного и самостоятельного субъекта является его право на позитивное и деятельное участие в политическом процессе, в решении вопросов общеобщественного уровня, в упорядочивании жизни всего социального организма. «Довод в пользу участия граждан в государственных делах, – вполне обоснованно считают американские исследователи Т.Р. Дай и Х.Л. Зиглер, – авторы известной книги «Ирония демократии. Необычное введение

в американскую политику»*, – основан не на результатах политики, а на вере в то, что такое участие необходимо для полного развития человеческих способностей» [4, стр. 39]. Нельзя не согласиться с Г. Еллинеком, утверждающим, что в рамках демократической идеологии участие в государственной власти рассматривается «как право всеобщее, вытекающее из самой природы человека, которое должно принадлежать всякому индивиду, принятому в государственный союз и превращённому этим самым в гражданина» [5, стр. 484]. Полагается, что, голосуя и выдвигая себя в качестве кандидата на высший государственный пост, в депутаты и на другие должности, он реализует эту имманентно присущую ему от природы привилегию свободного члена социума. Таким образом, исходя из задачи предоставления эффективных гарантий полноправия каждого индивида, конституционное закрепление всеобщего равного и прямого избирательного права представляется мерой абсолютно обязательной и адекватной, естественной и логичной.

При этом нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство. Некоторые из создателей действующего Основного закона, будучи рьяными защитниками зафиксированной в нём именно такой избирательной системы, настаивали и настаивают на том, что поголовное или, скорее, максимально широкое участие граждан в политике вообще, в президентских и парламентских выборах в частности, не только способствует обеспечению полноправия личности [8; 9], но и неуклонно гарантирует наилучший результат. Если первое заявление бесспорно верно, то второе глубоко ошибочно. Принятие решений большинством вовсе не гарантирует ни их разумности, ни их нравственной обоснованности, не содействуют, пользуясь выражением Л.Н. Толстого, «совокупному усовершенствованию жизни» [7]. У власти по итогам всеобщих и свободных выборов далеко не всегда оказываются персонажи, искренне озабоченные не своекорыстными, а национальными интересами, люди, в чьих выдающихся интеллектуальных дарованиях и исключительных моральных качествах не приходится сомневаться [4, стр. 120-132]. Это неопровержимо доказывают драматические перипетии мировой истории. К счастью, у авторов и, условно говоря, соавторов (тех, кто готовил изменения и поправки, в том числе одобренные в ходе общероссийского голосования в июле 2020 г.)

Конституции нашей страны хватило мудрости и знаний учесть глобальный политико-правовой опыт и предусмотреть порядок, согласно которому значительная часть представителей истеблишмента занимает свои ответственные посты не вследствие избрания, т. е. не демократическим путём, а в результате назначения вышестоящим должностным лицом или поддержки с его стороны. Речь идёт прежде всего о Президенте. Подобный порядок, конечно же, вполне релевантен и разумен.

Основной закон устанавливает шестилетний срок мандата главы государства (**ч. 1 ст. 81 К.**). Он исчисляется со дня вступления его в должность, т. е. со времени принесения им присяги (**ч. 1 ст. 92, ч. 1 ст. 82**). Такая, весьма существенная продолжительность срока президентского мандата (хотя и не самая большая из известных зарубежному конституционному законодательству и практике) обусловлена и всецело оправдана обширностью территории, полиэтничным, многоконфессиональным составом населения нашего Отечества, но особенно стоящими перед ним сегодня поистине гигантскими по масштабности и значимости задачами и той огромной ролью, которая принадлежит Президенту в их успешной реализации.

Претендовать на это пост может только гражданин России (иное, собственно, было бы абсурдно), притом не моложе 35 лет (**ч. 2 ст. 81 К.**). Высокий возрастной ценз в данном случае совершенно необходим. Ведь достойно руководить государством, тем более таким великим и самобытным, сильным и самостоятельным, цивилизованным и просвещённым, как наше, чрезвычайно трудно. Для этого нужна личность окончательно сформировавшаяся, трезво мыслящая и рассудительная, в гражданском отношении достаточно зрелая, обладающая богатым жизненным опытом и соответствующего уровня политической культурой. Есть ли у нас твёрдые основания быть уверенными в том, что ещё относительно молодой человек (а именно таковым и является в условиях современной действительности 35-летний индивид), победив на выборах, окажется в состоянии глубоко осознать всю ответственность возложенной на него миссии? Вправе ли мы рассчитывать на его благоразумие, взвешенность и обдуманность принимаемых им решений? Не будет ли он вести себя под влиянием момента или эмоционального порыва? Не

превратится ли он в послушное и слепое орудие финансовых магнатов, в объект манипулирования со стороны других удачливых политиков, высокопоставленных чиновников и прочих сильных мира сего? Жертвами такого манипулирования повсеместно становятся не только молодые люди, но и личности уже вполне сложившиеся, взрослые. Учитывая изложенное, очевидно, что предписанный Конституцией возрастной ценз явно недостаточен. Его целесообразно повысить, следуя примеру ряда зарубежных стран, хотя бы до 40, лучше до 45 лет.

Отныне кандидат в Президенты должен проживать в России не менее 25 лет. Помимо этого, он не может иметь гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего его право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Президенту запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории России (**ч. 2 ст. 81 К.**). Такие же требования, точнее, ограничения (касающиеся гражданства и счетов) распространяются на Председателя Правительства, его заместителей, федеральных министров (**ч. 4 ст. 110 К.**), депутатов Государственной Думы (**ч. 1 ст. 97 К.**), сенаторов Российской Федерации (**ч. 4 ст. 95 К.**) и многих других должностных лиц. Подобного рода установления, по свидетельству Т.Я. Хабриевой и А.А. Клишаса, направлены на укрепление последовательно проводимой нашей державой «политики недопущения иностранного вмешательства во внутренние дела, а также осуществления публично значимых функций исключительно в интересах Российской Федерации и её граждан» [20, стр. 84].

Все эти конституционные положения необходимо рассматривать и воспринимать исключительно комплексно, в их имманентной взаимосвязи и генетической взаимообусловленности по причине того, что они изначально объединены архиважной и благородной стратегической целью. Она заключается в том, чтобы в обозримом будущем совершенно исторгнуть из рядов политической элиты нашего Отечества, увы, ещё многочисленных представителей пятой колонны, действующих вопреки воле и благу народа.

Их присутствие и крайне энергичную разрушительную деятельность можно без труда

обнаружить в стане правящего класса. Они – не более чем жалкие эпигоны мироустроительных концепций, этических норм и установок, составляющих идеологический базис современной западной цивилизации, находящейся по некоторым объективным показателям в глубочайшем кризисе. Они, в сущности, вовсе не стремятся перенять то лучшее, изысканное и рафинированное, что было создано в Европе и США в духовной сфере за истекшие несколько столетий, а лишь алчут механически привнести в национальную культуру инородное цивилизационное содержание, насильственно внедрить чужие, а порою и откровенно чуждые (иногда порочные) ценности, значения и смыслы [3; 6; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19]. Они всецело ориентированы на Запад и меньше всего озабочены потребностями руководимого ими социума, упованиями и чаяниями народа. Зато они чрезвычайно восприимчивы к собственным материальным обретениям и потерям; одержимы неуёмным инфантильным желанием достижения успеха, невзирая ни на какие нравственные запреты и ограничения, при этом поразительно нетерпимы к финансовым и карьерным неудачам. Им неведомы иные разновидности позитивных человеческих мотиваций, кроме своекорыстных. Чувства долга, ответственности перед соотечественниками, призванности жертвенному служению Отчизне, преданной и вместе с тем неизъяснимой любви к ней им ни в коей мере не свойственны. Они – воинствующие космополиты, исповедующие принцип: «Ubi bene, ibi patria» (Где хорошо, там и Родина), люди мира, превратившие бойкую и беззащитную торговлю национальными интересами в умело организованный, прекрасно отлаженный и высоко прибыльный бизнес. Они заняты разбазариванием или же попросту банальным «проеданием» сырьевых запасов, миллионы лет накапливаемых природой, и богатств культуры, создаваемых напряжёнными творческими усилиями предшествующих поколений на протяжении веков, а то и тысячелетий. О необходимости сохранения и приумножения этих сокровищ они даже не помышляют.

Сказанное полностью относится к господствующей страте России ельцинской эпохи. Нельзя не заметить, что сегодня ситуация шаг за шагом, но неуклонно и беспрерывно меняется к лучшему. Складывается впечатление, притом впечатление устойчивое и оправданное, подкреплённое

конкретными фактами практической политики, официальными документами (в частности, конституционными поправками, вступившими в силу в июле 2020 г.), что значительный сегмент отечественной властвующей элиты действительно вдохновлён задачей первостепенной защиты нужд и потребностей народа. Между тем, совершенно очевидно, что абсолютно вся эта элита в целом подлежит интенсивному очищению, должна быть непременно подвергнута процедуре тщательного аффинирования, в результате которого она преобразуется в корпорацию единомышленников, воодушевленных идеей безусловной приоритетности государственных интересов над какими бы то ни было другими, обеспечения процветания и благоденствия собственной страны. На это и нацелены упомянутые нововведения в Основном законе. Они несомненно позволят правящему классу избавиться от тех, кому иностранное гражданство и счета в зарубежных банках гораздо предпочтительней служению Отечеству, и тем самым сделать этот класс по-настоящему национально ориентированным и национально ответственным.

Согласно, **ч. 3 ст. 81 К.**, одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков. Отныне уточнение «подряд» отсутствует. Следовательно, одно и то же лицо вправе за годы своей жизни избираться на высший государственный пост всего только два раза и отправлять соответствующие полномочия в общей сложности не более 12 лет, т. е. два раза по шесть лет, как непрерывно, так и с определённым временным интервалом.

Ограничение, зафиксированное **ч. 3 ст. 81 К.**, призвано воспрепятствовать установлению жёсткого авторитаризма (а то и тоталитаризма) во главе с неизменно переизбираемым Президентом.

Ч. 3.1 ст. 81 К. предписывает, что положение **ч. 3 ст. 81 К.**, ограничивающее число сроков, в течение которых одно и то же лицо может занимать пост Президента России, применяется к лицу, являвшемуся и (или) являющемуся главой государства, без учета числа сроков, в течение которых оно занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции, вносящей соответствующее ограничение (т.е. 4 июля 2020 г.), и не исключает для него возможность занимать должность Президента в течение сроков, допустимых

указанным положением.

Это означает, что В.В. Путин и Д.А. Медведев могут теперь наравне со всеми другими гражданами страны, отвечающими, разумеется, надлежащим критериям, дважды баллотироваться на пост главы государства. Вопрос возникает скорее не в связи с содержательным наполнением данной конституционной новеллы, а по поводу целесообразности её введения в текст Основного закона.

Правовую норму справедливо трактуют как обязательное правило (некий эталон, стандарт, формально признанную меру и т. п.) поведения, регулирующее типическое социальное отношение, его отдельную часть или сторону. Абстрактность, общий характер нормы права по самой своей сути категорически отвергает бьющую в глаза утилитарную конкретность, персонифицированность адресата и естественно предполагает многократность её использования и соблюдения. Оцениваемое с этих позиций предписание **ч. 3.1 ст. 81 К.** не выдерживает даже снисходительной, вовсе невзыскательной критики. Оно видится причудливым и нелепым правовым нонсенсом, бог весть как очутившимся в Конституции. Оно гораздо ближе к ненормативному, индивидуально направленному, однократно реализуемому юридическому решению (сродни приговору суда, указу о присвоении награды и проч.). Дозволение, содержащееся в **ч. 3.1**, фактически распространяется лишь на двух наших сограждан и будет применяться к тому же очень непродолжительный в масштабах жизни государства период времени. А по его истечении окажется недействующим, «мёртвым».

Посему возводить рассматриваемую норму в ранг конституционной было ошибочно. С формально-юридической точки зрения это, мягко говоря, не совсем корректно, а с этико-политической опрометчиво, ибо ничуть не добавило авторитета верховной власти. Вместо этого вполне достаточно было бы заручиться здесь только поддержкой Конституционного Суда, который, собственно, и призван (в том числе по запросу Президента) давать толкование Основного закона (**ч. 5 его ст. 125**). Если потребовалось бы интерпретировать смысл других имеющих отношение к делу нормативных установлений, то тогда можно было бы прибегнуть к **ч. 6** этой же статьи, согласно которой акты или их отдельные положения, признанные

конституционными в истолковании, предложенном Судом, не подлежат применению в ином истолковании.

Наконец, **ч. 4 ст. 81 К.** гласит, что порядок выборов Президента определяется федеральным законом. Следует внимательно прислушаться к мнению ряда отечественных исследователей, настаивающих на том, что формулу «федеральный закон» целесообразно в данном случае трактовать расширительно, т. е. как включающую в себя помимо самой Конституции, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Ведь круг вопросов, связанный с избранием и вступлением главы государства в должность, регулируется, конечно, многими законодательными актами. Первостепенная роль среди них принадлежит Закону «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 № 19-ФЗ [1] и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ [2].

После победы на выборах вновь избранный глава государства приносит присягу (**ч. 1 ст. 82 К.**). Присяга есть клятва (не случайно она и начинается со слова «Клянусь...»), официальное и торжественное одностороннее обещание, которое даёт народу при вступлении в должность Президент России. Она представляет собой феномен и правового, и политического, и нравственного характера, что очевидно само по себе и прямо явствует из её текста, закреплённого в **ч. 1 ст. 82 К.** Не во всех странах текст присяги приводится в Конституции.

Собственно юридическое значение присяги заключается в том, что именно с момента её принесения, как уже отмечалось выше, руководитель высшего ранга и вступает в должность, принимается за осуществление своих чрезвычайно широких и серьёзных властных полномочий. Он прекращает их исполнение с истечением срока его пребывания в должности с момента принесения присяги вновь избранным Президентом (**ч. 1 ст. 92 К.**).

Кроме того, клятва обязывает главу государства. Она естественным образом предполагает последовательное, неукоснительное и добросовестное соблюдение им взятых на себя обязательств. Их нарушение может повлечь за собой не только наступление сугубо правовой

ответственности в виде отрешения от должности (импичмента) Президента (**ст. 93 К.**), но и резко негативную оценку, публичное осуждение его деятельности, принятых управленческих инициатив с политической и этической точек зрения различными влиятельными группировками, большинством населения, отдельными сегментами общества, известными и авторитетными людьми. Тем более, что практическая реализация ряда (если не всех) положений присяги далеко не всегда подлежит чёткой и ясной формально-юридической верификации, зато вполне поддаётся содержательному анализу и развёрнутой критике с позиций позитивной политики и сложившейся морали. В самом деле, нелегко с исчерпывающей правовой достоверностью и определённой установкой, в достаточной ли мере Президент уважает права и свободы человека и гражданина, защищает Основной закон, верно ли он служит народу и т.п.

Присяга в нашей стране приносится в торжественной обстановке (как, впрочем, и во многих государствах в соответствии с устоявшейся традицией). У нас это предписано **ч. 2 ст. 82 К.**, что видится логичным и обоснованным, учитывая огромную значимость инаугурации. Ведь последняя представляет собой частный и при этом чрезвычайно важный случай, конкретное яркое проявление такого полиэдрического, извечного, исполненного глубочайшим смыслом в жизни человечества социокультурного феномена, как ритуал.

На церемонии обязательно присутствуют, согласно **ч. 2 ст. 82 К.**, сенаторы Российской Федерации, депутаты Государственной Думы и судьи Конституционного Суда России. Выбор именно этих лиц оправдан и закономерен. Он обусловлен следующим. Парламентарии являются репрезентантами всего многонационального народа нашей Родины, к которому и обращается Президент. А судьи высшего органа конституционного контроля зримо демонстрируют своим участием легитимность единой системы публичной власти, устойчивое функционирование и взаимодействие которой и обеспечивает глава государства, выступая гарантом Основного закона (**ч. 2 ст. 80 К.**). Разумеется, на торжественной церемонии, широко транслируемой электронными средствами массовой информации, присутствуют и другие высокопоставленные лица.

Примечание

- * В русском переводе работа «The Irony of Democracy. An Uncommon Introduction of American Politics» называется «Демократия для элиты. (Введение в американскую политику)».

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 171.
2. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
3. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
4. Дай Томас Р., Зиглер Хармон Л. Демократия для элиты. (Введение в американскую политику) / Перевод с англ. – М.: Юридическая литература, 1984. – 318 с.
5. Еллинек Г. Право современного государства. Томъ первый. Общее учение о государствъ / Переводъ подъ редакціей В.М.Гессена и Л.В.Шалланда. – С-Петербургъ: Изданіе Товарищества «Общественная Польза», 1903. – XX, 532 с.
6. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани компрехендной теории познания права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 168-177.
8. Зиновьев А.В. Избирательная система России (комментарий Закона о выборах Президента России): Пособие / Под ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 352 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
9. Зиновьев А.В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 359 с.
10. Керимов А.Д. Демократия: опыт критического анализа. – М.: Норма. 2019. – 184 с.
11. Керимов А.Д. Президент в государственном механизме Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Том 7. – № 2. – С. 22-27.
12. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
13. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
14. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
15. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
16. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
17. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
18. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
19. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
20. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

МУРЗАБУЛАТОВ Урал Муллахметович,
заведующий кафедрой гражданского процесса
Института права Башкирского государственного
университета, кандидат юридических наук,
доцент (г. Уфа, Россия)

E-mail: ural.murzabbulatov.59@mail.ru

Специальность 12.00.15 – Гражданский процесс;
хозяйственный процесс; арбитражный процесс

АРЕСТ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА И ЕГО ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ, ЕСТЬ НЕ ЧТО ИНОЕ КАК МАТЕРИАЛЬНОЕ УЩЕМЛЕНИЕ ДОЛЖНИКА В РАМКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Анализируется исполнительное производство. Во всех государствах, в том числе и в Российской Федерации, оно имеет свою специфику, обусловленную, с одной стороны, особенностями национальной правовой системы, а с другой стороны, сложившейся практикой и правосознанием.

Ключевые слова: арест имущества должника; принцип материального ущемления должника; снос незаконного строения; ущерб, наносимый должнику и государству в результате сноса незаконного строения.

MURZABULATOV U.M.

THE SEIZURE OF THE DEBTOR'S PROPERTY AND ITS ENFORCEMENT IS NOTHING MORE THAN MATERIAL INFRINGEMENT OF THE DEBTOR WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LEGISLATION ON ENFORCEMENT PROCEEDINGS

The summary. The enforcement proceedings are analyzed. In all states, including the Russian Federation, it has its own specifics, due, on the one hand, to the peculiarities of the national legal system, and on the other hand, to the prevailing practice and legal awareness.

Key words: arrest of the debtor's property; the principle of material infringement of the debtor; demolition of an illegal structure; damage caused to the debtor and the state as a result of the demolition of an illegal structure.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. Вопросам обеспечения прав и свобод человека в отечественной литературе уделяется серьезное внимание [3; 4; 5; 7; 10; 14; 16]. Создание эффективной системы исполнения судебных актов есть задача, без решения которой невозможно обеспечить конституционные гарантии доступа к правосудию, гарантии защиты государством прав и законных интересов граждан и организаций. От качества исполнительного производства зависит восприятие гражданами эффективности судебной власти [9; 11; 15], действия самого права.

Отличительной особенностью системы исполнительного производства раннего периода в истории России являлась полная власть кредитора над личностью должника. Несмотря на то, что главной судебной властью являлся князь, основные действия совершал взыскатель. И для восстановления своего права последний, по своему усмотрению, мог прибегнуть даже к силовым методам воздействия на должника. Т.е. наряду с материальным ущемлением должника, широко применялись и физическое насилие. К ним относились: правож (должника ставили перед зданием приказа и били по икрам ног гибкими прутьями); выдача головою (долговое рабство); передача в долговые тюрьмы (работные долга); личное задержание должника. Эти моменты, в частности, отражены в таком древнейшем памятнике права, как «Русская правда» [12].

Однако в ходе развития общественных отношений процессы, связанные с физическим насилием должника, стали понемногу отходить на второй план. В частности, в период правления Петра I в России (1721-1725 г.г.), процессы гуманизации принудительного исполнения проходили, отчасти, по Европейским стандартам. Эпоха правления Петра Великого знает много прогрессивных законодательных явлений, связанных с правами его подданных [6; 8; 13; 17]. Реформы 1864 года, проводимые императором Александром II, были озаглавлены тем, что по законодательству запрещалось использование в отношении должника физического насилия при осуществлении принудительного исполнения, а допускалось лишь материальное насилие [18].

Сегодняшнее законодательство, регламентирующее принудительное исполнение, также предусматривает нормы, разрешающее материальное ущемление (насилие) должника. В частности, ст. 68 ФЗ-229 «Закон об исполнительном производстве», к мерам принудительного исполнения относит обращение взыскания на имущество должника. Кроме того, нормы главы 8 Закона регулируют вопросы порядка обращения взыскания на имущество должника, глава 9 – принудительной реализации арестованного имущества должника, глава 10 – особенности обращения взыскания на имущество юридических лиц, глава 11 – обращение взыскания на заработную плату и иные доходы должника [2].

Таким образом, необходимо заметить, что в исполнительном производстве одним из основных мер принудительного исполнения является обращение взыскания на имущество должника, а также на денежные средства и иные доходы. Однако, по какой-то причине, законодатель не включил в перечень основополагающих принципов исполнительного производства принцип материального ущемления должника. Считаем, что отсутствие в составе основополагающих принципов принципа материального ущемления должника в рамках исполнительного производства является серьезным пробелом, ибо, вся нормативная база принудительного исполнения построена на принудительном обращении имущества должника в целях удовлетворения требований исполнительного документа и удовлетворению требований взыскателя.

Кроме того, вызывает определенное недоумение тот факт, когда суды выносят решение по вопросам сноса незаконного строения. Принудительным исполнением решения суда по сносу незаконного строения занимаются судебные приставы-исполнители. Однако, судебный пристав, исполняя решение суда, испытывает глубокие переживания, когда под ковшом экскаватора разрушается прекрасно отстроенные здания жилищно-бытового назначения или производственного назначения.

Тут мы задаемся вопросом, неужели единственный способ разрешения вопроса – это разрушение незаконного строения?! Неужели наше государство настолько богато, что может пойти на такие варварские шаги для разрешения спорного вопроса?!

На наш взгляд, было бы правильным пересмотреть отдельные нормы Законодательства РФ, регулирующие вопросы разрешения споров, связанных с незаконными строениями. В частности, было бы правильным не сносить строения, которые уже построены или находятся на стадии ввода в эксплуатацию, а накладывать

штрафные санкции, равные себестоимости возведенного объекта, либо конфисковать данные объекты в доход государства.

По нашему мнению, такой подход позволил бы пополнить бюджет государства, да и разрешение указанного спора осуществлялось бы более цивилизованными методами.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп. от 12 марта 2014 г. № 34-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
3. Артамонова Г.К., Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Право на жизнь и право на смерть в системе соматических прав человека // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 179-192.
4. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. – 592 с.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
6. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
7. Кайнов В.И., Сальников М.В., Петров П.А. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 7. – С. 104-110.
8. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
9. Колоколов Н.А. Судебная власть: О сущем феномене в логосе: Монография. – М.: Юрист, 2005. – 560 с.
10. Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97-100.
11. Лысов П.К. Организация судебной власти и судебной деятельности в современной России: некоторые направления правового совершенствования // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 81-97.
12. Мурзабулатов У.М. Концептуальные пробелы в законодательстве об исполнительном производстве // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 1. – С. 44-47.
13. Петр I Великий. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.: ил. (Серия «Великий правитель»).
14. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.
15. Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов / Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 139 с. – (Сборники Президентской библиотеки).
16. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66. – в кн. 399 с.
17. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С. 219-230.
18. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / Сост. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2004. – 549 с.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

АРТАМОНОВ Владимир Сергеевич,
действительный государственный советник
Российской Федерации 1 класса, доктор
военных наук, доктор технических наук,
профессор, Заслуженный работник высшей
школы Российской Федерации, лауреат Премии
Правительства Российской Федерации в области
науки и техники, Почетный сотрудник Мини-
стерства внутренних дел Российской Федерации,
генерал-полковник внутренней службы
(г. Москва, Россия)
E-mail: art.0858@mail.ru

Специальность 23.00.02 – политические инсти-
туты, процессы и технологии

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Исследуются правовые основы глобальной, региональной и национальной системы безопасности в Арктическом стратегическом геополитическом регионе, формирование правового поля международных отношений в регионе, правовая позиция и деятельность России.

Ключевые слова: международное право; комплексная безопасность; регион; Арктика; риски безопасности; военная защита; Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

ARTAMONOV V.S.

LEGAL BASIS OF THE ARCTIC ZONE SECURITY ARCHITECTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. The article examines the legal foundations of the global, regional and national security system in the Arctic strategic geopolitical region, the formation of the legal field of international relations in the region, the legal position and activities of Russia.

Key words: international law; integrated security; region; Arctic; security risks; military protection; unified state system of emergency prevention and response.

Результаты исследований по данной проблеме проходили апробацию на ряде научных международных мероприятий, последнее из которых – III Международная научно-практическая конференция в Санкт-Петербурге 20 марта 2020 года. Статья подготовлена на основе научного доклада [18].

Вопросы наращивания российского присутствия в Арктическом геополитическом и геоэкономическом стратегическом регионе, ведения там хозяйственной деятельности, добычи полезных ископаемых и биоресурсов, регулярного судоходства в арктическом бассейне и приарктических районах становится все более актуальным [15; 22; 26; 33]. Арктика является зоной национальных интересов и одним из стратегических приоритетов в вопросах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Такое внимание подтверждается конкретной государственной политикой в Арктической зоне Российской Федерации (далее – АЗРФ) и соответствующим правовым обеспечением. В марте 2020 года Президент Российской Федерации В.В. Путин своим Указом утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [2], учитывающие новые экономические и политические условия.

Продолжается работа над «Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (далее – Арктическая стратегия), готовится Единый план реализации «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и Арктической стратегии.

Арктическая деятельность осуществляется по ряду направлений, но их реализация возможна только в случае обеспечения региональной безопасности в Арктическом стратегическом регионе и национальной – в АЗРФ.

В «Основах» сформулированы семь угроз национальной безопасности, имеющих внутренние причины, и пять вызовов внешнего характера. Они неотделимы от иных угроз суверенитету нашего Отечества [23; 24; 25; 41; 42]. В числе основных направлений государственной политики определены обеспечение военной безопасности Российской Федерации, обеспечение общественной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации и обеспечение защиты

населения и территорий АЗРФ от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [2].

Арктическая архитектура безопасности становится важным предметом исследования как отечественных [17; 16; 20; 21; 27; 34], так и зарубежных ученых и экспертов [49; 50; 56].

На глобальном уровне безопасность, минимизацию угроз, вызовов и рисков в Арктике призваны обеспечить действия государств в рамках целого комплекса международных программ и конвенций: Конвенция ООН по морскому праву 1982 года; Международные правила предупреждения столкновений судов в море (МППСС-72); Международная Конвенция об охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74); Международная Конвенция по поиску и спасению на море (САР-79); Международная конвенция о спасании (SALVAGE-89), Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1967 года [37].

Важным элементом глобальной арктической безопасности стал Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс), вступивший в действие с первого января 2017 года (далее – Полярный кодекс). Он призван регулировать порядок и методы обеспечения безопасности судов в полярных условиях, устанавливает стандарты конструкции судов и порядок их переходов в сложной ледовой обстановке, декларирует требования к охране окружающей среды, регулирует порядок действий с отходами, топливом и остатками грузов. В Полярном кодексе устанавливает факторы, влияющие на безопасность мореплавания в полярных водах (25, ст. 3), а также требование обеспечить каждое судно Руководством по эксплуатации в арктических водах (25, ст. 2).

Важным условием обеспечения безопасного плавания стало, закрепленное в ст. 1.3.1 части I-A требование по получению Полярного Судового Сертификата (Polar Ship Certificate). Согласно ст. 2 Полярного кодекса предусматривается разделение судов на три категории, в соответствии с конструкцией, и определяются условия их возможной эксплуатации в зависимости от ледовой обстановки [14].

Следование этим и другим требованиям, установленным документами ООН, положительно влияет на функционирование глобального

сегмента арктической системы безопасности. Но систематические нарушения рядом государств норм и правил международного права вызывают обоснованные опасения возможного переноса этой практики и на Арктический геополитический регион.

Основными субъектами системы арктической региональной безопасности являются циркумполярные государства, Арктический совет с наблюдателями, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Северная оборонная структура (NORDEFCO), Азиатский форум полярных исследований, Арктический форум береговых охран [20].

Анализ национальных интересов обозначенных субъектов системы арктической региональной безопасности [44; 48; 51; 52; 53; 54; 55; 57] позволяет сделать однозначный вывод о том, что в настоящее время Российская Федерация в Арктике вынуждена противостоять объединенному евроатлантическому фронту, а также азиатскому в лице Китая, Японии, Кореи и некоторых других государств [28; 29; 30; 31].

Общественный характер не позволяет Арктическому совету стать основой такой системы. Следует заметить, что с 2014 года на «его полях» не собираются начальники генеральных штабов для корректировки и согласований действий сторон в военной области в регионе. Но все активнее действует в Арктике Арктический форум береговых охран, созданный по инициативе США.

Арктическая региональная система безопасности на водных объектах в рамках Арктического совета регламентируется тремя Соглашениями [45; 46; 47]. Так, в соответствии с «Соглашением о сотрудничестве в авиационном и морском поиске спасания в Арктике» (2011 год), стороны вправе запросить разрешение на въезд на территорию других государств-членов Арктического совета для поиска и спасания (включая заправку транспортных средств) с применением наиболее оперативной процедуры пересечения границы. Но в 2016 году Арктическая стратегия Евросоюза в виде Совместного коммюнике Европейской комиссии Европейскому парламенту и Европейскому совету «Интегрированная политика Европейского союза в Арктике» стала первым документом, в котором утверждалась цель Евросоюза играть ключевую роль в Арктике, поскольку этот регион отнесен к

стратегическим интересам ЕС [48]. А в настоящее время из-за действий США внутреннее формальное единство Арктического совета оказалось и вовсе под угрозой [40]. Тем не менее, среди основных задач российской государственной политики в «Основах» обозначено «закрепление за Арктическим советом роли ключевого регионального объединения, координирующего международную деятельность в регионе» [2, п. 166].

Все более активную роль в региональной системе безопасности играет Арктический форум береговых охран восьми циркумполярных государств, созданный в 2016 году. США и Россия уже реализовали на международном уровне совместную инициативу по определению шести безопасных маршрутов при прохождении через Берингов пролив. Это решение стало обязательным для всех морских судов.

Последние решения США [55; 58] и других циркумполярных государств по действиям в Арктике, способствуют процессу милитаризации ее, актуализирует проблему ускорения формирования современной национальной российской Системы комплексной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации.

Силы и средства, составляющие основу национальной российской системы безопасности в АЗРФ, или находящиеся в оперативной доступности к арктическим районам возможного их применения в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, относятся к различным функциональным подсистемам Российской единой системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций – Единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС).

РСЧС была создана в 1995 году и в настоящее время функционирует в соответствии с «Положением о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» 2003 года в редакции от 30.12.2019 года (далее – Положение) [4].

РСЧС объединяет органы управления, силы и средства федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, в полномочия которых входит решение вопросов по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, в том числе по обеспечению безопасности

людей на водных объектах. В настоящее время она состоит из двух подсистем – функциональных и территориальных, и действует на пяти уровнях: федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом.

Функциональные подсистемы созданы федеральными органами исполнительной власти и государственными корпорациями. Так, в МВД России – это одна функциональная подсистема охраны общественного порядка; в МЧС России – четыре функциональные подсистемы. Больше всего функциональных подсистем – по шесть, имеют два министерства: Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерство транспорта Российской Федерации.

Повседневное управление на федеральном уровне в РСЧС осуществляет Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России, на межрегиональном и региональном уровнях – центры управления в кризисных ситуациях главных управлений, на муниципальном уровне – единые дежурно-диспетчерские службы муниципальных образований.

Полный перечень функциональных подсистем дан в Приложении к Положению, а также в постановлении Правительства Российской Федерации от 2013 года с изменениями и дополнениями на февраль 2020 года, в котором перечислены 23 министерства и ведомства федерального уровня, две Государственные корпорации и исключена Российская академия наук [7].

Координацией действий в РСЧС на федеральном и межрегиональном уровнях занимается Правительственная комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности, комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности федеральных органов исполнительной власти и государственных корпораций. На остальных уровнях: региональном (в пределах территории субъекта Российской Федерации), муниципальном уровне, объектовом – комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности.

К постоянно действующим органам управления РСЧС на федеральном уровне относятся подразделения МЧС России, расположенные в субъектах Российской Федерации, а также образованные для решения задач в области защиты

населения и территорий от чрезвычайных ситуаций подразделения федеральных органов исполнительной власти и государственных корпораций. В субъектах Российской Федерации созданы территориальные подсистемы РСЧС, состоящие из звеньев, соответствующих административно-территориальному делению этих территорий.

На каждом уровне РСЧС созданы и действуют координационные органы, постоянно действующие органы управления, органы повседневного управления, силы и средства, резервы финансовых и материальных ресурсов, системы связи и оповещения органов управления и сил единой системы, системы оповещения населения о чрезвычайных ситуациях и системы информирования населения о чрезвычайных ситуациях. Номер «112» в качестве единого номера для вызова экстренных служб на всей территории России назначен с 2008 года [5].

В 2020 году по решению Правительственной комиссии должна быть завершена работа по заключению соглашений между территориальными органами МЧС России и операторами сотовой связи о предоставлении услуг по оповещению и информированию населения о чрезвычайных ситуациях на всей территории Российской Федерации [12, п. 4а].

К организации и проведению мероприятий по предотвращению и ликвидации чрезвычайных ситуаций федерального и регионального характера привлекаются силы и средства гражданской обороны. Подготовка населения к действиям в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера регламентируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 2003 года с изменениями и дополнениями на декабрь 2019 года [6].

В состав сил и средств каждого уровня РСЧС входят силы и средства постоянной готовности, предназначенные для оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации и проведения работ по их ликвидации. Перечень сил постоянной готовности федерального уровня утверждается Правительством Российской Федерации по представлению МЧС России.

Их основу составляют аварийно-спасательные службы, аварийно-спасательные формирования, иные службы и формирования, оснащенные специальной техникой, оборудованием, снаряжением, инструментом, материалами с учетом обеспечения проведения аварийно-спасательных

и других неотложных работ в зоне чрезвычайной ситуации в течение не менее трех суток. МЧС России осуществляет координацию деятельности аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований, общественных объединений, участвующих в проведении аварийно-спасательных работ и действующих на всей или большей части территории Российской Федерации, а также всех видов пожарной охраны.

Привлечение аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований к ликвидации чрезвычайных ситуаций осуществляется в соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» [1].

Порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при проведении аварийно-спасательных работ и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Арктической зоне Российской Федерации, в том числе в акватории Северного морского пути, осуществляется в соответствии с «Планом взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при проведении работ по поиску и спасанию людей на море и в водных бассейнах Российской Федерации», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 1995 года с изменениями и дополнениями на апрель 2019 года [8].

Важной составляющей РСЧС, особенно в отечественной арктической части архитектуры безопасности, является военная компонента: Объединенное стратегическое командование «Северный флот», Восточный военный округ, соединения и подразделения Ракетных войск стратегического назначения и Войск воздушно-космической обороны.

На февраль 2020 года Объединенное стратегическое командование «Северный флот» состояло из Подводных сил; Сухопутных и береговых войск в составе 61 отдельной бригады морской пехоты, 200 отдельной мотострелковой бригады и 80 отдельной мотострелковой бригады (арктической); 45 армии Военно-Воздушных Сил и Противовоздушной обороны (далее – ПВО); Кольской флотилии разнородных сил и Беломорской военно-морской базы.

Краснознаменный Северный флот является межвидовым стратегическим объединением

Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС России) и предназначен для защиты национальных интересов государства на арктическом направлении, а также в других районах мирового океана в установленных границах ответственности [43].

Восточный военный округ (далее – ВВО) в составе 5-й, 29-й, 35-й, 36-й общевойсковых армий, 11-ой армии ПВО и Тихоокеанского флота дислоцируется в административных границах Дальневосточного и части Сибирского федеральных округов, территорий 12 субъектов Российской Федерации, включая арктические регионы. Это важный элемент системы национальной системы безопасности.

Командующему войсками ВВО подчинены все дислоцированные на территории округа воинские формирования видов и родов войск ВС России, за исключением Ракетных войск стратегического назначения и Войск воздушно-космической обороны. В его оперативном подчинении находятся также воинские формирования Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Пограничной службы Федеральной службы безопасности России, других российских министерств и ведомств, выполняющих задачи на территории округа [19].

В АЗРФ, по данным журнала «Оборонно-промышленный потенциал», военные базы ВС России расположены в городах Североморске, Нарьян-Маре, Норильске (Алыкель), поселке городского типа Тикси, на мысе Шмидта, на архипелаге Новая Земля, на островах Земля Александры, Средний, Котельный, Врангеля [35, стр. 8]. На арктической военной базе «Северный клевер» на острове Котельный архипелага Новосибирские острова в море Лаптевых развернута 99-я тактическая группа Северного флота [36].

Арктические войска продолжают укрепляться. Начало процесса формирования арктических войск было положено в 2011 году. По данным Министерства обороны Российской Федерации к 2014 году в АЗРФ боевую службу несли отдельная мотострелковая арктическая бригада Северного флота (далее – бригада). Для прохождения службы в пункте постоянной дислокации соединения (поселке Алакуртти Мурманской области) созданы все необходимые социально-бытовые условия. Военнослужащие бригады

экипированы арктической формой, которая обеспечивает защиту от длительного воздействия холода с высокой влажностью и ветром более 15 метров в секунду, от дождя и налипающего снега при температурах до минус 50-60 градусов. В этой форме применены отечественные и белорусские современные легкие материалы, хорошо сохраняющие тепло, при этом гигиеничные, легко стираемые и быстро сохнущие.

В тыловом обеспечении арктических подразделений задействованы новейшие образцы специальной техники на базе гусеничных вездеходов ДТ-30 «Витязь», предназначенные для обеспечения жизнедеятельности военнослужащих арктических войск.

Инженерное обеспечение действий сил и войск Северного флота в арктических условиях обеспечивает созданный в 2018 году отдельный морской инженерный полк.

Подразделение беспилотных летательных аппаратов арктической бригады было создано в конце 2014 года и комплектуется только военнослужащими по контракту. Все операторы комплексов беспилотной воздушной разведки и наблюдения прошли специальную подготовку в Государственном центре подготовки специалистов беспилотной авиации. Беспилотные летательные аппараты, «Тахион», «Элерон-3», «Орлан-10», предназначены, прежде всего, для ведения воздушной разведки на удалении от десяти до ста пятидесяти километров.

Экологическую безопасность обеспечивают экологические подразделения бригады. Их усилиями очищены от металлического мусора уже значительные арктические территории.

Арктические подразделения вооружаются современной техникой, адаптированной к действиям в сложных климатических условиях. С 2016 года подразделения бригады имеют на вооружении зенитный ракетный комплекс малой дальности «Тор-М2ДТ». С 2018 года в АЗРФ выполняет боевые задачи арктический многоцелевой вертолет Ми-8АМТШ-ВА с дальностью полета более 1300 километров. Эксплуатация возможна при температурах ниже минус 40 градусов Цельсия. В 2019 году в соединение поступил арктический комплект зенитного ракетно-пушечного комплекса (ЗРПК) «Панцирь-СА». Бригада усилена модернизированными танками Т-80БВМ, газотурбинные двигатели которых мощностью в 1250 лошадиных

сил способны работать в условиях низких температур.

Трассовые радиолокационные комплексы «Сопка-2» размещены на ряде островов Северного Ледовитого океана и его морей с целью обеспечения безопасности, включая безопасность мореплавания по Северному морскому пути [59].

Пограничная служба ФСБ России в целях надлежащего содержания государственной границы и контроля ее состояния ежегодно проводит более четырех тысяч рейдов, из них около семисот – совместных с представителями пограничных ведомств сопредельных государств [51]. Идет процесс формирования и укрепления около двадцати пунктов пропуска через северную государственную границу Российской Федерации. Сформирован корабельный состав Пограничной службы ФСБ в АЗРФ, насчитывающий 34 боевые единицы. С 2017 года в Архангельске действует новый пункт сторожевых кораблей. В 2019 году он укреплен головным сторожевым кораблем первого ранга проекта 22100 «Полярная звезда» [21].

Все передвижения через Берингов пролив поставлены под американский и российский контроль. С российской стороны согласованное с семнадцатым районом береговой охраны США и совместное патрулирование кораблями и авиацией в акватории Чукотского моря, судходной обстановки в Беринговом проливе осуществляет Пограничное управление Федеральной службы безопасности России по Камчатскому краю.

Но задача обеспечения безопасности АЗРФ все усложняется. В настоящее время под суверенитетом Российской Федерации в соответствии с Конвенцией находится около одного миллиона квадратных километров морских акваторий (внутренние морские воды и территориальное море Российской Федерации). Еще более шести миллиона квадратных километров морских акваторий, включая дно и недра (исключительная экономическая зона Российской Федерации и ее континентальный шельф, границы которого находятся в стадии определения), находятся под юрисдикцией нашего государства [9].

Завершение работы по обновлению системы исходных линий, от которых отсчитывается ширина территориального моря Российской Федерации и исключительной экономической зоны Российской Федерации в Арктике входит в

число основных задач в сфере защиты и охраны государственной границы Российской Федерации [2, п. 20е].

Огромные полярные пространства сами по себе создают трудности в обеспечении национальной безопасности. Но в геополитическом и геоэкономическом планах еще большие риски имеют действия иностранных государств в наших территориальных арктических водах. Так, в 2018 году по СМП без предупреждения прошел корабль тылового обеспечения военно-морских сил Франции «Рона» с явно разведывательными целями. Без уведомления российской стороны на СМП входили ледоколы США, Швеции, Германии, Южной Кореи и Китая.

Это вызвало стратегически верное политическое решение Правительства России запретить с 2019 года проход по российским водам судов иностранного производства. Северный морской путь – это российские прибрежные воды. Такая мера защиты российского производителя принята по примеру США, где в территориальных водах уже почти сто лет имеют право ходить суда только американского производства.

Кроме того с 2019 года введен новый порядок прохождения по СМП иностранных судов. Уведомление о намерении пройти по СМП иностранные государства должны подавать в Администрацию СМП за 45 суток, необходимые для оформления разрешения, сообщив название корабля, маршрут, сроки плавания, основные параметры плавательного средства (водоизмещение, осадка, характеристики двигателя). На борту военного корабля должен присутствовать российский лоцман [32].

Анализ состава и размещения имеющихся сил и средств показывал, что для адекватного и оперативного реагирования на возникающие угрозы и риски на значительной части АЗРФ их недостаточно.

В связи с этим, во исполнение решения Совета безопасности Российской Федерации МЧС России в начале 2010-х годов приступило к формированию Системы комплексной безопасности населения и территории? в Арктике, основу которой должна была составить сеть арктических комплексных аварийно-спасательных центров (далее – АКАСЦ, Центр). Все Центры должны взаимодействовать и быть информационно сопряжены с Национальным центром управления в кризисных ситуациях МЧС России, с

соответствующими региональными центрами, и всеми элементами, входящими в РСЧС. В ходе реализации отечественной Арктической стратегии Центры планировалось размещать в «опорных точках» АЗРФ [10]. Создание АКАСЦ осуществляется поэтапно: Мурманск, Нарьян-Мар, Архангельск, Дудинка (Талнах) введены в строй; в Надыме, Воркуте, Тикси, Анадыре, Певеке, Провидении срок ввода был определен 2019 годом. Но в настоящее время сроки перенесены на ближайшую перспективу.

Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 2004 года с изменениями и дополнениями на 31 декабря 2019 года определяет задачи и основные направления деятельности, силы и средства [3]. Приказом МЧС России от 19.02.2020 № 102 утвержден Перечень учреждений, находящихся в ведении МЧС России. Они включены в РСЧС, а значительная часть из них составляет основные элементы национальной арктической Системы комплексной безопасности [13].

В состав сил и средств спасательных формирований входят: поисково-спасательные отряды; арктические комплексные аварийно-спасательные центры; воинские спасательные формирования постоянной готовности; авиационные подразделения; военизированные горноспасательные части; подразделения обеспечения безопасности людей на водных объектах; арктический спасательный учебно-научный центр «Вытегра»; подразделения противопожарной службы.

В рамках Федеральной космической программы Российской Федерации на 2016 – 2025 годы (далее – ФКП) планируется в целях дистанционного зондирования Земли увеличить орбитальную группировку с восьми космических аппаратов в 2015 году до двадцати трех к 2025 году, часть из которых будет действовать в интересах АЗРФ [11]. Это приведет к значительному увеличению объема информации и ее обработки. В настоящее время функционируют четыре центра приема и обработки космической информации МЧС России в городах Москва, Вологда, Красноярск и Владивосток. Они обрабатывают информацию с шести космических аппаратов дистанционного зондирования Земли и 24 спутников системы «ГЛОНАСС». Реализация ФКП

позволит к 2025 году сократить время обработки полученной информации и принятия решений до одного-двух часов.

В 2018 году в территориальные спасательные органы были переданы цифровые карты для использования в построении моделей чрезвычайных ситуаций. Одним из приоритетных направлений является развитие и внедрение взаимосвязанных информационных систем, таких как Автоматизированная информационная управляющая система РСЧС и электронная версия Атласа природных и техногенных опасностей и рисков. Презентация Атласа была осуществлена в июне 2019 года во время работы международного салона «Комплексная безопасность» (Москва).

В феврале 2020 года российская межведомственная делегация участвовала в 57 сессии Научно-технического подкомитета (далее – НТПК) Комитета ООН и представила доклад о перспективах реализации международных договоров и развития сотрудничества в сфере использования космических систем для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В настоящее время российская орбитальная группировка космических аппаратов дистанционного зондирования Земли позволяет совместно с Госкорпорацией «Роскосмос» развивать системы мониторинга, прогнозирования и моделирования стадий развития чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также использовать получаемые данные в интересах и других государств. В 2019 году трижды производилась активация Международной Хартии по космосу и крупным катастрофам, зарубежным партнерам передано более 700 снимков, а система космического мониторинга МЧС России задействовалась в более 170 случаях чрезвычайных ситуаций. Так, в 2019 году проводилась работа на автоматизированном программном модуле по прогнозированию развития природных пожаров «Каскад». Модуль позволяет моделировать развитие пожаров с учетом всех данных и точность составляет более 85 процентов.

За 2019 год средствами космического мониторинга было выявлено более 180 тысяч термических аномалий, представляющих реальную угрозу свыше 18 тысячам населенным пунктам. Ежемесячно в соответствии с космическим экспериментом «Сценарий» в Национальный центр с борта МКС приходят снимки земной поверхности с последующим анализом и выявлением

мест повышенного риска. Так, в ходе мониторинга паводковой обстановки принято, обработано и передано в соответствующие службы в субъектах федерации более 8,5 тысяч снимков, на их основе разработано более 20 тысяч моделей прогнозируемого подъема уровня воды на паводкоопасных участках.

В рамках 57 сессии НТПК Комитета ООН обсуждались вопросы по применению космических технологий при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций по программе UN-SPIDER [38].

Таким образом, Система безопасности в Арктическом стратегическом регионе имеет три измерения: глобальное, региональное и национальное.

На глобальном уровне усилия мирового сообщества сосредоточены, в основном, на правовой регламентации действий циркумполярных государств по демаркации границ полярных владений, обеспечении безопасного мореплавания в Северном Ледовитом океане и экологической безопасности.

На региональном уровне растет напряжение в арктических структурах, призванных обеспечить безопасность в регионе. В последнее пятилетие обозначилось размежевание по линии Россия и остальные циркумполярные государства. Вызовы и угрозы безопасности России в Арктике несут и действия неарктических государств из Европы и Азии вне правового поля.

В условиях возрастания рисков глобальной, региональной и национальной безопасности арктический вектор геополитики России ориентирован на минимизацию угроз противостояния национальных интересов геополитических игроков в регионе, трансформацию конфликтного потенциала в формат геополитической конкуренции на основе международного права и выдвижение в качестве общего приоритета – создание регионального комплекса безопасности в Арктике, формируемого как результат взаимодействия и сотрудничества на внутринациональном, региональном и международном уровнях.

Российская Федерация вынуждена укреплять собственную систему безопасности в Арктической зоне в виде Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, усиливать ее военную составляющую.

Важной составляющей регионального и отечественного комплекса безопасности в Арктике выступает Система комплексной безопасности,

направленная на обеспечение безопасности жизнедеятельности в АЗРФ и на защиту национальных интересов Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» от 22 августа 1995 года № 151-ФЗ (в ред. от 28.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 35. – Ст. 3503.
2. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 года «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 10. – Ст. 1317.
3. Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 28. – Ст. 2882.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 05 ноября 1995 года № 1113 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (в ред. от 30.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 46. – Ст.4459.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2011 года № 958 «О системе обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112» (с изменениями и дополнениями на 20 ноября 2018 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6932.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2003 г. № 547 «О подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (с изм. и доп. от 28 декабря 2019 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 37. – Ст. 3585.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 ноября 2013 года № 1007 «О силах и средствах единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (с изм. и доп. от 07.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 46. – Ст. 5949.
8. Постановление Правительства РФ от 26 августа 1995 г. № 834 «О плане взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при проведении работ по поиску и спасанию людей на море и в водных бассейнах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 36.
9. Концепция федеральной целевой программы «Мировой океан» на 2016 – 2031 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 1143-п) // URL: <https://legalacts.ru/doc/gaspojzazhenie>
10. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 20 февраля 2013 года № Пр-232) // URL: <http://government.ru/info/18360/>
11. Федеральная космическая программа России на 2016 – 2025 годы утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2016 г. № 230 (в ред. от 29.11.2018) // <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2020/443/>
12. Правительственная комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности (протокол № 7 от 13 декабря 2019 года) // <https://www.mchs.gov.ru/uploads/document/>
13. Приказ МЧС России от 19 февраля 2020 года № 102 «Об утверждении перечня федеральных государственных учреждений находящихся в ведении МЧС России» // <https://www.mchs.gov.ru/uploads/document/2020-02-21/>
14. Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс) (Резолюция МЕРС.264(68) от 15 мая 2015 года) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/420376046>
15. Ананских И.А., Литвинов Н.Д., Даржанов А.А., Нудин А.В. Петров П.А. Российская Арктика в механизме Китайской геополитики и гибридных войн // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 126-148.
16. Артамонов В.С., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Северный морской путь: риски безопасности и военная защита // Транспорт России: проблемы и перспективы – 2017: Материалы Международной научно-практической конференции, 14-15 ноября 2017 г. Санкт-Петербург. – СПб.: ИПТ РАН. 2017. – С. 20-23.
17. Артамонов В.С., Артамонова Г.К., Лукин В.Н., Легошин А.Д., Мусиенко Т.В. Геополитика Арктики: стратегии

- управления рисками безопасности: Монография / Под ред. В.С. Артамонова. (Серия: «Российская Арктика». Вып. 2). 2-е изд. перераб. и доп. (Монография). – М.; СПб.: Наука, 2019. – 317 с.
18. Архитектура безопасности Арктической зоны Российской Федерации // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности: Материалы III Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 20 марта 2020 года. – Санкт-Петербург: ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2020. С.14-18.
19. Восточный военный округ // URL: <https://structure.mil.ru/structure/okruga/>
20. Гаврилов О.Ю. Состояние и перспективы развития системы региональной безопасности в Арктике // Военная мысль. – 2019. – № 6. – С. 34-59.
21. Журавель В. Арктика: льды тают, обстановка накаляется // Военно-промышленный вестник. – 2019. – № 1(764). – 15 января.
22. Журавель В.П., Литвинов Н.Д. Суверенитет стран Арктического совета в Арктике: проблемы и механизмы обеспечения // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 129-141.
23. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
24. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
25. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
26. Каратаев О.Г. Арктический проект. Русская национальная элита. Академия морской пехоты // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 158-162.
27. Комаров М.П., Матвеев В.В. Системная хроника развала СССР и становление новой России (1983 – 2014). СПб.: Стратегия будущего, 2017. 423 с.
28. Кондрат Е.Н. Доктрины национальной безопасности США: некоторые исторические новеллы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 9. – С. 142-148.
29. Кондрат Е.Н. Некоторые исторические размышления о концепции национальной безопасности Франции // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 11. – С. 170-177.
30. Кондрат Е.Н. О некоторых особенностях политических взглядов Японии на формирование концепции собственной национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 10. – С. 163-171.
31. Кондрат Е.Н., Петров П.А., Сальников М.В. Концепция национальной безопасности Поднебесной: традиционная и всеобъемлющая // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 12. – С. 143-163.
32. Кочемасова Е.Ю., Журавель В.П., Седова Н.Б. О некоторых научных подходах к определению границ Арктики // Арктика и Север. – 2019. – № 35. – С. 158-169.
33. Литвинов Н.Д. Гиперборея – Даария – Арктида – Арктика в геополитическом противоборстве Запада и России // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3-4. – С. 123-142.
34. Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. – Архангельск, 2019. – 41 с.
35. Митько В., Митько А. Принципы формирования Арктической? доктрины России // Оборонно-промышленный потенциал. – 2020. – № 1. – С. 4-9.
36. Митько В.А. Комплексное освоение Арктики и обеспечение безопасности региона // Оборонно-промышленный потенциал. – 2020. – № 1. – С. 10-11.
37. Мусиенко Т.В., Лукин В.Н. Безопасность на водных объектах: правовые и организационные аспекты // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2019. – № 1(25). – С. 48-53.
38. МЧС России принимает участие в обсуждениях вопросов использования космического пространства в мирных целях // URL: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4079110>
39. Обеспечение соблюдения режима государственной границы // URL: <http://ps.fsb.ru/general/info/details.htm>
40. Помпео: Арктический совет стал внимательнее к «угрозе со стороны РФ и КНР» // URL: <https://ria.ru/20190508/1553339840.html>
41. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
42. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
43. Структура Северного флота // URL: <https://structure.mil.ru/structure/okruga/north/>

44. A Global Strategy for the European Union // URL: <http://europa.eu/globalstrategy/en>
45. Agreement on Cooperation on aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic // URL: [https:// oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/531](https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/531)
46. Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic // URL: [https:// oaarchive.arctic-council.org/handle/](https://oaarchive.arctic-council.org/handle/)
47. Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation // URL: [https:// oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916](https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916)
48. An Integrated European Union Policy for the Arctic, Brussels, 27.04.2016 // URL: <https://eeas.europa.eu/arctic>
49. Berry D.A., Bowles N., Jones H. Governing the North American Arctic: sovereignty, security, and institutions / New York, NY: Palgrave Macmillan, 2016. 277 p.
50. Bigalke S., Giesen C. Die Arktisroute konnte die Krafte im Welthandel verschieben. Suddeutsche Zeitung, 2018. 23 August.
51. Canada's Northern Strategy. Our North, Our Heritage, Our Future / Government of Canada, Ottawa, 2009. 8 p.
52. China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China, July 2019. Foreign Languages Press Co. Ltd., Beijing, China, 2019. 70 p.
53. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011 – 2020. 58 p.
54. Finland's Strategy for the Arctic Region / Prime Minister Offices. 2010. 98 p.
55. Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy, June, 2019 // URL: <https://media.defense.gov/2019/jun/06/2002141657>
56. Stepien A., Raspotnik A. The EU's new Arctic Communication: not-so-integrated, not-so-disappointing? Part I. // URL: <http://www.thearcticinstitute.org/the-eus->
57. Sweden's Strategy for the Arctic region /Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Department for Eastern Europe and Central Asia. Arctic Secretariat, Stockholm, Sweden. 2011. 52 p.
58. United States Coast Guard Arctic Strategic Outlook 2019 // URL: <https://climateandsecurity.files.wordpress.com/2019/>
59. https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10471006@egNews

СИЛКИН Николай Николаевич,

профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный сотрудник МВД Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: silkin_nn@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СОЛДАТАМИ ПОБЕДЫ ГОРДИТСЯ УНИВЕРСИТЕТ!

***Аннотация.** Рассматривается патриотическая работа Совета ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России. Отмечается значительный вклад преподавателей – участников Великой Отечественной войны – в становление и развитие первого университета МВД России создании научных школ и воспитание многочисленной плеяды молодых ученых.*

***Ключевые слова:** Санкт-Петербургский университет МВД России; Совет ветеранов; участники Великой Отечественной войны; патриотическое воспитание.*

SILKIN N..N.

THE UNIVERSITY IS PROUD OF THE SOLDIERS OF VICTORY!

***The summary.** The patriotic work of the Council of Veterans of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia is considered. The significant contribution of teachers – participants of the Great Patriotic War – to the formation and development of the first university of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the creation of scientific schools and the education of a large galaxy of young scientists is noted.*

***Key words:** St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Veterans Council; participants of the Great Patriotic War; patriotic education.*

3 сентября 2020 г, в день окончания Второй мировой войны, в Санкт-Петербургском университете МВД России была торжественно открыта аллея боевой славы ветеранов университета. На аллее 16 портретов участников Великой Отечественной войны нашего университета, тех кто с оружием в руках защитил нашу страну, завоевал победу. Это важное мероприятие посвящено 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, святому празднику и великому историческому событию в летописи человечества, которое ознаменовало разгром нацистской Германии, и ее союзников, освобождение

захваченных территорий и ликвидацию «коричневой чумы», угрожавшей независимости многих государств и существованию многих народов. Цена Победы огромна. Десятки миллионов загубленных человеческих жизней, сотни тысяч разрушенных городов и других населенных пунктов, неисчислимые потери в экономике. Фашизм по-настоящему показал свое звериное лицо. Только наш народ оказался способен противостоять ему на фронтах Великой Отечественной, и, в конечном счете, в тяжелейших, жестоких и кровавых боях добился сокрушительной Победы над врагом [18, стр. 652].

Однако сейчас мы видим, как вирус фашистской идеологии вновь оживает и пытается набрать силу. Чем ближе день празднования, тем активнее и громче звучат голоса фальсификаторов истории – искажаются известные и очевидные факты, замалчиваются чудовищные преступления, предпринимаются попытки героизации нацистских преступников и их идеологов. Цель этой набирающей обороты лжи – умалить роль народов и стран, сражавшихся за освобождение Европы от страшного агрессора, а в перспективе – использовать поднимающий голову неонацизм для решения частных политических целей. И в какие бы крайности не впадали отдельные политики, заявляющие, что противостояние Запада и России может перейти в стадию «горячей» войны, мы отмечаем: Россия ни с кем воевать не собирается. Но ни у кого не должно быть сомнений в наших силах и решительности. [28] Все это требует от нас серьёзных усилий по отстаиванию и сохранению исторической правды, разъяснению молодым людям, непомнящим ужасов этой войны, значимость и смысл подвига тех, кто принес нашей стране Великую Победу!

Вот почему основным приоритетом работы ветеранской организации в 2019 году стала реализация задач, определённых Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2018 г. № 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» [1] и «Стратегией действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р [2]. При этом главное внимание уделялось усилению участия ветеранов в патриотическом воспитании курсантов и слушателей университета.

В ветеранской организации нашего университета состоит на учёте 23 участника Великой Отечественной войны, которые по мере своих сил принимают участие в патриотическом воспитании курсантов и личного состава университета. Среди них фронтовики: Герой Советского Союза полковник Ашик Михаил Владимирович, полковники Берчиков Владимир Алексеевич, Слепов Владимир Яковлевич, Анашин Алексей Андреевич, Демишева Нина Петровна; жители блокадного Ленинграда и труженики тыла: Веренинов Михаил

Николаевич, Гольдин Владимир Павлович, Гутман Людмила Фёдоровна, Дернова Доллорес Владимировна, Луцкин Валентин Викентьевич, Лабутин Анатолий Васильевич, Маркова Мария Георгиевна, Надсон Георгий Георгиевич, Пальчикова Доллорес Георгиевна, Панина Лариса Серафимовна, Фрей Николай Владимирович.

Совет ветеранов университета ставит своей целью сделать все возможное, чтобы подвиг старшего поколения не был забыт, чтобы молодые сотрудники правопорядка знали Героев, кавалеров государственных наград и почётных званий, всех тех, кто не жалея сил, здоровья и своих жизней защищал нашу Родину, создавал оборонительный щит страны, самоотверженно трудился на благо Отечества. Каждый номер газеты «На страже закона» рассказывает о ветеранах университета, передающих свои знания, умения и навыки, человеческое тепло и частичку своего сердца делу обучения и воспитания подрастающего поколения. А очерки о ветеранах университета В.А. Берчикове и Г.Г. Надсоне, открывающий серию о ветеранах Великой Отечественной войны, жителях блокадного Ленинграда, тружениках тыла, почётных сотрудниках органов внутренних дел, опубликованы в майском и июльском номерах журнала «Ветеран МВД России».

Ветераны университета окружены заботой и вниманием со стороны Совета ветеранов и руководства университета, молодых сотрудников правопорядка. Ветеранов посещают по месту жительства, оказывают посильную помощь, поздравляют с праздничными датами, вручают подарки, как знак внимания, и признательности. Каждый ветеран университета в день своего рождения получает теплые слова поздравлений и добрые пожелания в свой адрес.

Особое внимание уделяется воспитанию патриотизма, нравственного здоровья молодых сотрудников правопорядка. Наряду с уже ставшими традиционными мероприятиями, в дни празднования Великой Победы, интересен опыт проведения акции «Маршрут памяти». Предложение Совета ветеранов посетить места фронтовой юности ветеранов войны, нашло живой отклик у руководства университета и личного состава. Так, 9 мая, после завершения Парада Победы на Дворцовой площади ветераны Великой Отечественной войны В.Я. Слепов, В.А. Берчиков, председатель Совета ветеранов

университета В.А. Баринов, руководство университета во главе с генерал-майором полиции А.В. Травниковым и его заместителями, прошли по местам обороны города Ленинграда, где 78 лет назад мужественно сражались 18-летние мальчишки, отстаивая свободу и независимость нашей Родины! Почтив память погибших минутой молчания, ветераны делились воспоминаниями о днях и месяцах обороны родного города. В душевном единстве с юноармейцами военно-патриотического отряда, жителями поселка, ветераны возложили венки и цветы к Триумфальной арке Победы в Красном Селе и мемориалу воинам-ополченцам 270 отдельного пулемётно-артиллерийского батальона в дер. Романовка. А также под гимн России подняли Знамя Победы на флагшток возле дота в дер. М. Верево. В дни празднования Великой Победы и Героев Отечества Совет ветеранов, курсанты, представители личного состава, во главе с начальником университета поздравили Героя Советского Союза ветерана Великой Отечественной войны М.В. Ашика, подвиги которого нашли отражение в книге «Жизнь и победа Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика: Страницы биографии», подготовленной к изданию В.А. Семеновым [13]. Данная книга в 2017 году была удостоена специального приза и премии МВД России.

Как символ преемственности поколений в торжественной обстановке ветераны Великой Отечественной войны вместе с руководством университета напутствовали парадные расчёты курсантов, наполняя сердца молодых сотрудников правопорядка уважением и благодарностью, гордостью за Великую Победу, за народ, за великую страну. В память о незабываемом событии в жизни каждого участника парада, курсантам были вручены нагрудные знаки «Участник Парада Победы 2019 года». Особенно ценно для ветеранов, участие в международном общественном гражданско-патриотическом движении «Бессмертный полк». Из встреч с молодежью ветераны черпают жизненную энергию, понимание значимости свершённых ими дел, что очень важно для эмоционального и физического самочувствия.

В целях сохранения памяти о Великой Отечественной войне и воинском подвиге защитников Отечества, развития интереса у молодого поколения к истории своей Родины

через историю своей семьи, воспитания, бережного отношения к сохранению исторического наследия, вовлечения в активные формы гражданского и патриотического воспитания, развития и стимулирования поисковых, исследовательских и творческих способностей под руководством Совета ветеранов в университете ежегодно проводятся: военно-патриотический конкурс «Я люблю тебя, Россия, славное Отечество моё!», смотр-конкурс компьютерных презентаций «Мы помним! Мы гордимся Вами!». Советом ветеранов оказана методическая помощь Совету курсантов и слушателей университета в разработке Положения о проведении акции «История Великой Отечественной войны глазами её участников». Здесь мы продолжаем славные традиции, заложенные основателем и первым начальником университета, генерал-лейтенантом милиции, профессором В.П. Сальниковым, который на заре создания Санкт-Петербургского университета МВД России организовал издание сборника воспоминаний участников Великой Отечественной войны «Первый и последний день войны» [26].

Значимым для ветеранской организации стало содействие в проведении V Военно-спортивных сборов «Наследники Победы». Выступая на открытии сборов, вслед за начальником ДГСК МВД России генерал-лейтенантом внутренней службы В.Л. Кубышко, председатель Совета ветеранов генерал-майор милиции Н.Н. Силкин, пожелал участникам – высоких достижений, радости общения. Каждый день участники сборов ощущали внимание и поддержку ветеранов. Оценивая работы в смотре-конкурсе стенной печати «Я люблю тебя, мой родной край!», выступления в спартакиаде, конкурсе художественной самодеятельности, «Визитной карточке» и других не менее интересных мероприятиях ветераны дарили воспитанникам суворовских училищ, особый душевный подъём, чувство гордости и уверенности в собственных силах, осознание единства помыслов и дел. Вместе с суворовцами ветераны участвовали в полевом выходе и на маршруте движения у мемориального комплекса «Невский пятачок» возложили цветы к памятнику «Рубежный камень», приняли участие в торжественно-траурной церемонии захоронения останков воина, погибшего в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., найденных при участии поискового

отряда «Урицк» Санкт-Петербургского университета МВД России. Принимали активное участие в проведении уроков мужества, в торжественно-траурной церемонии возложения цветов к подножию монумента Матери-Родины на Пискаревском мемориальном кладбище. Вместе с Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции В.А. Колокольцевым, выпускником нашего вуза, участвовали в подведении итогов, в торжественном награждении победителей и участников военно-спортивных сборов.

Память о мужестве и самоотверженности героев, плечом к плечу сражавшихся в битве под Москвой, воевавших за Ленинград и на Курской дуге, освобождавших Европу, штурмовавших Берлин, вдохновляет нас на новые свершения! Этому способствует развернутая в холле центральной библиотеки университета постоянно действующая выставка портретов и описаний боевого пути ветеранов университета, многих из которых уже нет на земле (профессоры Я.М. Бельсон, А.В. Зиновьев, Л.А. Николаева, И.Ф. Покровский, В.И. Рохлин, А.Т. Скилягин, В.Д. Сорокин, И.Е. Тарханов, Я.Я. Юрченко и другие труженики войны).

Наш общий долг – помнить, какой ценой была завоевана Победа, воспитывать у новых поколений бережное отношение к ее наследию. По инициативе Совета ветеранов и научного общества курсантов и слушателей было создано военно-историческое общество университета, задачей которого стало вовлечение молодежи в деятельность направленную на воспитание у молодого поколения уважения и гордости к истории государства и университета; углубленное изучение истории Великой Отечественной войны, органов правопорядка России; увековечивание памяти о ветеранах; проведение мероприятий, способствующих формированию патриотизма и чувства ответственности за судьбу страны. С их непосредственным участием собраны и обобщены материалы обо всех участниках Великой Отечественной войны, на основе данной информации: размещены на сайте университета биографии ветеранов, с описанием совершенных подвигов, изготовлен 21 плакат, размещенных в помещении фундаментальной библиотеки, издан памятный альбом о боевом и жизненном пути участников Великой Отечественной войны.

По ходатайству Совета ветеранов в Книгу

Почёта университета занесены имена участников войны М.В. Ашика, В.А. Берчикова, В.Я. Слепова, М.Г. Марковой и Г.Г. Надсона.

Вот уже 9 лет парадные расчеты университета принимают участие в Парадах Победы на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге, а многие слушатели в прохождении Бессмертного полка по Невскому проспекту. Курсанты и слушатели приняли активное участие в сборе материалов о своих родных и близких и в ближайшее время будет издана книга «Помнить всех поименно». На сайте университета размещены биографии с описанием боевого пути всех наших участников Великой Отечественной войны.

Большой научный потенциал ветеранской организации позволяет активно участвовать в подготовке и издании книг по военно-патриотической тематике, по профилю вуза. На протяжении многих лет идёт сбор материалов и воспоминаний участников Великой Отечественной войны, публикуются статьи, выходят книги. К настоящему времени опубликовано более 30 книг. Так к 70-летию Победы ветеранами изданы: книга В.А.Семенова «Жизнь и Победа. Страницы биографии Героя Советского Союза Ашика Михаила Владимировича» [31]; книги Б.П. Белозерова и В.П. Сидоренко «Ленинград город-фронт. К 70-летию Ленинградской битвы» [21] и «Войска и органы НКВД СССР в Ленинградской битве» [7]; книги 95-летнего ветерана войны В.Я. Слепова «Судьбой дарованные встречи», «Танковые костры у Балатона»; книга участника Великой Отечественной войны П.М. Янколовича и Г.Н. Голядкина «Филумения Великой Отечественной» [41]. А второе, дополненное издание книги Почётного ветерана университета Героя Советского Союза М.В. Ашика «83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты 1941-1945 гг.» [5] решением Законодательного собрания Санкт-Петербурга удостоена медали и специального приза литературной премии имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

Советом ветеранов издан памятный альбом «Солдатами Победы гордится университет» о боевом и жизненном пути участников Великой Отечественной войны [35]. Многие из них внесли значительный вклад в становление и развитие первого университета МВД России

создании научных школ и воспитание многочисленной плеяды молодых ученых. Многие из них не дожили до 75-го юбилея Великой Победы, но светлая память о их ратном подвиге живет в сердцах ветеранов университета и среди них:

БЕЛЬСОН ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ родился 30 ноября 1921 г. в Петрограде. После окончания школы ушел добровольцем на советско-финскую войну 1939-940 гг. После контузии – госпиталь, и снова на фронт, но уже Великой Отечественной войны, с июня 1941 г. Яков Михайлович в действующей армии. В ночь с 21 на 22 февраля 1943 г. старший лейтенант Бельсон Я.М. командуя 2 отдельным батальоном 51 отдельной бригады под сильным пулеметным огнем противника личным примером поднял в решительную атаку бойцов первой роты, в результате которой были разгромлены две роты немцев, убито 90 солдат и офицеров. Будучи раненным в ногу не покинул поле боя и продолжал руководить наступлением, пока батальон не достиг успеха, продвинувшись на 1,5 км. За этот подвиг он был награжден орденом Александра Невского. В январе 1945 г. во время тяжелых боев в Восточной Пруссии получил тяжелое ранение и лишился обеих ног. Службу закончил в 1945 г. в звании майора и на должности начальника разведотдела 61 армии 1-го Белорусского фронта.

Кавалер орденов Александра Невского, Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды. Награжден многими медалями.

В 1947 г. с отличием окончил Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина. Защитил кандидатскую (1950), а затем докторскую (1961) диссертации. Около 30 лет преподавал в учебных заведениях системы МВД, в том числе в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Автор более 100 научных и учебно-методических трудов, в том числе 8 монографий. Являлся одним из инициаторов вступления СССР в Интерпол. Его книги «Интерпол в борьбе с уголовной преступностью» (1989) и «Россия в Интерполе» (1995) широко известны российской и зарубежной научной общественности.

Доктор юридических наук. Профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации. Заслуженный работник МВД СССР. Умер 13 августа 1998 г.

Интересные сведения о боевой и творческой

деятельности профессора Бельсона содержатся в воспоминаниях его ученика, академика, генерал-лейтенанта милиции В.П. Сальникова, которые посвящены и другим участникам Великой Отечественной войны, в частности И.В. Покровскому, Л.А. Николаевой, В.Д. Сорокину и др. [27].

НИКОЛАЕВА ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА родилась 24 декабря 1923 г. в городе Пскове. С первых дней войны работала на оборонном заводе «Радист» в блокадном Ленинграде. В феврале 1942 г. была призвана в действующую армию и направлена в Архангельск. Служила сотрудником военной цензуры в отделе контрразведки «СМЕРШ» Беломорской военной флотилии. Награждена орденом Отечественной войны II степени, 10 медалями, в числе которых медаль Жукова.

После окончания Великой Отечественной войны она поступила в юридический институт имени М.И. Калинина, который блестяще закончила в 1947 г. В 1952-1968 гг. – заместитель декана юридического факультета Ленинградского государственного университета. Принимала участие в создании на юридическом факультете ЛГУ лаборатории проблем прокурорского надзора и укрепления законности, являлась ее бессменным руководителем с 1967 по 1977 гг. Затем – профессор кафедры государственного права юридического факультета ЛГУ, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России. С 1963 г. по 1990 г. – член координационного бюро Всесоюзного НИИ прокуратуры СССР и член методического совета прокуратуры РСФСР. С 1987 г. по 1992 г. – консультант Ленинградского городского Совета народных депутатов и член экспертной группы Леноблсовета. С 1997 г. по 1999 г. являлась членом Экспертного совета Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по безопасности и помощником председателя подкомитета по информационной безопасности, с 1989 г. являлась членом Союза юристов СССР. В 2001 – 2004 гг. – член комиссии при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном Федеральном округе по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов

Российской Федерации. Член Общественной палаты при губернаторе Санкт-Петербурга. С 2004 г. – сопредседатель (вместе с профессором В.П. Сальниковым) Совета по правовым вопросам при Правительстве Санкт-Петербурга. Доктор юридических наук. Профессор. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Умерла 21 декабря 2005 г.

РОХЛИН ВИКТОР ИВАНОВИЧ родился 27 июня 1926 г. в Ленинграде. В декабре 1943 г. гвардии рядовой Рохлин В.И. в действующей армии, радист 26 артиллерийского полка 17 гвардейской Духовщинской Краснознаменной стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта. Принимал участие в боевых действиях, имеет ранение. Кавалер орденов Отечественной войны I ст. и Славы III ст., награжден 15 медалями. В 1950 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, по окончании которого был направлен следователем прокуратуры в Палкинский район Псковской области. В 1952-1961 гг. – районный прокурор в Псковской области. В 1961-1974 гг. – начальник следственного отдела прокуратуры Псковской области. С 1974 г. – старший преподаватель, а затем заведующий кафедрой прокурорского надзора Института усовершенствования следственных работников Прокуратуры СССР. В 1995 г. создал в том же Институте и возглавил кафедру прокурорского надзора и уголовного процесса. С 1996 г. профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России. Автор более 230 научных и учебно-методических трудов, в том числе 5 учебников, 39 учебных пособий и 12 монографий. Член диссертационных советов Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Санкт-Петербургского университета МВД России. Под его научным руководством подготовлено 19 кандидатов наук и 3 доктора наук [15; 16; 17].

В 2001 г. награжден дипломом «Золотая книга Санкт-Петербурга» за большие заслуги в области образования и огромный личный вклад в становление и развитие передового учебного заведения – Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры

Российской Федерации. Доктор юридических наук. Профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации. Почетный работник прокуратуры СССР. Академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Умер 18 июня 2014 г.

СКИЛЯГИН АЛЕКСЕЙ ТРОФИМОВИЧ родился 27 августа 1927 г. в п. Алексеевка Павлодарской области. В августе 1944 г. призван в армию и направлен в Харьковское авиационное училище. У Алексея была только одна мечта – выучиться быстрее летать – и на фронт. Но стремительно наступала наша армия, и в мае 1945 г., когда пришла долгожданная Победа, он только пробовал свои «крылья». В 1946 г. был направлен в Дальневосточный военный округ пилотом штурмовика Пе-2. Затем младший лейтенант Скилягин А.Т. переводится в Ленинградский военный округ, где служит в полку штурмовой и бомбардировочной авиации в экипаже Героя Советского Союза Петра Андреевича Пилотова. Он летал на Пе-2, ЛИ-2, СБ, Р-5 и других машинах, дважды попадал в аварийные ситуации, горел, разбивался, лежал в госпитале с серьезными травмами. В 1947 г. уволился с военной службы, поступил в ЛГУ им. А.А. Жданова на исторический факультет, который закончил за 4 года экстерном. Продолжив обучение в аспирантуре, защитил диссертацию, став кандидатом исторических наук. С 1961 г. направлен на службу в органы внутренних дел в систему исправительно-трудовых учреждений г. Ленинграда. В 1968 г. он переходит на преподавательскую работу в Высшие учебные заведения МВД, где одним из первых разрабатывает спецкурс учебной программы по истории милиции и внутренних войск. Был куратором 2-го батальона 1976 г. выпуска, где учились будущие генералы милиции В.Я. Кикоть, Л.Т. Бородавко, А.А. Роганов. В 1969 г. Алексей Трофимович публикует книгу «Дела и люди Ленинградской милиции», а затем в составе редакционной группы под руководством министра внутренних дел Щелокова Н.А. собрал архивные материалы, по которым издается 3-х томный труд «История милиции СССР». С 1979 по 1992 гг. был бессменным заместителем начальника Ленинградского отделения МФЮЗО при Академии МВД СССР. Выйдя в отставку, продолжил педагогическую деятельность профессором кафедры социально-экономических

дисциплин и возглавил ветеранскую организацию Высшей школы МВД СССР, передавая свой богатый опыт курсантам и слушателям. Неуемная энергия полковника милиции Скилягина А.Т. нашла свое воплощение в создании музея Краснознаменной Ленинградской милиции, который был спроектирован, оборудован и наполнен экспонатами под его руководством. Алексей Трофимович – Заслуженный работник МВД СССР, награждён орденом «Отечественной войны» II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также многими ведомственными, юбилейными и памятными наградами. Умер 22 апреля 2015 г.

СОРОКИН ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ родился 2 марта 1924 г. в деревне Березняки Калачеевского района Воронежской области. С июля 1942 г. в составе 740-го зенитного артиллерийского полка принимал участие в военных действиях на Кавказе и Кубани, в Яско-Кишиневской операции, освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими. В 1950 г. окончил Ленинградский юридический институт им. М.И. Калинина; в 1953 г. – аспирантуру того же вуза. В 1953-1976 гг. – работал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета, пройдя путь от ассистента до профессора. В 1976-1989 гг. – проректор Ленинградской высшей партийной школы. С 1979 г. более 10 лет возглавлял Ленинградское отделение ассоциации советских юристов. В 1989-1991 гг. – профессор Политологического института. В 1991-1992 гг. – эксперт-консультант Юридического комитета Мэрии Санкт-Петербурга. В 1992-1997 гг. – профессор Санкт-Петербургской высшей школы милиции МВД России. В 1997 г. – профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России. Автор около 150 научных и учебно-методических трудов. Широко известен российской и зарубежной научной общественности как основоположник концепции «управленческой» природы административного процесса, а

также своими разработками в области материального и процессуального административного права и общей теории права [36]. Кавалер ордена Знак Почёта, награжден медалью ордена За заслуги перед Отечеством II степени. Доктор юридических наук. Профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Умер 6 апреля 2006 г.

ЮРЧЕНКО ЯКОВ ЯКОВЛЕВИЧ родился 17 апреля 1922 г. в селе Довгаливка Миргородского района Полтавской области. В Службу в Красной Армии начал с ноября 1940 г. фельдшером 1-го отдельного стрелкового батальона 136 отдельной стрелковой бригады. Участник Ржевской битвы. 5 апреля 1942 г. младший политрук Юрченко Я.Я., будучи контужен, остался в строю. 6 апреля командир и комиссар батальона были убиты, выбыли из строя командиры и политруки рот, Юрченко по собственной инициативе стал комиссаром батальона. С 9 по 25 апреля 1942 г. в трудных условиях руководил боевыми действиями батальона. За инициативу, самообладание, мужество и стойкость награжден орденом «Красной Звезды». В составе 3-го Белорусского фронта штурмовал Кенигсберг. Войну закончил на Дальнем Востоке помощником начальника политотдела 68-й армии по комсомольской работе в звании майора. Кавалер двух орденов Красной Звезды, орденов Отечественной войны I и II степеней. Награждён медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и др. В 1951 г. окончил Военно-педагогический институт им. М.И. Калинина, а в 1954 г. – адъюнктуру. В 1940-1956 гг. служил на должностях секретаря комсомольской организации батальона, комиссара батальона, заместителя начальника штаба бригады, старшего инструктора политотдела армии. Работал старшим преподавателем Ростовского педагогического института и доцентом Ленинградского общевойскового командного училища. В 1965-1981 гг. преподавал педагогику в Военно-медицинской академии и Военно-инженерной академии им. А.Ф. Можайского. Затем последовательно заведовал кафедрами педагогики и психологии в Институте культуры им. Н.К. Крупской, Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена, Украинском республиканском институте профтехобразования. Работал в должности профессора в

Ленинградском высшем военно-инженерном училище им. генерала армии А.Н. Комаровского. В 1997 г. профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского университета МВД России.

Автор более 150 научных и учебно-методических трудов. Доктор педагогических наук. Профессор. Академик Международной академии акмеологических наук. Член диссертационных советов Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербургского государственного университета, Высшего военного-морского училища им. М.В. Фрунзе. Умер 12 июня 2011 г.

С каждым годом все дальше в прошлое уходят события Великой Отечественной войны, все меньше остается свидетелей тех страшных дней, ветеранов, вынесших на своих плечах непомерную тяжесть фронтовых будней, нечеловеческое напряжение сил в блокадном Ленинграде, приближал долгожданную Победу, работая на заводах и железных дорогах [4; 8; 9; 11; 12; 14; 19; 20; 22; 23; 24; 25; 29; 30; 32; 34; 37; 38; 39; 40].

Священный долг современников перед ветеранами войны – не забывать о подвигах, которые они совершили, иметь полное представление о трагических и героических страницах Великой

Отечественной войны. Не случайно в библиотеках университета постоянно готовятся и обновляются выставки литературы о Великой Отечественной войне, с обращением внимания на издания ученых Санкт-Петербургского университета МВД России.

Мы навсегда останемся в неоплатном долгу перед героями Великой Отечественной войны. Исключительным мужеством, патриотизмом и самоотверженностью они заслужили вечную память в наших сердцах. Победа была завоевана не только силой оружия, но единством воли народов, их решимостью сражаться за свободу и независимость Родины [3] В канун этого священного праздника мы отдаем дань глубокого уважения нашим отцам и дедам, спасшим весь мир от фашизма, их высочайшему патриотизму и нестигаемой воле, низко склоняем головы перед воинами-освободителями и тружениками тыла, скорбим о безмерных жертвах войны.

И поэтому невозможно умалить ни славу российских воинов, снискавших уважение современников и благодарную память потомков; ни дни славных побед, сыгравших решительную роль в российской истории.

Наша армия и флот, силовые структуры располагают всем необходимым, чтобы дать отпор любому агрессору, терроризму и экстремизму.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2018 г. № 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43034>
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения» // <http://government.ru/docs/21692/>
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 г.» от 24.01.2015 г. // <https://s06004.edu35.ru/10-news/2218-partioticheskoe-vozpitanie-grazhdan>
4. Алексеенков А.Е. Ленинградская милиция на страже общественного порядка в период обороны города // Вопросы политической работы в органах внутренних дел в современных условиях: Сб. науч. трудов. – Л.: Высшее политическое училище МВД СССР, 1985. – 143 с.
5. Ашик М.В. 83-я отдельная Новороссийско-Дунайская дважды Краснознаменная ордена Суворова бригада морской пехоты. 1941-1945 гг. – СПб., 2015. – 411 с.
6. Бастрыкин А.И. Следствие и уголовный розыск в годы Великой Отечественной войны: Лекция. – СПб., 2019. – 31 с.
7. Белозеров Б.П., Сидоренко В.П. Войска и органы НКВД СССР в Ленинградской битве. – СПб.: Полторак, 2014. – 264 с
8. Биленко С.В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. – М.: ВШ МООП СССР, 1967. – 79 с.
9. Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер.

- науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976.
10. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2-х томах. Т. 1 – М.: Воениздат, 1987.
 11. Говоров И.В. Проверочно-фильтрационные органы в системе НКВД 1944-1946 гг. (по материалам Ленинградской области) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 474-495. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 12. Ефремов Н.В. Транспортная милиция Ленинграда в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 164-169.
 13. Жизнь и победа Героя Советского Союза Михаила Владимировича Ашика: Страницы биографии / Сост. В.А. Семенов. – СПб.: б.и., 2016. – 275 с.
 14. Журавлев М.И., Коваль И.Я. Очерки об участии органов НКВД и милиции Москвы и Московской области в битве за столицу (июнь 1941 – январь 1942). – М.: Академия МВД СССР, 1975. – 86 с., 8 л. фотогр.
 15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Памяти профессора Виктора Ивановича Рохлина (1926-2014) // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 198-200.
 16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Памяти профессора Виктора Ивановича Рохлина (1926-2014) // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 163-164.
 17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Памяти профессора Виктора Ивановича Рохлина (1926-2014) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 168-169.
 18. История Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 6 т. / Ред. комис. П.Н. Поспелов (пред.) и др. – М.: Воениздат, 1965. – 619 с., 60 л. ил.
 19. Комсорги Ленинградского фронта. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, очерки и статьи о комсортах Ленинградского фронта и наследниках их боевой славы / Сост. В.А. Семенов, В.И. Черноглазов; научные консультанты: М.В. Ашик, В.П. Сальников, Г.Д. Фоменко, Н.Н. Силкин, В.Б. Федоров, А.П. Иванов. – СПб.: Северная звезда; М.: Вече, 2020. – 464 с.; ил.
 20. Курицын В.М., Литвинова Г.И. Укрепление Советского единого многонационального государства в годы Великой Отечественной войны // Проблемы государства и права. – М., 1975.
 21. Ленинград. Город-фронт. К 70-летию Ленинградской битвы: Сборник / Ком. по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга, Межрегиональная общественная орг. «Акад. военно-ист. наук»; сост. и отв. ред. Б.П. Белозеров, В.П. Сидоренко. – СПб.: РИАЛ-ПРОНТО, 2014. – 302 с.: ил., портр., табл.
 22. Ленинградская милиция в годы войны 1941-1945 гг. Ощущение времени». Том 1 / Изд. 2-е, доп. и перераб. – СПб.: Коста, 2020. – 616 с., ил.
 23. Ленинградская милиция в годы войны 1941-1945 гг. Ощущение времени». Том 2 / Изд. 2-е, доп. и перераб. – СПб.: Коста, 2020. – 680 с., ил.
 24. Мессер Р. Милиция осажденного города. – Л.: Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1945. – 72 с.
 25. Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 427-439. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
 26. Первый и последний день войны: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны / Составитель и редактор И.Д. Ходанович. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 116 с.
 27. Сальников В.П. Делать людям добро: профессору Ивану Федоровичу Покровскому исполняется 92 года. Художественно-документальное эссе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 16-73.
 28. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
 29. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
 30. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
 31. Семенов В. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Михаил Владимирович Ашик. Страницы биографии. – СПб.: Петроцентр, 2015. – 192 с. – Серия книг «Писатели о войне», посвященная 70-летию Победы.
 32. Сидоренко В.П. Войска и органы НКВД на страже безопасности тыла Северо-Кавказского региона в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 440-473. – (Серия: «МВД России 200 лет»).

33. Симонов В.П. Живые и мертвые – М., 1989.
34. Скилягин А., Лесов В., Пименов Ю., Савченко И. Дела и люди ленинградской милиции. Очерки истории. – Л.: Лениздат, 1967. – 375 с.
35. Солдатами Победы гордится университет / Под общ. ред. В.А. Кудина. – СПб.: Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015. – 40 с.
36. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 661 с.
37. Тимченко А.П. Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1981.
38. Уголовный розыск Южного Урала. Годы, события, люди. 1918–2003: Сборник. – Челябинск: ГУВД Челябинской области, 2003. – 317, [2] с., [24] л. ил., портр. : ил.
39. Филатов В.П. Ленинградская милиция в период обороны города. – Л.: ВШ МВД СССР, 1965. – 55 с.
40. Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект). – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 203 с.
41. Янколович П.М., Голядкин Г.Н. Филумения Великой Отечественной. – СПб., 2015. – 484 с.

КЛЮЧНИКОВ Денис Дмитриевич,
переводчик, ООО «Русгидроснаб» (г. Нижний
Новгород, Россия)
E-mail: Klyuchnikov.denis@inbox.ru

Специальность 23.00.02 – Политические инсти-
туты, процессы и технологии

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

***Аннотация.** Проанализированы проблемы касающиеся роли социальных медиа в процессе решения политических ситуаций. Приводятся конкретные примеры использования социальных сетей в политических процессах.*

***Ключевые слова:** социальные медиа; политические проблемы; общечеловеческие ценности; государственная власть.*

KLYUCHNIKOV D.D.

SOCIAL MEDIA IN SOLVING CURRENT POLITICAL PROBLEMS

***The summary.** In this article the author discusses some issues related to the influence of social media on political processes in modern society. The author identifies some examples of the use of social networks in political processes.*

***Key words:** social media, political problems; human values; government.*

Сегодня важную роль в решении политических вопросов играют социальные медиа. Однако в науке ещё нет единого подхода к пониманию термина «социальные медиа». Вслед за Д. Мёрти, предлагаем под «социальными медиа» понимать множество относительно недорогих и широко доступных электронных инструментов, позволяющих любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми» [17, р. 7-8].

К социальным медиа можно отнести социальные сети (Facebook.com, VKontakte.ru), деловые онлайн-коммуникации (LinkedIn.com), блоги (Livejournal.com), социальные закладки (Delicious.com), видеохостинги (YouTube.com), виртуальную реальность (Secondlife.com), фотохостинги (Flickr.com) и др.

Политический контент социальных медиа развивается быстрыми темпами. Политики и общественные деятели на своих страницах интернет-ресурсов формулируют позицию касательно какого-либо вопроса, ведут диалоги с

пользователями сетей. Посредством инструментов социальных медиа они могут оказывать влияние на формирование политического сознания и предпочтений людей. При помощи социальных медиа политики могут популяризировать свои идеи относительно решения какой-либо политической проблемы. К примеру, для оппозиционеров очень важно донести до пользователей сети определенные ценности, чтобы заручиться поддержкой огромного количества единомышленников. Как известно, сегодня наблюдается экспансия западных ценностей в российскую почву. России зачастую навязываются те ценности, которые далеко не всеми россиянами воспринимаются как должные. В литературе наблюдается активная дискуссия по данной проблеме [1; 2; 3; 4; 8; 9; 12; 13; 14; 15]. В этой дискуссии зачастую могут участвовать и социальные медиа.

Очень часто социальные медиа выступают в качестве удобной платформы для проведения информационных войн с помощью размещения

компрометирующего материала того или иного политика или партии. Например, Алексей Навальный в публикациях в различных социальных сетях аккумулирует реальные и мнимые свидетельства нарушений российского законодательства, совершаемых чиновниками. Например, в социальной сети «ВКонтакте» существует группа «Против Путина и Единой России», где публикуются разные материалы неясной степени достоверности, которые, тем не менее, способны оказать огромное информационно-пропагандистское влияние на мировоззрение интернет-аудитории с целью дискредитации правящей партии и ее лидера В.В. Путина. В данном случае социальные медиа используются в интересах оппозиции официальной государственной власти и вероятнее всего должны властью отслеживаться.

Политики активно используют возможности социальных медиа в период предвыборной агитационной кампании, организуя процесс виртуального общения с избирателями. Очень часто лидеры политических партий общаются друг с другом. Многие политики создают специальные агитационные группы в социальных сетях. Предвыборная агитация, как правило, распространяется с помощью чатов, блогов, форумов и т.д.

Таким образом, социальные медиа для политиков являются виртуальным пространством, в котором у них имеется возможность манипулировать потоком информации в нужных им направлениях. Социальные медиа являются современным ресурсом и технологией влияния, завоевания доверия и общественной поддержки, политического участия и политической борьбы.

Важным аспектом является тот факт, что социальные медиа могут выступать инструментом объединения группы людей для обсуждения и решения каких-либо политических вопросов. В качестве примера можно привести отражение событий, происходивших в г. Хабаровске в июле 2020 г., связанных с арестом губернатора Хабаровского края Сергея Фургала. Огромное количество людей создали в социальных медиа контент с призывом к проведению митингов в поддержку политика. Видео, фотографии, сообщения о демонстрациях активно распространялись в сети с призывом выйти на улицы более многочисленной и сплоченной группой. Таким образом, объединившись через сообщения в

социальных сетях, люди организовали многотысячные и многодневные политические манифестации. Участники демонстраций также в интернет-сетях публиковали видео с песнями, стихотворениями в поддержку Сергея Фургала.

По результатам исследований Mediascope, наибольшее количество упоминаний про задержание С. Фургала и акций протеста в его поддержку были выявлены в социальной сети «Одноклассники» [18]. Также стоит отметить, что «вирусные» видео в поддержку Фургала собрали многомиллионные просмотры в молодежной развлекательной социальной сети TikTok. Большое распространение в социальных сетях получили видео с фрагментами выступлений бывшего губернатора на совещаниях с чиновниками различного уровня, на которых Сергей Фургал выражал недовольство их деятельностью.

В целом, можно отметить тот факт, что непосредственно в интернет-сети Хабаровского края отсутствовало противостояние интересов сторонников и противников Сергея Фургала. Наблюдалась четкая консолидация аудитории с положительным отношением к экс-губернатору, которая стала олицетворять протест против неуважения к выбору людей и общего недовольства властными структурами. В качестве объекта агрессии пользователей выступили чиновники-коррупционеры. Данное положение дел свидетельствует о достаточно серьезном и прочном изменении массового сознания жителей г. Хабаровска.

Приходится констатировать, что XXI век выступает ярким представителем информационных технологий. В одной из своих статей профессора С.И. Захарцев и В.П. Сальников обращают внимание на то, что сегодня принципиально изменилась доступность информации и ее распространение, значительно усовершенствовались средства перемещения информации. С учетом новых информационных технологий жизнь человека и общества стала прозрачна, что характеризуется как положительным, так и отрицательным аспектами [5; 6; 11; 16]. В частности, С.И. Захарцев и В.П. Сальников пишут: «В 2020 г. закончится пятая часть XXI века. Века, который многими исследователями – филологами, историками, юристами, физиками, математиками и др. – уже назван веком информационных технологий». Человек стал получать

значительно больше информации, чем ранее [7, стр. 9].

В заключение отметим, что современные социальные медиа становятся очень популярным инструментом в решении политических проблем не только потому, что представляют собой удобное программное средство для

коммуникации, но по причине того, что дают возможность для социального объединения пользователей, благодаря чему социальные медиа являются одним из важных социальных институтов, оказывающим влияние на политические процессы и приводящим к серьезным общественным изменениям.

Список литературы

1. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
2. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
3. Ананских И.А., Силантьева В.А., Кулева М. Трансформация традиционных семейных ценностей как угроза национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 40-46.
4. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и справедливосудия // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 9-15.
8. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
9. Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С. Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96-100.
10. Пипченко Н.А. Социальные медиа в современных политических процессах // Сравнительная политика. – 2019. – № 4 (16-17). – С. 60-62.
11. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
12. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
13. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
14. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
15. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
16. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
17. Murthy D. Twitter: Social Communication in the Twitter Age. – Cambridge, 2018. – 343 p.
18. <https://mediascope.net/> (Официальный сайт Mediascope)

РОЖКОВ Антон Алексеевич,
начальник кафедры юридической психологии
Санкт-Петербургского университета МВД
России, кандидат педагогических наук, доцент,
полковник полиции. (г. Санкт-Петербург, Россия)

ДЗЬОНИК Денис Витальевич,
доцент кафедры юридической психологии Санкт-
Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, полковник полиции
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: ddenv@mail.ru

Специальность 19.00.06 – Юридическая психология

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОРГАНИЗАЦИИ, РАЗДЕЛЯЮЩИЕ ИДЕОЛОГИЮ АУЕ

***Аннотация.** Рассмотрена проблема вовлечения несовершеннолетних в запрещенную в Российской Федерации организацию, разделяющую идеологию «АУЕ». Распространение данной идеологии на территории России идет в разрез с Государственной молодежной политикой и является очень чувствительной социальной проблемой. Авторы описывают историю возникновения и причины распространения идеологии «АУЕ», структуру организации «АУЕ», ее распространенность, а также предлагают использовать «вытесняющий» подход в профилактической работе с деструктивными молодежными движениями.*

***Ключевые слова:** «АУЕ»; криминальная субкультура; преступные группы несовершеннолетних; социально опасная идеология; профилактика вовлечения несовершеннолетних в преступные группы.*

**ROZHKOV A.A.
DZIONIK D.V.**

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF INVOLVEMENT OF MINORS IN ORGANIZATIONS THAT SHARE THE IDEOLOGY OF AUE

***The summary.** The article deals with the problem of involving minors in an organization banned in the Russian Federation that shares the ideology of «AUE». The spread of this ideology on the territory of Russia goes against the state youth policy and is a very sensitive social problem. The authors describe the history of the emergence and reasons for the spread of the «AUE» ideology, the structure of the «AUE» organization, its prevalence, and also suggest using a «preemptive» approach in preventive work with destructive youth movements.*

***Key words:** «AUE»; criminal subculture; criminal groups of minors; socially dangerous ideology; prevention of involvement of minors in criminal groups.*

В настоящее время Россия сталкивается с различными видами внешних и внутренних угроз [3; 4; 5; 10; 12]. Отдельной социальной проблемой, требующей повышенного внимания со стороны государственной власти, является угроза, связанная с вовлечением несовершеннолетних в деятельность организаций, разделяющих криминальную идеологию «АУЕ». Данная проблема имеет массовый характер, к примеру в Забайкальском крае [16], хотя факты выявления присущи всем регионам России, в том числе Санкт-Петербургу [17].

Внимание к ней вписывается в общую проблематику изучения девиантного поведения, в первую очередь молодежи, и организации социального контроля в России, результаты которого являются предметом исследования применительно в том числе в XIX – XX вв. [1]. Важен здесь и опыт российской и зарубежной антикриминогенной ресоциализации [1], профилактики правонарушений в целом [11].

Организация «АУЕ» запрещена на территории Российской Федерации [18]. Ее идеологические наставники популяризируют преступный уклад жизни среди молодежи. Целевой аудиторией ее влияния являются по большей части учащиеся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций. Таким образом, криминализация молодежной среды и распространение в ней радикальных идей требует принятия дополнительных мер по противодействию деятельности «АУЕ» со стороны правоохранительных органов.

Идеология «АУЕ» зародилась в начале 1990-х годов на Дальнем Востоке. Ее создателями и наставниками были признаны «воры в законе», которые пропагандировали «преступную романтику», насилие в отношении сотрудников силовых структур, нигилизм, отрицание общественной морали и отвержение механизмов государственного управления.

Аббревиатура АУЕ расшифровывается как «арестантский уклад един» или «арестантское уголовное единство». Это довольно известный лозунг криминального мира и во времена его возникновения не предполагал призыва к насилию. Его использование было способом выражения уважения осужденных друг к другу при письменном обращении («Арестантам Уважения, Единства»). Со временем значение данной аббревиатуры

изменилось и использоваться как девиз криминальных молодежных преступных групп.

В средствах массовой информации, как правило в новостных ресурсах, имеется противоречивая и разрозненная информация о количестве лиц, вовлеченных в деятельность организаций, разделяющих идеологию «АУЕ», приводятся различные социальные характеристики данной организации: возраст активных ее участников (13-17 лет); структура организации, особенностью которой является отсутствие единого руководителя, наличие несколько лидеров, «смотрящих»; распространенность организации в различных населенных пунктах и в социальных сетях [19].

Членами «АУЕ» становятся, как правило, юноши старшего школьного возраста, которые под влиянием осужденных, освободившихся из мест лишения свободы, начинают придерживаться криминальной идеологии, а в последствии сами совершают преступления.

В новостных лентах в период с 2013 г. по 2020 г. содержатся упоминания о примерно двух десятках криминальных событий, связанных с идеологией «АУЕ». Среди них грабежи, разбои, массовые беспорядки, хулиганство, вандализм. Так, с влиянием деятельности «АУЕ» связывают беспорядки в 2013 г. в ПТУ № 6 г. Чита, в 2014 г. нападение на полицейский участок «Арахлейское», в 2015 г. попытку суицида в г. Улан-Удэ несовершеннолетнего, с которого регулярно старшие ребята требовали взносы в виде денег, в 2016 г. расправу родителями учеников школы № 17 поселка городского типа Новопавловска Забайкальского края над группой подростков, пытавшихся установить «воровские порядки», в 2016 г. попытки распространения криминальных традиций среди воспитанников кадетского училища в г. Усолье-Сибирское Иркутской области.

Проведенный нами анализ публикаций средств массовой информации и контента различных интернет-сайтов показал, что никаких официальных статистических данных, связанных с вовлечением несовершеннолетних в деятельность «АУЕ» и активностью данной организации не имеется, что свидетельствует о высокой степени латентности данного социального явления.

В целях профилактики вовлечения несовершеннолетних в криминальную деятельность организаций, разделяющих идеологию «АУЕ»,

следует разобраться в социально-психологических причинах появления у несовершеннолетних повышенного интереса к криминальной субкультуре.

По авторитетному мнению доктора психологических наук, профессора, Заслуженного работника МВД СССР В.Ф. Пирожкова криминальная субкультура была и будет привлекательной для несовершеннолетних по причине наличия в криминальной среде широких возможностей для самоутверждения за счет силы и появления возможности компенсировать пережитые неудачи; склонностью некоторых из подростков к риску и экстремальностью условий преступной деятельности; переживания ложного чувства романтики, таинственности и необычности; отсутствия каких-либо моральных ограничений; обретения в криминальной группе чувства защищенности [9, стр. 112].

Анализ научной литературы по исследованию психологических механизмов, обеспечивающих вовлечение несовершеннолетних в преступные организации, показал, что вовлечение построено на принципе эмоциональной привлекательности [7, стр. 160-165; 8, стр. 468-501; 13; 14; 15]. Внутренняя жизнь таких преступных организаций наполнена различными привлекательными ритуалами, среди которых можно выделить: «испытание и прием новичка», «отмечание успешного завершения преступления», «разборки и наказание виновных», «прием пищи». Также следует принять во внимание, что участие несовершеннолетних в сообществах, разделяющих «АУЕ» идеологию, является способом

повышения их социальных возможностей – в первую очередь повышения статуса в среде сверстников, а затем и получения ресурсов для конкуренции с ними. Принимая идеологию «АУЕ» несовершеннолетние получают аргументацию, позволяющую обесценивать значение образования и общественно-полезного труда, ставить на первый план удачу («фарт») и поддержку криминального сообщества («масти»).

Можно предполагать, что к идеологии «АУЕ» восприимчивы несовершеннолетние, чья самооценка снижена, а возможности ее повышения затруднены.

Следует признать, что противостоять привлекательности криминальной субкультуры достаточно сложно. Отметим, что ключевым подходом в профилактике распространения идеологии «АУЕ» должен являться «вытесняющий подход», который применяется в комплексе с установлением запрета деятельности организаций «АУЕ». Создание социально-направленных подростковых и молодежных объединений, с собственным уставом и символикой, системой рангов и достижений, позволит вытеснить существующие социально-нежелательные сообщества и группы. Обеспечение доступности членства в данных организациях для детей из семей с различным доходом, поддержка этих организаций со стороны муниципальных органов управления, региональных и федеральных органов власти повысит возможности противоборства российского общества с современными деструктивно-направленными сообществами криминального и экстремистского толка.

Список литературы

1. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
2. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степаши; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
3. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
4. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.

5. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
6. Злоказов К.В. Криминологическая характеристика и направления профилактики вандализма // *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: Материалы всероссийской научно-практической конференции*. Санкт-Петербург, 31 октября 2019 г. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – С. 146-149. – в кн. 488 с.
7. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
8. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Латышев О.М., Малинин В.Б., Майоров А.А., Милюков С.Ф., Мищенко А.А., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Д.В., Ростов К.Т., Сальников В.П., Скурту И.Г., Соболев И.А., Смирнов Л.Б., Снятков В.Н., Спиридонов Л.И., Старков О.В., Устинов В.С., Шестаков Д.А. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1998. – 576 с.
9. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. – М.: Ось-89, 2007. – 704 с.
10. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // *Правовое государство: теория и практика*. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
11. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // *Защита и безопасность*. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
12. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // *Мир политики и социологии*. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
13. Филиппов А.Р. Некоторые вопросы, связанные с уровневым подходом к исследованию преступности несовершеннолетних // *Юридическая наука: история и современность*. – 2016. – № 8. – С. 111-118.
14. Филиппов А.Р. Криминологические особенности анализа личности и поведения жертв насильственных преступлений, совершенных подростками, членами смешанных организованных преступных групп // *Правовое поле современной экономики*. – 2016. – № 4. – С. 143-150.
15. Филиппов А.Р. Насильственная преступность несовершеннолетних, входящих в состав смешанных организованных преступных групп, и противодействие ей: некоторые итоговые размышления // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 1. – С. 101-106.
16. <https://www.chita.ru/news/149902/>
17. <https://www.fontanka.ru/2018/08/27/121/>
18. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/17/836930-ekstremistskoi-aue>
19. <https://www.znak.com/2020-08-21/>

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,

профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого доктор юридических наук, (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mail@tretyakov.su

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.

Лекция

В результате изучения указанной темы обучающийся должен:

- **знать:** понятие, признаки преступления и их содержание;

- **уметь:** раскрывать социальный характер преступления, выявлять признаки содержащиеся в ст. 14 УК РФ и характеризующие деяние как преступление; отличать преступление от преступности;

- **владеть:** навыками юридической оценки и обоснования наличия либо отсутствия признаков преступления в конкретном деянии; навыками разграничения преступлений и неправомерных правонарушений по объекту посягательства, характеру и степени общественной опасности, виду противоправности.

Ключевые слова: преступление, деяние, активное действие, пассивное бездействие, криминализация, общественная опасность, противоправность (запрещенность), виновность, наказуемость, малозначительное деяние, умысел, мотив, цель.

TRETYAKOV I.L.

THE DOCTRINE OF CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LAW. LECTURE

As a result of studying this topic, the student must:

- **know:** the concept, signs of crime and their content;

- **be able to:** disclose the social nature of the crime, identify the signs contained in article 14 of the criminal code and characterize the act as a crime; to distinguish the crime from crime;

- **possess:** skills of legal assessment and justification of the presence or absence of signs of a crime in a particular act; the skills to distinguish between crimes and non-criminal offenses by the object of encroachment, the nature and degree of public danger, and the type of illegality.

Key words: crime, act, active action, passive inaction, criminalization, public danger, illegality (prohibition), guilt, punishability, insignificant act, intent, motive, purpose.

Введение

На протяжении тысячелетней истории многие выдающиеся мыслители пытались выработать максимально эффективные и доступные, по возможности универсальные, способы социального регулирования (особенно в рамках процесса криминализации – декриминализации), позволяющие противостоять всевозможным посягательствам на общественные интересы, ценности и т.д. [8]. Активность в этом направлении прослеживается и в наши дни, однако, ведущая роль государства в сфере охраны общественных отношений ни у кого не вызывает сомнений (к тому же это функция органов государственной власти прописана в законе). Государство определяет, что считать преступным деянием, а что – проступком, какое наказание применять к лицу, признанному виновным в совершении преступления. В этой связи вполне уместно привести слова великого русского философа Н.А. Бердяева: «Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад».

По мнению российских ученых, граждане страны должны быть уверены в том, что при установлении наказания за конкретное правонарушение, власть будет, во-первых, учитывать социальные потребности населения, характер общественных отношений, а во-вторых, исходить из четких и понятных критериев признания деяния преступлением [65]. Между тем, следует помнить, что современные представления о преступлении, принципы его правовой регламентации (в том числе признаки преступности деяния), критерии дифференциации преступлений сложились исторически, хотя и по сей день испытывают влияние социальных, экономических, политических факторов [46, стр. 4-5; 54, стр. 112-124; 87, стр. 141-161].

Несмотря на обилие научных работ, посвященных преступлению, сохраняется потребность в систематическом (в т.ч. и междисциплинарном) изучении этой базовой категории уголовного права, уточнении ее связей с институтами Общей и Особенной частей УК РФ, в контексте проводимой в стране уголовной политики [7; 20; 23; 30; 32; 45; 68; 69].

Понятие преступления в российском законодательстве

Понятие преступления дается в ч. 1 ст. 14 УК

РФ: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Из содержания статьи следует, что Закон определяет преступление, как деяние, запрещенное настоящим Кодексом в связи с его общественной опасностью, а также в связи с посягательством (или угрозой посягательства) на охраняемые уголовным законом объекты. Данное определение является формально-материальным, так как предусматривает одновременно и формальный нормативный признак (запрещенность), и материальный признак (общественную опасность) [1; 28, стр. 43-44; 84, стр. 4-21].

Преступление является одной из основных категорий уголовного права. Природа его социальна, так же как и природа преступности, хотя, следует помнить, что это разные понятия и вопрос об их соотношении имеет принципиальное значение (особенно при разработке действенных мер по предупреждению преступности). Как социальное явление преступность не исчерпывается тем, что свойственно отдельным преступлениям («любое конкретное преступление может быть, а может и не быть, т.е. его можно не допустить»), в то время как преступность – «закономерно и неизбежно существующая объективная реальность, искоренить которую нельзя»). В основной своей массе (в глобальном масштабе) отдельные преступления, как правило, между собой не связаны и преступность из них складывается стихийно, в тоже время, между отдельными проявлениями преступности существует выраженная связь и зависимость. Наиболее отчетливо различие преступности и конкретного преступления (в т.ч. совокупности преступлений) проявляется в анализе их последствий (так, последствия преступности гораздо больше, серьезнее и многообразнее) [36, стр. 55]. Не случайно криминология определяет преступность не как простую совокупность противоправных деяний, а как социальное явление, «выражающееся во всем множестве совершенных преступлений» [37, стр. 43].

Деяние считается преступлением, если оно обладает специальными признаками, которые образуют состав (состав преступления). Данные признаки описал и обосновал немецкий философ, правовед, процессуалист, теоретик уголовного и гражданского права, профессор А. Фейербах в двух своих работах: 1) «Пересмотр основных

положений и понятий уголовного права» (1799-1800); 2) «Учебник общего действующего в Германии уголовного права» (1801) [57; 62].

Идеи А. Фейербаха оказались востребованы не только в Баварии, где он готовил новый Уголовный кодекс, но и в России, в частности, при разработке «Законов уголовных» (1833) и «Уложения о наказаниях» (1845).

Согласно воззрениям современных ученых, состав преступления представляет собой системно-юридическую модель, раскрывающую устойчивую организацию предусмотренных уголовно-правовой нормой объективных и субъективных признаков вида общественно опасного поведения, характеризующую его в качестве уголовно-противоправного деяния [58; 72].

По мнению профессора Н.Ф. Кузнецовой, первым законодательным актом, в котором прозвучало понятие «преступление» следует считать Декларацию прав человека и гражданина, принятую 26 августа 1789 года в самый разгар событий Великой французской буржуазной революции. Последующие уголовные кодексы Франции (1791 и 1810 гг.) «исходили из деления преступных деяний на три вида: преступления, проступка и нарушения» (материальный признак преступления был утрачен и частично восстановлен лишь в Кодексе 1992 г.) [39, стр. 168].

Принимая во внимание данную информацию, нельзя не отметить, что учение о преступлении имеет длительную историю. Так, в Древней Руси действия, схожие с преступлением (в современном понимании) обозначались как «обида», «лихое дело», «злодеяние». При этом профессор В.В. Вандышев счел нужным уточнить, что первоначально данные понятия ни коем образом не могли рассматриваться в рамках родовой уголовно-правовой категории и лишь гораздо позднее, в княжеских Уставах появился родовой, обобщающий термин «преступление» [11, стр. 76]. Объективности ради отметим, что подобные мысли еще раньше высказывал патриарх отечественной науки уголовного права Н.С. Таганцев, который в начале прошлого века писал: «Как показывает само наименование преступление ... такое деяние должно заключать в себе переход ... за какой-то предел, отклонение или разрушение чего-либо» [73, стр. 24].

Профессор А.В. Наумов предлагает считать вторую половину XVIII века, когда вышел в свет Наказ Екатерины II Комиссии о составлении

проекта нового Уложения 1766 г., отправной точкой российской науки уголовного права. А.В. Наумов вполне обоснованно называет императрицу «первым теоретиком отечественного уголовного права». По мнению ученого, в Наказе ощущается влияние Монтескье («Дух законов») и Беккариа («О преступлениях и наказаниях»), а также очевидны многочисленные заимствования [50, стр. 76]. Тем не менее, этот труд не является компиляцией, так как в нем прослеживается творческое начало, авторская позиция, концептуальная основа [19, стр. 137]. Современный российский исследователь А.Б. Каменский уточнил, что «Наказ не имел статуса закона, но имел силу закона» [25, стр. 18].

Наказ Екатерины II следует расценивать как первое научное произведение в истории отечественного правоведения, в котором были сформулированы принципы, цели и задачи уголовного права, было заявлено об обязательном соответствии закона естественному праву. Особого внимания заслуживают главы, посвященные: описанию оснований криминализации деяний (в числе наиболее значимых признаков преступления рассматривалось «общественно вредное деяние»); классификации преступлений (были выделены преступления против закона и веры, преступления против нравов, преступления против тишины и спокойствия, преступления против безопасности граждан). Кроме того, достаточно подробному анализу подверглись вопросы, связанные с уголовной ответственностью и наказуемостью за неоконченное преступление и преступление, совершенное в соучастии. Наказание трактовалось не просто как кара, но и как мера общепредупредительного воздействия [50, стр. 76-79].

XIX век ознаменовался появлением новых имен на небосклоне русской науки уголовного права. Такие ученые как В.Д. Спасович, И.М. Наумов, Л.А. Цветаев, Г.И. Солнцев и др. в значительной мере предопределили современный подход к трактовке понятия «преступление».

Известный российский судебно-прокурорский деятель А.Ф. Кони, который проявил себя «как образец истинного служения не лицам, не себе, а делу» [66], обратил внимание на «Учебник уголовного права» В.Д. Спасовича как «светлое и отрадное явление», как замечательную работу, предшествующую трудам «Таганцева и Фойницкого...», Кистяковского, Сергеевского,

Чубинского, Неклюдова, Пусторослева и др.» и предложил даже отметить юбилей книги. «Пятьдесят лет литературной деятельности, – говорил он, – дают обыкновенно повод к юбилею писателя, к чествованию его просветительской работы. Но и книга, не потерявшая через много лет своего значения, имеет тоже своего рода право на юбилей, состоящий в доброй памяти о ней и благородном воспоминании о ее авторе. Одна из таких книг появилась более пятидесяти лет назад. Она называлась «Учебник уголовного права», и автором ее был Владимир Данилович Спасович. Изданная во время полного, в отношении ее предмета, безлюдья или, вернее, бескнижья...» [31, стр. 110].

Большой интерес вызывали исследования и других авторов. Например, Г.И. Солнцев писал: «Преступление есть внешнее, свободное, положительными законами воспрещенное деяние против политического равенства и свободы целого государства или частных граждан, устремляемое и правомерное наказание за собой влекущее, или, иначе, преступление есть внешнее, свободное положительными законами воспрещаемое деяние, безопасность и благосостояние государства или частных его граждан, посредством или непосредственно нарушающее и правомерное наказание за собою для преступника влекущее» [71, стр. 54].

Ведущие российские ученые считают, что Г.И. Солнцев не просто вышел за рамки формального определения преступления, но и связал наказуемость деяния с наличием материального признака преступления – с общественной опасностью. Из вышеприведенного определения следует, что, говоря о преступных деяниях, Г.И. Солнцев указывал: вред правоохраняемым интересам может быть нанесен непосредственно и (или) побочно. Под свободным деянием автор понимал виновность (т.е. деяние может быть «злонамеренным» или неосторожным, совершенным «по небрежению») [50, стр. 83; 81, стр. 194-201].

Творчество Г.И. Солнцева, к сожалению, не было по достоинству оценено его современниками; лишь спустя несколько десятилетий, после смерти выдающегося ученого в печати появились положительные отзывы А.Ф. Кистяковского, Н.С. Таганцева, Э.Я. Немировского и др.

В 1917 г. в учебнике Э.Я. Немировского (приват-доцента Новороссийского университета, профессора одесских высших женских курсов)

были обозначены признаки преступления, идентичные признакам, которые ранее сформулировал Г.И. Солнцев. И так, Э.Я. Немировский предложил рассматривать преступление как «виновное противоправное деяние (поведение), с которым закон связывает наказание как последствие» [51, стр. 165-166]. Таким образом, признаки преступления были сведены к деянию (действию или бездействию), к виновности, к общественной опасности содеянного (действия должны быть направлены на правовое благо, правоохраняемый интерес и т.д.), к наказуемости. Подобных воззрений придерживалась и профессор Н.Ф. Кузнецова, которая, однако, настаивала на том, что общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость являются не признаками, а свойствами преступления [63, стр. 138].

Анализ такой многозначной категории как преступление невозможен без познаний в сфере общей и социальной психологии. Не вызывает сомнений, что современные юристы должны иметь четкое представление о природе таких понятий, как деяние, деятельность, активность, свобода волеизъявления, поведение (поведенческий акт), преступное поведение.

Преступление – это деяние

Деяние (син. – действие, дело и т.п.) происходит от устаревшего «деять» (делать). В расширенном понимании «деяние» – это поступок, сознательное действие, реализованный акт свободной воли. В Уголовном праве под термином «деяние» подразумевается внешний акт общественно опасного поведения человека, который выражается в активной или пассивной форме, то есть в виде действия или бездействия.

В контексте сказанного уместно напомнить слова Г.И. Солнцева о том, что преступление есть действие, устремляемое к нарушению безопасности и благосостояния государства, частных лиц и т.д. [42, стр. 97]. Действительно, мысли человека находят свое воплощение в его деяниях (условно говоря, материализуются), а если речь идет о преступлении, то деяния причиняют вред, запрещенный уголовным законом.

По мнению представителей юридической психологии, преступное деяние следует рассматривать как мотивированное, целенаправленное, сознательное, волевое проявление уголовно-противоправной активности. Из определения

следует, что с позиций отечественной психологии, структурными элементами преступного деяния являются:

- 1) специфические мотивы и цели, а также направленность и содержание преступного умысла, форма вины;
- 2) предмет действия, способы, средства и условия его реализации;
- 3) преступный результат и отношение субъекта к содеянному. [80, стр. 299; 83, стр. 6-17; 85, стр. 116-120].

Известный криминолог В.В. Лунеев сформулировал модель преступного поведения, которая характеризовалась четким выделением элементов развития и проявления мотива преступления. Ученый посчитал целесообразным выделить девять наиболее значимых, с его точки зрения, элементов:

- 1) формирование и актуализация потребностей;
- 2) возникновение и становление конкретного мотива;
- 3) целеобразование;
- 4) выбор путей, средств, способов достижения цели;
- 5) прогнозирование возможных действий и их последствий;
- 6) принятие конкретных решений и начало осуществления задуманного;
- 7) осуществление самоконтроля и коррекции поведения;
- 8) оценка (анализ) последствий или результатов достигнутого;
- 9) выработка защитного мотива в виде самооправдания, раскаяния и т.д. [46, стр. 4].

Академик В.Н. Кудрявцев акцентировал внимание на том, что «преступление – не мгновенное событие, а более или менее длительный процесс, включающий действие (бездействие) субъекта, развитие причинной связи и наступление преступного результата» [38, стр. 80].

А.В. Петровский, занимаясь изучением вопросов, связанных с криминологическим прогнозированием криминальной активности, пришел к выводу, что в подавляющем числе случаев преступное поведение отражает личностные константы и специфичный характер внешних воздействий. По мнению ученого, «преобразование антисоциальных качеств индивида ... в конкретный вариант преступного поведения происходит на протяжении определенного

промежутка времени, т.е. значимые признаки, характеризующие криминологическую индивидуальность, также имеют определенные временные границы» [55, стр. 40].

Слова «деяние» и «деятельность» имеют общий корень и общую смысловую основу, поэтому их зачастую отождествляют. Однако различия все же есть, и они очевидны. Деяние – это единичный, несистематизированный акт, поступок (или сумма поступков), который может повторяться. Деятельность состоит из «цепочки» взаимосвязанных действий, воспроизводимых на длительной, постоянной (или относительно постоянной) основе. Многие советские психологи полагали, что категория «деятельность» должна рассматриваться в качестве стержневой в системе категорий психологической науки [22].

В деятельности выделяют следующие функциональные подсистемы:

- 1) причиняющую (потребностную);
- 2) идеально-регулятивную;
- 3) операциональную;
- 4) результативную.

Говоря о деятельности, следует обратить внимание на такие понятия как поведение и активность. Поведение большинства людей на протяжении всей их жизни далеко не всегда осмысленно, целенаправленно, кроме того, в нем четко прослеживается влияние подсознательных механизмов (то есть не следует игнорировать социально-биологическую сущность человека).

В советское время особую роль играла идеология, поэтому социальным факторам придавалось первостепенное значение (это касалось не только юриспруденции, но и многих сторон жизни). Например, видный представитель социологической школы А.Н. Яковлев в 1985 г. писал, что поведению предшествует активность нервной системы, при этом общее состояние психических функций определяется (вызывается к жизни) теми социальными факторами, которые находятся за пределами его высшей нервной деятельности [86, стр. 102-104]. Эту позицию едва ли можно назвать приемлемой (хотя первая часть умозаключения не вызывает возражений), так как, согласно логике автора, вся ответственность лежит не на правонарушителе, а на обществе (такой подход доминировал среди «пролетарских» юристов в первые годы советской власти). Иными словами, советский ученый настаивал на том, что «причины изменений и превращений в

исследуемых объектах лежат за пределами этих объектов» [86, стр. 102].

В поведении человека психологи выделяют две функционально связанные стороны: побудительную и регуляторную. Психические процессы и состояния обеспечивают регуляцию поведения, что же касается его стимуляции, обеспечивающих активизацию и направленность устремлений, то они связаны с мотивами (осознанными побуждениями) и мотивацией (важнейшими источниками активности). В поведении прослеживается направленность личности – совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность и являющихся относительно независимыми от случайных факторов, ситуаций и т.д. В различных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному, например, у С.Л. Рубинштейна это «динамическая тенденция», у А.Н. Леонтьева «смыслообразующий мотив», у В.Н. Мясищева «доминирующее отношение», у А.С. Прангишвили «динамическая организация сущностных сил человека».

В вопросах определения содержания понятия «активность» в научной литературе нет единого мнения, хотя известный педагог и психолог В.А. Петровский в начале 90-х годов прошлого века сформулировал и аргументировал чрезвычайно важный тезис: «Нет деятельности вне активности и активности вне деятельности» [56, стр. 46]. То есть речь идет о взаимосвязанных, взаимозависимых явлениях. Одни авторы продолжают рассматривать деятельность в качестве целенаправленной активности, другие же полагают, что активность является исключительно целенаправленной деятельностью. «Выявленное противоречие носит, очевидно, конвенциональный характер и сводится к проблеме: какое понятие считать видовым, а какое родовым» [49].

Нам же представляется наиболее весомой и обоснованной позиция тех ученых, которые считают, что концепт «деятельность» следует рассматривать в рамках биологической, психофизиологической и (или) социальной активности. В итоге активность раскрывается как явление более сложное, чем деятельность. А в социальном контексте, именно активность формирует и направляет высшую нервную деятельность, придает ей смысл.

Следует отметить, что «состояние активности» традиционно представляло интерес для западноевропейских философов. Так, Г.В. Лейбниц

в своё время высказал ряд положений о характере функционирования человеческой психики с учетом бессознательного: «Убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она осознает, является величайшим источником заблуждений» [43, стр. 117]. По существу, Г.В. Лейбниц стал одним из родоначальников учения о психической причинности, что способствовало дальнейшему исследованию вопроса, связанного с раскрытием реальной динамики психических явлений.

Активность психологических позиций И. Канта проявлялась в оценке роли разума в процессе развития индивида (при этом он особо подчеркивал практическую направленность интеллектуальной познавательной способности субъекта). Психическая активность человека, полагал И. Кант, зависит от его моральной культуры, которая должна строиться не на внешнем формальном подчинении существующим требованиям, а на принципах внутреннего характера [26, стр. 476].

Г.В.Ф. Гегель в своем учении о душе, сознании и личности предпринял довольно оригинальную попытку раскрыть основные психологические проблемы, исходя из принципов диалектического развития и историзма. В результате он показал внутреннюю взаимосвязь и взаимозависимость самых различных психических явлений, «вскрыл» диалектику психических процессов. Активность психологической позиции отдельно взятого человека Г.В.Ф. Гегель однозначно связывал с его причастностью к интересам и ценностям общества [14, стр. 336-338].

Современник Гегеля, немецкий философ И.Г. Фихте, рассматривал объективный мир лишь как целеполагание и считал, что воля (или активность) определяет разум. Ученый также считал, что посредством просвещения, через развитую способность к интеллектуальной деятельности индивид возвышается над своей собственной природой [59, стр. 95-100].

Общефилософские предпосылки исследования поведенческой активности людей заслуживают самого пристального внимания, но не менее важен и анализ социально-психологических воззрений, объясняющих природу данного феномена, всех процессов, объединенных данным названием.

Несомненная заслуга в изучении активности личности принадлежит гениальному

отечественному психологу С.Л. Рубинштейну, в частности, сегодня оказалась востребованной его концепция о развитии личности в процессе осмысленной деятельности. Авторский взгляд на различные трансформации высшей нервной деятельности (через внутренние ресурсы) раскрыл феномен активности не только как свойство сознания, но и как «качество», психологическое содержание личности субъекта. Тем самым в отечественной психологии произошел прорыв в методологическом подходе изучения личности, жизненного пути человека (от парциального к системному, от внеличного к целостному, интегральному). С.Л. Рубинштейн отмечал, что именно в деятельности проявляется и формируется личность [64]. Опираясь на научные труды С.Л. Рубинштейна, серьезную исследовательскую работу провела К.А. Абульханова-Славская. По ее мнению, активность является жизненно-функциональной способностью человека. В структуре активности К.А. Абульханова-Славская выделяет следующие уровни: притязаний, саморегуляции, удовлетворенности. Активность, пишет данный автор, есть не что иное как обобщенный, ценностный способ отражения, выражения и осуществления жизненных потребностей [4, стр. 18-19; 5, стр. 7].

Важно подчеркнуть, что для большинства российских ученых активность является интегральной характеристикой личности, а также представляет собой динамическую, циклическую, спиралевидную систему, элементы которой тесно взаимосвязаны между собой [17, стр. 40-61; 16].

Деяние в т.ч. преступное – есть акт человеческого волеизъявления. Любой личности присущи волевые качества (признаки), причем разной степени выраженности. Волевые качества лежат в основе характера. Ослабление воли (гипобулия), ее отсутствие (абулия) или «извращенная» волевая активность (в виде парабулии) – являются свидетельствами психических аномалий или серьезных нарушений со стороны центральной нервной системы.

Один из признанных авторитетов в области психофизиологии П.В. Симонов в 1975 году писал, что в русском языке слово «воля» одновременно обозначает свободу (в самом широком смысле) и психическое качество субъекта. Человек возбудимый, «разбалансированный» или импульсивный никогда не будет восприниматься окружающими как волевой (в обыденном

понимании воля ассоциируется с умением сдерживать внешние проявления своих чувств и преодолевать трудности) [70, стр. 114-117]. По мнению ученого, воля, хотя и тесно связана с деятельностью, сознанием и эмоциями, все же представляет собой самостоятельную сторону психической жизни человека, при этом в генезисе волевых усилий чрезвычайно важное значение играет фактор социально-детерминированного сознания. Анализируя взаимоотношения между волевой составляющей поступка и его первичной мотивацией, П.В. Симонов убедительно доказывает, что «воля как таковая не имеет социальной ценности», особенно, «если мы рассматриваем волевые качества субъекта безотносительно к существу движущих им мотивов» [70, стр. 118].

Волевые качества обеспечивают сознательную саморегуляцию индивидом своей деятельности и поведения, поддержание усилий, направленных на преодоление трудностей, дополнительной мотивированности. Волевые действия выполняют две взаимосвязанные функции – побудительную (связанную с активностью) и тормозную (связанную с критическим отношением к происходящему, с борьбой мотивов и т.д.) [41, стр. 101-103; 77, стр. 121-128].

Волевые качества личности следует рассматривать как «сплав» врожденного и приобретенного, как фенотипическая характеристика реальных и потенциальных возможностей человека. В волевых качествах сочетаются моральные, интеллектуальные и генетические компоненты воли.

Общеизвестно, что свобода – это возможность выбора, «если же такой возможности нет, то нет и свободы», кроме того, этот тезис нуждается в уточнении: возможность выбора (как и границы дозволенного) в силу своих индивидуально-личностных особенностей люди понимают и реализуют «по-своему», например, совершая преступления [13, стр. 155-165; 79, стр. 77-86].

Преступление – это общественно опасное деяние

Со времен Ч. Беккариа под общественной опасностью понимают, прежде всего, причинение или угрозу причинения вреда общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом (в этом и заключается ее сущность). Вопросы, связанные с определением понятия «общественная опасность», рассматривались отечественными и зарубежными учеными на

протяжении всего периода развития науки уголовного права. Однако именно вред, наносимый объектам уголовно-правовой охраны, неизменно являлся важнейшим признаком общественной опасности, вред также имел количественное (рассматривалась величина ущерба) и содержательное (имущественное, физическое, психическое и т.д.) выражение. В современном российском уголовном законодательстве в зависимости от данного признака формируются материальные и формальные составы преступлений.

По мнению видного дореволюционного юриста Л.Е. Владимирова, преступление есть деяние противообщественное, так оно «потрясает безопасность в обществе», это деяние противогосударственное «ибо представляет открытое восстание против веления государства, закона», а также «деяние безнравственное, ибо нарушает предписываемое нравственностью благожелательное отношение к ближнему» [12, стр. 2]. Известный советский ученый А.И. Марцев писал: «общественная опасность есть такая характеристика посягательства, которая свидетельствует, что оно (посягательство) причиняет (или ставит под угрозу причинения) существенный вред отношениям, охраняемым уголовным законодательством» [47, стр. 16]. Из указанных определений видно, что характер общественной опасности определяется объектом преступления (в новом Кодексе перечень объектов охраны приводится в ст. 2 УК РФ).

Общественная опасность принадлежит к числу материальных признаков преступления и является объективной категорией (то есть не зависит от правовой оценки законом). Общественная опасность деяния характеризуется объективными и субъективными признаками (в УК она употребляется в качестве объективной и объективно-субъективной вредоносности). К числу объективных признаков общественной опасности относятся: социальная значимость объекта, которому был причинен вред (или имела место угроза причинения вреда), характер и степень ущерба, способы и условия (например, место, время) совершения деяния. К субъективным признакам следует отнести: форму вины, характер мотивов и целей (например, корысть, ненависть, ревность и т.д.), индивидуальные особенности преступника.

Вопрос о влиянии различных характеристик личности преступника на общественную опасность до сих пор остается открытым, так,

Н.Ф. Кузнецова настаивала на том, что личность субъекта преступления «выступает против общественной опасности деяния самостоятельным основанием индивидуализации наказания» [39, стр. 178]. Н.Ф. Кузнецова считала, что демографические, ролевые и психологические черты не влияют на общественную опасность деяния. По мнению данного автора, следует учитывать лишь пять важнейших криминообразующих компонентов общественной опасности: а) общественно опасные последствия в виде вреда и ущерба; б) форму вины в виде умысла или неосторожности; в) способ действия или бездействия; г) мотив и цель преступного деяния; д) специальный субъект [39, стр. 178].

Для количественной характеристики общественной опасности преступления используется такое понятие как «степень», которое представляет собой типовую оценку вредоносности преступлений с количественной стороны (типовая характеристика выражается в конкретных санкциях). Данное понятие раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в котором, в частности, говорится: «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления» [3].

Таким образом, из постановления следует, что под степенью общественной опасности преступления следует понимать: обстоятельства осуществления преступного намерения; способ совершения преступного деяния; размер вреда и тяжесть наступивших последствий; роль обвиняемого в процессе совершения преступления. Степенью общественной опасности обладают

признаки объективной стороны преступления. На степень общественной опасности указывают и признаки субъекта преступления. Не вызывает сомнений, что среди признаков субъективной стороны преступления на характер его общественной опасности влияют формы и виды вины. Важно помнить, что установление и оценка конкретных признаков характера общественной опасности преступления осуществляется судом и находит свое выражение в наказании [11, стр. 92-93].

Подводя итог сказанному, акцентируем внимание на ряде существенных моментов. Во-первых, в соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением является виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Кодексом под угрозой наказания. Во-вторых, общественная опасность – это материальный признак преступления, который раскрывает его социальную природу. В-третьих, общественная опасность деяния служит критерием для его отнесения к преступлениям или проступкам. В-четвертых, основанием для отнесения тех или иных деяний к категории общественно опасных служит ущерб, причиненный социальному благу (или реальная опасность такового). В-пятых, общественно опасные последствия делятся на материальные (личного и имущественного характера) и нематериальные (связанные с причинением морального вреда, нанесением ущерба чести, достоинству и т.д.); как правило, общественно опасное деяние влечет за собой последствия как материального, так и нематериального характера. В-шестых, понятие «общественная опасность» базируется на совокупности элементов, характеризующих объективную сторону преступления, однако для выяснения степени и характера опасности следует учитывать субъективные аспекты (вину, мотив, цели и т.д.).

Преступление – это виновное деяние

В начале XX века ординарный профессор Киевского университета Л.С. Белогриц-Котляревский называл преступлением «... виновное неправомерное нарушение уголовного закона» [9, стр. 103]. Спустя более ста лет в законодательном определении преступления, по-прежнему, на первом месте стоит виновное совершение деяния.

Упоминание вины можно встретить в ст. 49 Конституции РФ:

1. Каждый обвиняемый в совершении

преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.
3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

В Уголовном кодексе вина рассматривается: а) как принцип уголовного закона (ст. 5); б) как условие уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния (ч. 1 ст. 5); в) как признак преступления (ст. 14); г) как признак состава преступления (ст.ст. 8, ч. 1 ст. 14, 105, 106, 111, 112 и др.). Кроме того, из ч. 2 ст. 5 УК следует, что объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Иными словами, «виновная ответственность» фиксирует невозможность объективного вменения.

Содержание вины позволяет разграничивать (различать) внешне чрезвычайно схожие по форме преступные деяния одно от другого. Вопрос о сущности вины, как правило, решается однозначно – сущность заключается в отрицательном (что характерно для умысла) или пренебрежительном, или недостаточно внимательном отношении к основным социальным ценностям, что проявляется в конкретном преступном деянии и наступивших последствиях. Выражаясь более конкретно, вина представляет собой психическое отношение лица (в форме умысла или неосторожности) к совершенному им общественно опасному деянию и наступившим последствиям.

В психологическом плане охарактеризовать умысел и неосторожность представляется возможным благодаря использованию двух критериев – интеллектуального и волевого (который, в свою очередь, неразрывно связаны с такими понятиями как сознание, осознание, предвидение последствий, мышление и т.д.). В уголовно-правовом аспекте умысел и неосторожность рассматриваются только лишь применительно к преступлениям. Важно отметить, что в уголовном праве вина – не абстрактное понятие. Вина обязательно связана с конкретным общественно опасным деянием (например, убийством, хулиганством, кражей и т.д.). В социальном плане наличие вины означает, что лицо посягнуло (или создало угрозу посягательства) на важнейшие

социальные ценности.

Преступление – это уголовно-противоправное деяние

На противоправность (как формальный признак преступления) указывают многие видные представители науки уголовного права. Так, В.Д. Спасович рассматривал преступление как «деяние, запрещаемое законом под страхом наказания, иными словами, оно есть нарушение уголовного закона». Г.И. Солнцев трактовал преступление как «внешнее, свободное, положительными законами воспрещенное деяние». А.Ф. Бернер указывал, что «наказуемость преступления обуславливается запрещением его уголовным законом» [42]. По мнению указанных авторов (их позиция не подвергается сомнению), преступлением признается лишь то деяние, которое запрещено уголовным законом.

В контексте рассматриваемых нами вопросов интересно отметить, что в советское время преступление как противоправное деяние рассматривалось с учетом целого ряда особенностей. Во-первых, преступление – это определенного рода нарушение. Во-вторых, это нарушение, которое по характеру является правовым. В-третьих, злонамеренное деяние нарушает именно уголовно-правовые требования (т.е. речь идет о противозаконности, противоправности, запрещенности деяния) [40, стр. 24; 75, стр. 91].

По мнению В.В. Вандышева, противоправность (в отличие от общественной опасности) является юридическим (правовым, нормативным) признаком, который выражает вредоносность конкретного деяния для общественных отношений. Ученый считал, что уголовная противоправность на законодательном уровне представляет собой субъективное выражение общественной опасности соответствующего деяния, при этом противоправность преступления никогда «не теряет своей объективности» [11, стр. 95] (поскольку существуют потребности общества и государства в борьбе с антисоциальными явлениями). Таким образом, противоправность следует расценивать как объективно-субъективную категорию, которая «выражает в концентрированном виде принцип законности уголовного закона» [11, стр. 99].

Подводя итог сказанному, акцентируем внимание на взаимной обусловленности общественной опасности и противоправности. В

российском уголовном праве противоправность расценивается как официальное признание законодателем общественной опасности конкретного деяния.

Преступление – деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания

Указание на наказуемость как признак преступления имеется в п. 1 ст. 14 УК РФ. Наказуемость означает, что согласно действующему Кодексу, в одних случаях – наказание может быть назначено реально, а в других – конкретное лицо может быть освобождено от уголовной ответственности.

Н.Г. Кадников справедливо отмечает: «запрещенность деяний под угрозой наказания означает, что, во первых, оно закреплено именно в уголовном законе, а не в каком-либо правовом акте; во вторых, в санкции уголовного закона за подобное деяние предусмотрено наказание, которое и является реальным признаком преступления и не должно смешиваться с наказанием как неизбежным следствием совершения преступления. Именно угроза наказания, а не реальное наказание, которое в конкретном случае может и не последовать, является признаком преступления» [24, стр. 102].

К сожалению, в отношении наказуемости деяния среди ученых нет единого мнения: одни считают, что наказуемость следует рассматривать в качестве обязательного признака преступления (и трактовать как угрозу применения наказания); другие – описывают наказуемость в качестве юридического последствия (но не признака преступления); третьи – отводят ей роль составной части уголовно-противоправного деяния [10, стр. 123-126; 15, стр. 11-18; 60, стр. 68; 75, стр. 101].

Наиболее убедительной представляется следующая позиция: наказуемость выступает материальным признаком преступления, который может использоваться для отграничения соответствующих деяний от иных видов правонарушений.

Малозначительное деяние

Во всем массиве девиантных поступков высокий процент приходится на малозначительные противоправные деяния. Важно уметь различать преступления и поведенческие акты (деяния), которые формально обладают признаками преступления, однако в силу своей малозначительности не достигают характера и

необходимой степени общественной опасности (напомним, что, по мнению специалистов в сфере уголовного права, общественная опасность свойственна лишь преступлениям). Так, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Малозначительные деяния совершаются с прямым конкретизированным умыслом. «Малозначительность» должна быть как объективной, так и субъективной. Причиненный ущерб от подобных деяний минимальный.

Рассматриваемые деяния имеют не криминальную, а гражданско-правовую, административную и (или) дисциплинарную природу, кроме того, в их содержании нередко прослеживается аморальность, безнравственность, низкий уровень общей, правовой и профессиональной культуры.

Отграничение преступлений от непроступных правонарушений

Отграничение преступных деяний от непроступных правонарушений, как правило, осуществляется с учетом трех признаков:

- 1) объекта посягательства;
- 2) характера и степени общественной опасности (а применительно к правонарушениям – вредоносности);
- 3) противоправности и связанных с данным признаком санкций.

К субъективным признакам, позволяющим отграничивать преступление от правонарушения, относятся: форма вины, наличие мотива и цели.

Ответственность за непроступные правонарушения регламентируются нормами различных отраслей права (административного, гражданского, семейного, трудового, финансового и т.д.). Поскольку КоАП наиболее тесно соприкасается («пересекается») с уголовным законодательством (имеется в виду широта и разнообразие охраняемых интересов), то, в контексте рассматриваемых нами вопросов, целесообразно привести определение административного правонарушения. Согласно ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов

Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность». Таким образом, признаками административного правонарушения являются – противоправность, виновность и вредоносность и наказуемость. Важно также помнить, что административное правонарушение является результатом сознательного и виновного поведения физического или юридического лица, проявлением воли и разума правонарушителя.

Рассматриваемые нами деяния посягают на общественные отношения, охраняемые именно административным законодательством. Признак противоправности, который заключается в нарушении совершенным деянием (действием, бездействием) определенных норм закона, нельзя считать отличительным, поскольку он характерен для всех видов правонарушений.

О.В. Матузов правильно подчеркивает, что административное правонарушение — это, прежде всего, юридический факт, являющийся результатом противоправных действий (бездействия) и основанием для возникновения правоотношений в связи с административной ответственностью (см. более подробно [48]).

Признак «общественная опасность» научным сообществом трактуется далеко не однозначно, что находит свое отражение и на законодательном уровне. В административном праве общепринятым является выделение общественной опасности в качестве существенной черты административного правонарушения. Основным аргументом в пользу данной позиции является тот факт, что административное правонарушение посягает на установленный порядок, на определенные сложившиеся в обществе отношения, а следовательно, является общественно опасным деянием. (именно общественная опасность обуславливает ответственность за совершение правонарушения, поскольку одной из функций государства является охрана таких общественных отношений). Однако, как мы уже сообщали, принципиальными противниками выделения данного признака являются представители науки уголовного права, которые считают наделение общественной опасностью административного правонарушения ошибочным. В результате научных споров и дискуссий возникла идея (поддержанная рядом ученых) определять сущность административного правонарушения через его вредоносность. Главный аргумент сторонников этой

точки зрения заключается в том, что административное правонарушение, посягая на установленный порядок и определенные общественные отношения, причиняют им вред в той или иной степени (при этом, реальный вред может и не наступить). Противоправным признается допущение опасности причинения неблагоприятных последствий (например, нарушение требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических правил, противоэпидемических и т.д.).

Гражданско-правовое нарушение, или деликт, представляет собой неисполнение или ненадлежащее, несвоевременное исполнение лицом предусмотренных действующим гражданским законодательством или заключенным договором обязанностей в связи с нарушением субъективных гражданских прав другого заинтересованного в гражданско-правовой сделке или договоре лица, в причинении какого-либо имущественного вреда. Санкции за подобные правонарушения носят правостановительный характер и заключаются в возмещении нанесенного имущественного ущерба, отмене незаконных сделок, в восстановлении нарушенных прав и охраняемых законом интересов.

Дисциплинарные правонарушения (проступки) представляют собой противоправные деяния, нарушающие внутренний распорядок деятельности предприятий, учреждений и организаций. За совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; увольнение по соответствующим основаниям. Федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине для отдельных категорий работников могут быть предусмотрены также и другие дисциплинарные взыскания. При наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен [2].

К сожалению, в финансовом законодательстве не содержится единого, общепринятого понятия «финансовое правонарушение», хотя, существуют такие понятия как «налоговое правонарушение» и «нарушение бюджетного законодательства», которые фактически являются разновидностью финансового правонарушения [6; 29;

67; 78]. Таким образом, финансовое правонарушение можно рассматривать в качестве виновно совершенного деяния, которое нарушает установленные законодательством нормы финансового права, в результате чего наступает финансово-правовая ответственность.

Следует иметь в виду, что некоторые гражданско-правовые нарушения, дисциплинарные проступки, административные правонарушения могут при определенных условиях и обстоятельствах законодательно переходить в разряд соответствующих составов преступлений, предусмотренных конкретными положениями уголовного законодательства [52, стр. 14-24].

Н.Ф. Кузнецова абсолютно правильно пишет, что между преступлением и аморальным поступком существует четкая (односторонняя) взаимосвязь и взаимозависимость: любое преступление следует считать безнравственным, но далеко не всякий аморальный поступок является преступлением. «Нравственные нормы используются для толкования уголовных законов в правоприменительной практике и служат ориентиром для законодателя при криминализации и декриминализации деяний» [39, стр. 191].

В качестве наиболее существенных причин, влияющих на рост числа аморальных поступков, ученые называют «дефекты правовой социализации» [33; 34; 35], которые демонстрируют нарастающую «брутальность» девиантного общественного сознания. Так называемые «дефекты», проявляются в искаженных ценностных установках, низменных потребностях, в нетерпимости, агрессивности, сексуальной распущенности, алкоголизации и наркотизации [18, стр. 1, 7; 21, стр. 1, 9; 27, стр. 14; 74, стр. 154-167].

Заключение

В конце лекции сформулируем ряд наиболее существенных выводов:

1. Закон четко определяет, что признается преступлением, а что – правонарушением. Преступление – это виновно совершенное, общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом (т.е. противоправное) под угрозой наказания. Таким образом, преступление характеризуется общественной опасностью, противоправностью, виновностью и наказуемостью.

Преступление – это, прежде всего, деяние, поэтому оно обладает не только специфическими (согласно ст. 14 УК РФ), но и общечеловеческими

поведенческими признаками, в частности, деяние контролируется сознанием и волей, оно мотивировано и целенаправленно.

Разграничение преступлений и иных видов правонарушений проводится по общему объекту, который подвергается воздействию; по степени общественной опасности (вредоносности); противоправности и наказуемости.

2. Общественная опасность – важнейший материальный признак преступления, который выражается в причинении существенного вреда общественным отношениям, охраняемым ныне действующим УК. Характер общественной опасности – социальное свойство преступного деяния, которое свидетельствует о значимости общественных отношений, на которые посягает злоумышленник. Степень общественной опасности – количественное выражение социальных свойств преступлений конкретного вида.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (ст. 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль

в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления.

3. Уголовная противоправность означает запрещенность общественно опасного деяния УК РФ под угрозой наказания. Устанавливая наказания за конкретные преступления, уголовный закон запрещает совершать деяния, указанные в нем. Следует помнить, что в ряде случаев общественно опасным деянием одновременно нарушается и уголовный закон, и другие нормы права, однако, деяние признается преступлением лишь в том случае, если оно нарушает именно уголовное законодательство. В УК РФ прослеживается выраженная взаимосвязь между общественной опасностью и уголовной противоправностью деяния. Уголовная противоправность служит юридическим выражением общественной опасности деяния.

4. Общественно опасное и противоправное деяние может быть признано преступлением лишь в том случае, когда оно совершено виновно (т.е. умышленно или по неосторожности).

Современному российскому уголовному законодательству чужд принцип объективного вменения, который допускает уголовную ответственность за общественно опасные деяния без вины.

5. Наказуемость – неотъемлемый признак преступления, который означает, что в одних случаях наказание назначается реально, а в других – лицо может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания.

Контрольные вопросы

1. Каковы признаки преступления?
2. Чем отличается деяние в уголовно-правовом смысле от деяния (деятельности, поведения, поступка) в общенаучном и обыденном понимании?
3. Охарактеризуйте общественную опасность как важнейшее свойство преступления.
4. Дайте определение уголовной противоправности.
5. Назовите признаки малозначительности деяния.
6. Чем преступление отличается от иных правонарушений?

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. – М., 2020.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/
4. Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. – 1983. – Т. 4. – С. 18-19.

5. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 216, [2] с.
6. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Криминальные и финансовые угрозы реализации социально-экономических реформ и проектов в России (экономико-правовой анализ): Монография. – М.: Моск. ун-т, 2014. – 352 с.
7. Бабаев М.Н., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
8. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
9. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. – Киев [и др.]: Южно-Русское кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. – [4], IV, 618, II с.
10. Бибик О.Н. Наказуемость как признак преступления // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 2 (15). – С. 123-126.
11. Вандышев В.В. Понятие преступления и классификация преступлений // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. – СПб.: МИЭП, СПБИГО, Книжный Дом, 2009. – С. 75-113. – в кн. 754 с.
12. Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. – Харьков: изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889. – [2], IV, [2], 253 с.
13. Гарнцева Н.М. Обсуждая проблему свободы воли: Б. Либет, Д. Вегнер и Д. Денет // Философия. Язык. Культура. Вып. 3. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 155-165. – в кн. 368 с.
14. Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
15. Гогин А.А. Наказуемость как обязательный признак правонарушения: неоднозначные аспекты // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 4 (83). – С. 11-18.
16. Грибанова В.А. Содержание понятия «активность» в научной литературе // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2012. – № 1. – С. 15-19.
17. Дубов И.Г. Содержание категории «активность» в отечественной психологии // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 40-61.
18. Егоров И. Опасные клики // Российская газета. – 2010. – 21 октября. – С.1, 7.
19. Законодательство Екатерины II. В 2 -х т. Т. 1. – М.: Юрид. лит, 2000. – 1053 с., [8] л. цв. ил., портр. : ил., портр., табл.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
21. Зорькин В. В хаосе нет морали // Российская газета. – 2012. – 11 декабря. – С. 1, 9.
22. Иванов В.П. Человеческая деятельность. Познание. Искусство. – Киев: Наукова Думка, 1977. – 252 с.
23. Иванов Н.Г. Этюды о российской уголовной политике и её конкретных воплощениях. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 176 с.
24. Кадников Н.Г. Понятие и признаки преступления. Классификация преступлений // Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. – М.: Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – 990 с.
25. Каменский А.Б. «Под сению Екатерины...». вторая половина XVIII века. – СПб.: Лениздат, 1992. – 447,[1] с.
26. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 712 с.
27. Колесникова К. Подлость собирает «лайки» // Российская газета. – 2018. – 4 декабря. – С. 14.
28. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
29. Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 928 с.: ил.
30. Кондрат И.Н. Система уголовной политики современной России и ее элементный состав // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 98-104.
31. Кони А.Ф. Владимир Дмитриевич Спасович (1829-1907) // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит, 1968. – С. 110-122. – в кн. 536 с.
32. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 352 с.
33. Кравченко О.В. Правовая социализация и формирование правосознания несовершеннолетних // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7-8. – С. 127-142.
34. Кравченко О.В. Правовая социализация несовершеннолетних: понятие и сущность // Мир политики и

- социологии. – 2017. – № 9-10. – С. 115-126.
35. Кравченко О.В. Проблемы правовой социализации несовершеннолетних в Республике Таджикистан: теоретический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2019. – 179 с.
36. Криминология: Учебник / Авт. колл.: Беляев Н.А., Волгарева И.В., Кропачев Н.М. и др. / Под ред. В.В. Орехова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1992. – 216 с.
37. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Латышев О.М., Малинин В.Б., Майоров А.А., Милуков С.Ф., Мищенко А.А., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Д.В., Ростов К.Т., Сальников В.П., Скурту И.Г., Соболев И.А., Смирнов Л.Б., Снятков В.Н., Спиридонов Л.И., Старков О.В., Устинов В.С., Шестаков Д.А. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1998. – 576 с.
38. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения): Монография. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007. – 173, [4] с.
39. Кузнецова Н.Ф. Понятие преступления. Категории преступлений // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. 2-е изд. – М.: Статут, 2014. – 879 с.
40. Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2 / Пионтковский А.А.; Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. – М.: Наука, 1970. – 516 с.
41. Лабушева Т.М., Николаева Н.В. Свобода воли: иллюзия или реальность? // Манускрипт. – 2017. – № 10-1(84). – С. 101-103.
42. Левицкий Г.А. Русские и западноевропейские ученые XIX и начала XX вв. об уголовном законе, преступлении и наказании. Хрестоматия / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 152 с.
43. Лейбниц Г.В. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.
44. Логецкий А.А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 176 с.
45. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика: Авторский курс. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 440 с.
46. Лунеев В.В. Системный подход к изучению мотивации преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33. – М.: Юрид. лит., 1980. – 112 с. .
47. Марцев А.И. Преступление: сущность и содержание. – Омск: Омская высшая школа МВД СССР, 1986. – 68 с.
48. Матузов О.В. Понятие и сущность административного правонарушения // Вестник ун-та им. Кутафина. – 2015. – № 8. – С. 263-266
49. Моисеев А.С. Психологический подход к определению понятий // URL.: https://psyjournals.ru/files/63212/16_Moiseev.PDF
50. Наумов А.В. Зарождение российской науки уголовного права (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 76-87.
51. Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. – Одесса: Изд-во, тип. «Техник», 1917. – XII, 645 с.
52. Осипян Б.А. Критерии правомерного различения понятий и составов гражданского правонарушения (деликта), дисциплинарного проступка, административного правонарушения и преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика – 2016. – № 4 (38) – С. 14-24.
53. Основы общей и медицинской психологии и педагогики: Пособие по курсу психологии для студентов СПб ГМУ им. акад. И.П. Павлова / Под ред. проф. Н.Г. Незнанова. – СПб.: СПб ГМУ, 2003. – 120 с. : ил.
54. Палий В.В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex Russica. – 2017. – № 7 (128). – С. 112-124.
55. Петровский А.В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005. – 218 с.
56. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: Горбунок, 1992. – 224 с.
57. Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
58. Поляков С.А., Сабитов Т.Р., Сухоруков С.И. Теория состава преступления. – Новосибирск: НТГУ, 2011. – 184, [1] с. : ил.
59. Прокофьев К.Г. Проблема обоснования права в работе И.Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4. – С. 95-100.
60. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. – Л.: ЛГУ, 1984. – 136 с.
61. Психология и педагогика: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. С.А. Хмелевской. – М.: Логос, 2002. – 175 с.

62. Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление: Учебное пособие – М.: Ун-т дружбы народов, 1985. – 103 с.
63. Российское уголовное право / Под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 1. Общая часть. – М.: Норма, 2008. – 403с.
64. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. – 423 с.
65. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
66. Сальников В.П., Иванов В.А. «...И всегда служил не лицам, и не себе, а делу»: Вступительная статья // А.Ф. Кони. Избранные произведения. В 3-х томах. Том. 1. Воспоминания / Вступительная статья В.П. Сальникова и В.А. Иванова. – СПб.: Лексикон; Фонд «Университет», 2001. – С. 5-7. – в кн. 287 с. – (Серия: «Сокровищница российской юриспруденции»).
67. Сальников В.П., Рохлин В.И., Финансовая безопасность и финансовые расследования // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 145-152.
68. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
69. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
70. Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. – М.: Наука, 1975. – 175 с.
71. Солнцев Г.И. Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором... Гавриилом Солнцевым: Казань, 1820 / Под ред. и с вступ. ст. о Г.И. Солнцева Г.С. Фельдштейна, проф. Демидов. юрид. лица. – Ярославль, 1907. – [4], LXXXII, 219 с.
72. Соловьев А.Н. Понятие преступления: Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – 238 с.
73. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т. Т. 1 / Сост. и отв. ред. Н.И.Загородников. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
74. Третьяков И.Л. Поджоги российских акционистов: искусство, безумие или вандализм с хулиганством? (Взгляд криминолога) // Мир политики и социологии – 2019. – № 6. – С. 154-167.
75. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / М.И. Ковалев, И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова и др.; отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М.: ИНФРА-М : Норма, 1997. – 503 с.;
76. Учебник уголовного права : Части: общ. и особ. / С прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положит. магистра уголов. права Н. Неклюдова; Пер. и изд. Н. Неклюдова. Т. 1. Часть общая – СПб, 1865. – [4], 916, VIII, III-XVIII с.; Т. 2. Часть особенная. – СПб, 1867. – 364, VI с.
77. Филиппова Д.В. Профессиональная активность педагогов школьного и дошкольного образования (постановка проблемы) // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 121-128.
78. Финансовая безопасность. Финансовые расследования: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Хабибулина. – М.: Мос. ун-т, 2013. – 368 с.
79. Чумаков М.В. Эмоциональные аспекты волевого усилия // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – 2009. – № 5 (38). – С. 77-86.
80. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 470 с. : ил.
81. Чучаев А.А. Понятие и признаки преступления по Г.И. Солнцеву // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1. – С. 194-201.
82. Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 180 с.
83. Щербаков Г.В., Лаврентьева И.В. Понятие преступного поведения: поиск различных направлений и несколько основных результатов исследований в области психологии преступного поведения // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 1(46). – С. 6–17.
84. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 3. Понятие преступления. – СПб.: Изд-е проф. Малинина, 2005. – 522 с.
85. Юрьева В.Г. Психология преступного поведения и ее зависимость от акцентуации характера преступника // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 116-120.
86. Яковлев А.Н. Теория криминологии и социальная практика. – М.: Наука, 1985. – 247 с.
87. Яни П.С. Понятие преступления и его признаки // Уголовное право России. Общая часть: Учебник для академического бакалавриата / Под ред. О.С. Капинус. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2019. – 539 с.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕН (г. Москва, Россия)

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

ГАРАНИН Андрей Олегович,
начальник отдела управы Таганского района Центрального административного округа г. Москвы (г. Москва, Россия)

E-mail: GGaraninASergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

***Аннотация.** Рассматривается история возникновения и развития оперативно-розыскных мероприятий, в том числе такого оперативно-розыскного мероприятия как «отождествление личности». Показаны этапы становления оперативно-розыскных мероприятий с начала возникновения государственности до настоящего времени, также поэтапные изменения свойственные той или иной эпохе, в том числе такого оперативно-розыскного мероприятия как «отождествление личности».*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскные мероприятия; наблюдение; отождествление личности; опознание.*

**ZAKHARTSEV S.I.
GARANIN A.O.**

THE HISTORY OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE OPERATIONAL-SEARCH MEASURES "IDENTITY IDENTIFICATION"

***The summary.** The history of the emergence and development of operational-search measures, including such operational-search measures as "identification of a person" is considered. The stages of the formation of operational-search measures from the beginning of the emergence of statehood to the present are shown, as well as stage-by-stage changes inherent in a particular era, including such operational-search measures as "identification of a person".*

***Key words:** operational search activities; observation; identification of personality; identification.*

В настоящее время исторические и историко-юридические науки не в состоянии ответить на вопрос, когда возникло ОРД, кто и в каких целях первым провел оперативно-розыскные мероприятия. Однако не вызывает сомнений, что

первые действия, связанные с сыском, розыском, появились с момента зарождения человечества. Представляется, что такими стали опрос, наблюдение и вытекающее из наблюдения – отождествление личности, как наиболее простые и, в то

же время, необходимые в повседневной жизни действия. Однако, конечно, их нельзя назвать оперативно-розыскными мероприятиями в том смысле, который вкладывается в это понятие сейчас [13; 17].

Историей зарождения и развития оперативно-розыскной деятельности, в том числе и оперативно-розыскных мероприятий включающих и «отождествление личности», занимались В.И. Елинский, К.К. Горяинов, В.Ю. Алферов, В.Г. Гриб, В.И. Власов, Н.Ф. Гончаров, А.Ю. Шумилов, В.С. Овчинский, З.Л. Шхагапсоев, Н.П. Голядин, В.Н. Омелин, Ю.И. Авдеев, А.И. Алексеев, С.С. Овчинский и др.

С возникновением государства одной из его функций стало обеспечение его интересов, защита территории, выявление и противостояние внешним угрозам, а также своевременное выявление таких угроз. Наряду с созданием вооруженных сил для обороны необходимо было иметь возможности заблаговременного установления угроз. Угрозы суверенитету государства должны быть всегда в поле зрения официальной власти [21; 22; 23; 39; 44]. Это потребовало наличия определенных структур, которые бы выявляли такие угрозы. Несомненно, что эта деятельность, как правило, должна была проводиться и проводилась негласно, тайно. Она явилась прообразом оперативно-розыскной негласной деятельности государства. Возможности такой деятельности использовались и для противостояния аналогичной работе других государств. ОРД осуществлялось, разумеется, без какой-либо гласной, законодательной регламентации [9; 15].

Наряду с вышеуказанной задачей, перед государством возникла и другая важная задача – обеспечение порядка внутри государства, борьбы с преступлениями разного вида и характера.

Разведывательная, оперативно-розыскная деятельность уходит своими корнями в далекое прошлое. Интересы безопасности рода, племени, а впоследствии и государства традиционно предполагали выведывание намерений своего окружения в целях защиты от вторжения чужеземцев, обеспечения собственных интересов. История мировой цивилизации, включая отечественную историю, со всей убедительностью подтверждает это. В одном из первых археологических источников – обожженной дощечке с древними письменами, найденной на территории Сирии и датированной XIII в. до н. э., – «правитель

одного города-государства жалуется правителю другого, что он отпустил его соглядатаев согласно уговору, но выкупа за них до сих пор не получил». Инстинкт самозащиты рода, племени, государственной общности выделил тех, кого в Библии называют «соглядатаями», относя к ним лиц, исполняющих тайное, скрытое выведывание, высматривание, розыск и отождествление личности [1; 7].

Для русского права на протяжении многих веков было характерно разрешение возникавших криминальных конфликтов на основе частного, искового характера в судебном разрешении. Выступая с жалобой, потерпевший должен был не только проявлять инициативу, но и нести бремя установления преступника и доказательства его вины. По воле потерпевшего дело как начиналось, так и заканчивалось. Отказ от любого обвинения означал отсутствие конфликта, требующего судебного вмешательства. Преследуемый, в свою очередь, тоже вынужден был искать и представлять доказательства своей невиновности. Своеобразными были и доказательства: показания, отождествление личности, поединки, ритуальные присяги, ордалии [6; 16; 47].

В Древней Руси случаи нарушения публичного спокойствия, в том числе при совершении противоправных деяний, решались в общинах общинными судами. Они вершили суд по мере надобности либо по совести, либо по установившемуся обычаю, т. е. «по закону». Рассматриваемые дела возникали каждый раз по личному заявлению потерпевшего – истца (в современной правовой фразеологии – в порядке частного обвинения). Разделения дел на гражданские и уголовные не было. Княжий суд осуществлялся самим князем только по месту его нахождения, т.е. в Киеве, и только в исключительных случаях – по наиболее сложным (тяжким) делам при его выездах в «чужие земли». Основой суда являлись нормы устного племенного права, с включением моментов скандинавского и византийского права, а позже – положений церковного права.

Подобный порядок организации правоохранительной деятельности впоследствии был кодифицирован и закреплен киевскими князьями в официальном законодательном документе под названием «Русская Правда» [2; 8].

Рассмотрение норм древнерусского

законодательства позволяет выделить три вида розыска ответчиков: 1) гонение следа; 2) заклич; 3) свод.

Гонение следа – осуществлялся в отношении лиц, совершивших противоправное деяние и скрывшихся от преследователей, данный вид розыска основывается на отождествлении личности, и только после его проведения, происходит поиск установленного лица осуществившего наказуемое деяние. Ст. 70 Пространной Русской Правды говорит о том, что ответственность по поиску лица возлагалась на членов той общины, на территорию которой привели следы ответчика. Община, на территории которой обнаружены следы ответчика, должна была осуществлять розыск и при обнаружении выдать ответчика либо отвести от себя след. Отведение следа представители общины делали только в присутствии свидетелей (посторонних людей), которые подтверждали отсутствие ответчика в пределах владений указанной общины, в случае подтверждения, ответственность с общины снималась. Если община отказывалась проводить розыск на своей территории, или не допускали представителей потерпевшей стороны, то обязаны были уплатить особую пеню – «дикую виру». Также из содержания вышеуказанной статьи следует, что розыск мог закончиться и без результатов, если след выводил на большую дорогу или безлюдное место.

«Заклич по торгу» другая форма розыска, отраженная в ст. 32 Пространной Русской Правды. Указанная форма розыска применялась в случае пропажи челядина (холопа) или вещи. Понятие «заклич на торгу» означало оповещение населения на площади («торгу») через глашатаев о пропаже или бегстве челядина. При применении вышеуказанной формы розыска («Заклич на торгу»), было запрещено принимать краденую вещь или беглого холопа, при этом срок для привода убежавшего челядина был установлен в 3 дня. После этого укрыватель или новый владелец бежавшего должен был платить истцу по правилам украденной вещи, т.е. значительно дороже. Как и в предыдущем виде розыска, данная форма розыска так же первоначально подразумевает отождествление личности (опознания), когда к примеру происходит пропажа или кража челядина (холопа).

Свод – третий вид розыска, он начинался с опознания владельцем утраченной собственности

(челядина или вещи), находящейся в правомочном владении другого лица, если последний утверждает, что купил его. В данном случае закон предписывал начинать сведение показаний с опроса самого беглеца (челядина) и идти от одного покупателя беглеца к другому. Определяющим моментом розыска исчезнувшего лица (челядина) являлся поиск по идентификационным признакам, но как он должен был проводиться, в самом Законе не описывалось. Если речь шла о розыске лица, осуществившего кражу этого самого челядина, то если выяснялось, что следы ведут за пределы города и прилегающей к нему территории, розыск прекращался. В случае обнаружении лица осуществившего кражу, последний подвергался наказанию, в виде выплаты денежных средств. Мы видим, что указанный третий вид розыска – свод, как и прошлые виды розыска, начинается с отождествления личности с последующими вытекающими мероприятиями относящимися к данному виду розыска.

Как мы видим из сказанного выше, во времена Киевской Руси отождествление личности применялось во всех видах розыска ответчиков.

В Великом Московском княжестве (XV в. – первая половина XVI столетия) полицейские, в том числе и сыскные функции, выполняли Земский, Разбойный, Сыскной и ряд других приказов – в центре и губные избы – на местах.

В эпоху Судебников и Соборного уложения 1649 г. появляются и законодательно оформляются новые организационно-тактические формы розыска: по лихованным обыскам, по язычной молке, или пыточному оговору и по челобитным непосредственно заинтересованных в исходе розыска лиц, опять же все указанные организационно-тактические формы розыска, основывались на установлении лица (отождествление личности) которое осуществило то или иное противоправное деяние.

В конце XVII в. вводится новая категория должностных лиц осуществляющих общеуголовный розыск – обыщики (сыщики). Это были особые княжеские «порученцы», высылаемые центральной властью в города и вотчины для розыска и преследования преступников и беглых холопов. Должность сыщика возникла на постоянной основе, когда его задачи, права и обязанности были регламентированы несколькими законодательными актами центральной власти.

Самым полным из таких актов был царский «Сыщиков наказ» от 2 марта 1683 г. [12; 14].

С середины XVII в. начинается отсчет второго периода розыскной работы на Руси, который связан с переходом к абсолютизму и обусловлен крупнейшими изменениями в государственном управлении России. Если вторая половина XVII в. знаменуется преимущественно отмиранием сословно-представительных органов, то первая четверть XVIII в. – строительством новой системы государственных органов. Существенный признак этого изменения в составе и структуре государственного аппарата – замена приказов коллегиями, Боярской думы – Сенатом, подчинение церкви государству (Синод), создание регулярной армии и полиции. В этот период в России впервые была создана регулярная полиция – специальный аппарат, отделенный от общеадминистративных органов государственного управления. Задачи полицейских органов были весьма многочисленны, но главными из них стали обеспечение безопасности и борьба с преступностью. Было издано свыше трех тысяч законов. В их числе основными правовыми документами, в которых устанавливались формы сыска, являлись: некоторые неотмененные нормы Соборного уложения 1649 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г., Сенатский указ «Об определении главных сыщиков для сыску и искоренения воров и разбойников и беглых людей» с приложением «Инструкции определенному для сыска и искоренения воров и разбойников главному сыщику», Указ «О беспрепятственном розыске сыщиками воров, разбойников и их сообщников по всем губерниям» от 12 октября 1711 г. и др. [7; 50]. Весь указанный период как мы видим неразрывно связан с деятельностью сыщиков осуществлявших розыск и преследования как лихих людей (разбойников) так и беглых холопов, сам процесс розыска начинался с установления лица (по тем или иным отличительным чертам) совершившего преступление, то есть сначала устанавливалась и отождествлялась личность.

В период царствования Петра I ОРД продолжает развиваться и совершенствоваться. Этому активно способствуют предпринятые Петром I преобразования и реформы [37]. Так, делается попытка ввести регулярную полицию, создается фискальная служба для борьбы с казнокрадством, взяточничеством и лихоимством. Перед

этой службой ставится задача «над всеми делами тайно надсматривать». Учреждение фискальной службы было по существу попыткой установления тайного контроля над чиновниками. Политическим сыском в эпоху Петра I занимается Преображенский приказ, а также Тайная канцелярия, созданная в 1718 году для ведения следствия по делу цесаревича Алексея Петровича [45]. Впоследствии к подследственности Тайной канцелярии были отнесены и другие дела по особо важным политическим делам.

В помощь государственным органам в проведении оперативно-розыскной работы Петром I активно поощряется доноительство. В именном указе от 25 января 1715 года объявлялось о том, что истинный христианин и верный слуга своему Государю и отечеству без всякого сомнения может доносить самому государю [4, стр. 82-145].

Расширяется и борьба с общеуголовной преступностью, чему служило создание полицейских служб. Полиция стала проводить ряд оперативно-розыскных мероприятий таких как опрос, наблюдение наведение справок и отождествление личности, также стало проводиться дознание, а в необходимых случаях и предварительное расследование. Начала использоваться и практика привлечения тайных осведомителей из преступной среды, что можно сравнить с использованием лиц, которые оказывают содействие правоохранительным органам [20].

В этот период наиболее отчетливо проявляются организационные начала розыскной работы. Розыск мог осуществляться либо чинами экспедиции, либо другими правительственными и частными учреждениями – по требованию экспедиции. В первом случае чину экспедиции с ведома полицейской канцелярии давалась особая инструкция, уполномочивавшая его отправиться с несколькими солдатами на розыски лица. Если же экспедиция считала более удобным поручить розыск обвиняемого какому-либо другому государственному учреждению, то ему посылались «промемория» (памятная записка) или указ с требованием осуществления сыска разыскиваемого лица.

С подобными требованиями чаще всего экспедиция обращалась в полицейские канцелярии обер-полицмейстеров, полицмейстеров и градоначальников, которые после упразднения экспедиции и до организации Сыскной полиции

выполняли оперативно-розыскные функции.

Характерной чертой организации розыскной деятельности того периода являлся ее военизированный характер. На службу в полицию, как правило, переводились армейские офицеры. Низшие полицейские чины комплектовались из унтер-офицеров и солдат старших возрастов, исполнявших рекрутскую повинность, но уже по возрасту и состоянию здоровья непригодных к службе в полевых войсках. В помощь полиции для проведения масштабных розыскных мероприятий (например, для поимки банд и воровских шаек, состоящих из беглых солдат и крестьян) нередко направлялись воинские команды. Учитывая сравнительную малочисленность полиции, к несению службы по охране общественного порядка привлекалось в порядке повинности местное население по одному человеку с каждых десяти дворов («десятские») и в качестве старшего над ними – один человек с каждых ста дворов («сотский»). В городах этих привлеченных к несению охранной службы из местного населения людей в некоторых документах XVIII в. именовали квартальными поручиками [1; 12].

С именем Екатерины II связано учреждение постоянной службы перлюстрации в России. Этой датой можно считать 1779 год, когда императрица повелела секретно доставлять ей с Санкт-Петербургского почтамта вскрытую корреспонденцию. Постепенно, по свидетельству специалистов, все более расширялся круг лиц, чья переписка попадала под наблюдение.

Важным шагом по совершенствованию проведения оперативно-розыскных мероприятий стало создание III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Инструкции по работе в названном органе. Согласно последней, целью создания отделения ставилось «утверждение благосостояния и спокойствия всех в России сословий, восстановление правосудия». Каждый чиновник должен был «следить за могущими произойти беспорядками, злоупотреблениями во всех частях управления и во всех состояниях и местах; наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью или преобладанием сильных или пагубным направлением людей злоумышленных». Чиновники III отделения не носили специальных форменных мундиров, сам характер их деятельности

изначально стал негласным, секретным. Они начали создавать широкую агентурную сеть, главным образом среди дворянства, городской верхушки, опираясь при этом на многие монархически настроенные элементы [20; 17].

Знаменательным событием в реформе государственного механизма, сыгравшим в последующем определенную роль в организации службы уголовного сыска в начале XIX в., стало учреждение министерств, возглавляемых министрами. Одним из первых было учреждено Министерство полиции. В силу важности возлагавшихся на Министерство функций для него первого было разработано и одновременно с «Общим учреждением министерств» опубликовано «Учреждение и наказ министру полиции», ставшее нормативной основой его организации и деятельности. Необходимо учитывать, что полицейская служба в России в тот период представляла собой сложную организацию без единой и четкой законодательной регламентации. Входящие в ее состав различные подразделения были образованы в разное время под влиянием потребностей конкретного исторического периода [50].

Судебная реформа шестидесятых годов XIX века выделила предварительное следствие из полиции, был создан институт судебных следователей. Полиции было предоставлено право производства дознания. При производстве дознания на полицию возлагалась функция сохранения следов преступления и обеспечение задержания подозреваемого, пресечение попыток подозреваемого уклониться от следствия. Вместе с тем, если признаки преступления сомнительны, то полиция получила право осуществления негласного розыска, в том числе путем расспросов, негласного наблюдения и отождествления личности.

«Предварительным расследованием совершенных преступлений, – читаем в *двухтомном Историческом очерке*, – занимались... судебные следователи. Полиция от ведения предварительного следствия отстранялась. В соответствии со ст. 254 «Устава уголовного судопроизводства» полиция проводила дознание «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». Обыски и выемки полиция могла производить только в тех случаях, если до прибытия судебного следователя следы преступления могли быть утрачены. Все материалы дознания полицейские обязаны были

передавать судебному следователю и выполнять его отдельные поручения» [33, стр. 148].

Таким образом, розыск выделяется как негласная деятельность полиции, направленная на скрытое и тайное установление преступника.

Осуществление судебной реформы при росте преступности и особенно, неочевидных преступлений, определила необходимость создания специальной сыскной полиции. 31 декабря 1886 года при полицейском управлении Санкт-Петербурга была создана специальная сыскная часть, задачей которой было определено предупреждение и раскрытие уголовных преступлений с использованием специальных средств и методов. Однако только к концу восьмидесятых годов такие отделения стали формироваться и действовать в других крупных городах, а затем и в иных губерниях империи.

Получение значимых результатов от розыскной работы и, в частности, от оперативно-розыскных мероприятий дало толчок к появлению и оформлению, развитию учетно-регистрационной работы, что имело очень большое значение в борьбе с уголовной преступностью.

В конце XIX века, в связи с развитием технического прогресса, для проведения мероприятий наблюдение и отождествление личности нашли широкое применение биноклям, также развитие фотографии способствовало созданию картотек, которые в последствии использовались для отождествления личности.

Большую роль в развитии оперативно-розыскных мероприятий имел принятый 6 июля 1908 года закон «Об организации сыскной части». Указанный закон стал одной из основ правового регулирования сыскной работы [12].

Закон 1908 г. установил контроль над сыскными отделениями со стороны прокуроров, имевших право давать непосредственные поручения чинам сыскных отделений относительно производства розысков. Следует заметить, что одной из задач, определенных в вышеуказанном законе, было улучшение розыскного дела в сельской местности. Вместе с тем, повышению эффективности деятельности сыскной и общей полиции по борьбе с уголовной преступностью мешало то обстоятельство, что более двух лет их работа осуществлялась без единого нормативного акта. Только 9 августа 1910 г. была издана «Инструкция чинам сыскных отделений», которая определила внутреннюю структуру и

регламентировала порядок деятельности органов уголовного сыска в России.

В начале XX в. российский уголовный розыск признавался одним из лучших в мире, поскольку использовал в своей практике новейшие методики, например, систему регистрации, основанную на систематизации информации о лицах по 30 специальным категориям. Активно использовались альбомы фотографий (первый российский кабинет фотографии был организован еще в 1889 г.). Благодаря учетно-регистрационным базам появилась возможность осуществлять отождествление личности, не входя в непосредственный зрительный контакт с объектом отождествления. Более того, система централизованного циркулярного розыска преступников, внедренная в уголовном сыске Российской империи к 1 января 1915 г., была заимствована сначала Скотланд-Ярдом, а затем получила всемирное признание [18; 50].

В этом плане представляют большой интерес воспоминания начальника Московской Сыскной полиции Аркадия Францевича Кошко (1867-1928) под общим названием «Очерки уголовного мира царской России», вышедшие в 1928 году в Париже [26; 27; 28; 29; 30] и первого начальника Санкт-Петербургской Сыскной полиции Ивана Дмитриевича Путилина (1830-1893) [24; 38; 49]. Также значимыми являются раритетные книги «С.-Петербургская Столичная Полиция и градоначальство. 1703-1903», иллюстрированный краткий исторический очерк, изданный в 1903 году к 200-летию юбилею Санкт-Петербургской Столичной Полиции, основанный на архивных документах Сената, Государственного Совета и Министерства внутренних дел, отражающий дух своей эпохи [40], и «Министерство внутренних дел Исторический очерк», изданный в 1902 году к 100-летию деятельности ведомства, в основу которого были положены подлинные дела, хранящиеся в архивах министерства, департамента полиции и некоторых других ведомств. При этом были приняты во внимание все печатные труды, имеющие отношение к деятельности МВД Российской империи, а также материалы, опубликованные в официальных изданиях, в различных журналах, сборниках и т.п. [34].

Именно такую оценку Историческому очерку дал тогдашний министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853-1902) [5, стр. 174-180; 35, стр. 46-47; 36, стр. 228-235].

С нашей точки зрения, весьма любопытно для знакомства с оперативной работой периода царской России с уникальным научно-популярным иллюстрированным хронологическим путеводителем по истории криминального прошлого нашей страны «Уголовные тайны царской России за 200 лет», подготовленным М. Кубеевым [32].

И кроме того, мы бы назвали еще и статью, раскрывающую феномен «зубатовщины», повествующую о серьезных успехах в организации оперативной работы в дореволюционной (1917 г.) России руководителя оперативных подразделений Москвы и столицы Санкт-Петербурга Сергея Васильевича Зубатова [48].

С позиций познания практики использования результатов оперативной работы, в том числе и в дореволюционной России, в уголовном судопроизводстве, весьма значима много раз переиздаваемая книга профессоров И.Ф. Крылова и А.И. Бастрыкина «Розыск, дознание, следствие» [31].

Революция 1917 г. сломала созданную трудом многих поколений систему сыскной полиции России. Однако революционные власти очень быстро столкнулись с проблемой разгула уголовной преступности и осознали необходимость существования специализированной правоохранительной структуры по борьбе с ней.

В условиях крайне сложной оперативной обстановки в 1918 г. была создана Централизованная общероссийская государственная служба борьбы с уголовной преступностью, в задачи которой, входило применение оперативно-розыскных мероприятий (наблюдение, наведение справок, опрос, отождествление личности и др.), также использование нештатного негласного аппарата из осведомителей, оказывающих постоянную или временную помощь.

5 октября 1918 г. коллегия Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР утвердила «Положение об организации отделов уголовного розыска». В нем определялось для уголовного розыска право «негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом».

В истории законодательства советского периода впервые официальное признание возможности производства оперативно-розыскных действий было предусмотрено в 1923 году в Уголовно-процессуальном кодексе Российской

Советской Федеративной Социалистической Республики. В ст. 93 УПК РСФСР закреплялось, что данный вид деятельности органов внутренних дел допускается в случаях поступления анонимных заявлений о совершенных или готовящихся преступлениях [9; 10].

Дальнейшее развитие оперативно-розыскной деятельности протекало в условиях строгой секретности ведомственного правового регулирования органов внутренних дел и органов государственной безопасности. Возможность осуществления оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии и при расследовании преступлений была закреплена в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. [9; 50]. Однако в данном законе нет непосредственного перечня оперативно розыскных мероприятий

Однако, 12 июня 1990 г. Верховным Советом СССР был принят Закон СССР № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Важно подчеркнуть то обстоятельство, что вновь принятый закон предусматривал необходимость допуска результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. В свою очередь данные изменения внесенные в закон только частично показали перечень оперативно-розыскных мер, так в ст. 29 говорится об использовании видеозаписи, кинофотосъемки и звукозаписи, в целях обнаружения признаков преступления и лиц, его совершивших, в свою очередь данные мероприятия можно объединить одним – отождествлением личности.

Сразу же после вступления в действие Закона СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 началась активная работа прокуроров, следователей, судей, сотрудников оперативно-розыскных органов, ученых-юристов по подготовке проекта Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

В результате состоявшейся дискуссии по проекту закона было внесено предложение о строгом разграничении компетенции следственных органов и оперативно-розыскной службы в розыске скрывшихся преступников и в установлении лиц, совершивших преступления.

Однако принять закон общесоюзного

характера не представилось возможным вследствие распада СССР, происшедшего в декабре 1991 г.

Задача принятия закона перешла к законодателю Российской Федерации. 13 марта 1992 г. Верховным Советом Российской Федерации был принят Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации».

В Законе впервые было дано правовое определение оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскным мероприятиям, также определены виды оперативно-розыскных мероприятий, куда вошло в том числе и отождествление личности. Также закреплена система гарантий законности и обоснованности оперативно-розыскной деятельности; указаны тактика и методика ее осуществления; сформулированы принципы и условия ее деятельности; определена правовая основа применения различного рода криминалистических и технических средств как при раскрытии, так и при расследовании преступлений и т.д. [19; 15].

В связи с изменением политического устройства государства на смену Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» 1992 г. пришел Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», принятый Государственной думой 5 июля 1995 г. и вступивший в силу 12 августа 1995 г.

Принятие Федерального закона Российской Федерации от 12 июля 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в дальнейшем повлекло и изменение ведомственного законодательства, регламентирующего основание и порядок осуществления оперативно-розыскной деятельности и оперативно розыскных мероприятий, в том числе и отождествления личности.

Вносимые впоследствии изменения и дополнения в Федеральный закон от 12 июля 1995 г.

№ 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» связаны с новым подходом в изменении уголовной политики государства [25; 42; 43; 46], появлением новых служб и субъектов ОРД [18].

Прошло двадцать пять лет с момента принятия в 1995 году Федерального закона Российской Федерации № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

За прошедший период органы, осуществляющие борьбу с преступностью, накопили определенный опыт применения законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Этот опыт имеет положительные и отрицательные моменты. Так, положительным является активное использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, к отрицательным – имеющееся в уголовно процессуальной практике недоверие к таким результатам. Кроме того, законодательство об оперативно-розыскной деятельности содержит ряд противоречий, неточностей, пробелов, что препятствует его исполнению. С нашей точки зрения, оно недостаточно ориентировано на профилактику преступлений [41], российский и зарубежный опыт антикриминальной ресоциализации [3].

Подведем итоги нашего краткого исторического экскурса. Первые подобы оперативно-розыскных мероприятий появились с момента зарождения человечества. При рассмотрении этапов становления оперативно-розыскных мероприятий с начала возникновения государственности до настоящего времени, установили, что первыми оперативно-розыскными мероприятиями стали опрос, наблюдение и отождествление личности, так как оно невольно вытекало из наблюдения. Мы рассмотрели поэтапные изменения оперативно-розыскных мероприятий свойственные той или иной эпохе.

Список литературы

1. Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие для студентов / Под общ. ред. В.В. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016 – 296 с.
2. Алферов В.Ю., Ильиных В.Л., Федюнин Е.А. Оперативно-розыскная деятельность. Учебно-справочное пособие / Под общ. ред. В.Л. Ильиных. – М.: Приор, 2002. – 272 с.
3. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминальная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.

4. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. – М.: РИПОЛ-классик, 2017. – 608 с.: ил. – (Историческая библиотека)
5. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
6. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лябов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
7. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 830 с.
8. Гриб В.Г., Ильин И.С. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций. – М.: Маркет ДС, 2010. – 216 с.
9. Давыдов Я.В. Оперативно-розыскная деятельность: Конспект лекций. – М.: А-Приор, 2010. – 80 с.
10. Дмитриев Ю.А., Шапкин М.А. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2006. – 321 с.
11. Дубягин Ю.П., Дубягина О.П., Михайлычева Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный – М.: Юстицинформ, 2006. – 138 с.
12. Елинский В.И. История уголовного сыска в России (X – начало XX в.): Учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2004. – 76 с.
13. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты: Монография. – СПб.: СПбГУ, 2011 – 264 с.
14. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 144 с.
15. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с.
16. Захарцев С.И. Понятие и виды оперативно-розыскных мероприятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – №. 4(249). – С. 135-139.
17. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О. Краткий экскурс в историю возникновения и развития оперативно-розыскной деятельности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014 – № 6. – с. 364 – 372.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
19. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
20. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография / Под ред. С.И. Захарцева. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
21. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
22. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
23. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
24. Иван Путилин. Гений русского сыска / Сост. Г. Беляев. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 480 с.
25. Кондрат И.Н. Концепция российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 86-101.
26. Кошко А.Ф. Жестокие убийцы: Воспоминания начальника Московской сыскальной полиции. – СПб.: Авалонь, Азбука-Классика, 2009. – 256 с.
27. Кошко А.Ф. Король сыска: рассказы. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 476 с.
28. Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. Т. 1. – Париж, 1929.– 215 с.
29. Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России: В 3 т. – М.: Захаров, 2001. – Т. 1:
30. Кошко А.Ф. Среди убийц и грабителей: Воспоминания бывшего начальника Московской сыскальной полиции. – М.: ТЕРРА, Книжная лавка — РТР, 1997. – 400 с.
31. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. – 266 с.
32. Кубеев М.Н. Уголовные тайны царской России за 200 лет. Со времени основания полиции Петром I. – М.: Вече, 2007. – 336 с.: илл. (иллюстрированное издание).
33. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ.

- ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А., Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
34. Министерство внутренних дел. 1802-1902. Исторический очерк. С.-Петербург: Типография министерства внутренних дел, 1901. Репринтное переиздание / Отв. за выпуск А.Л. Фишков. – СПб.: КОСТА, 2014. – 240 + XXXII с.
35. Министры внутренних дел России (1802-2018): Биографический справочник / Сост.: Ч.Н. Ахмедов, С.Е. Байкеева, И.В. Романова, С.В. Ремнева, Т.Г. Лясович, А.А. Удальцов. – СПб.: Р-КОПИ, 2018. – 140 с., ил.
36. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
37. Петр I Великий. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.: ил. (Серия «Великий правитель»).
38. Путилин И.Д. Сорок лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сысковой полиции. Т. 1-2. – Пр.; М., 1916.
39. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52-60.
40. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703-1903). Краткий исторический очерк. – С.-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. Репринтное переиздание / Отв. за выпуск А.Л. Фишков. – СПб.: КОСТА, 2013. – 326 + XVI с.
41. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30-31.
42. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная и уголовная политика современного российского государства // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 137-147.
43. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 260-283.
44. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
45. Сборник Императорского Русского исторического общества. № 11. – СПб. Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1873. – 23, 565, 59 с.
46. Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 414 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
47. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. Гуценко К.Ф. Изд. 5-е, перераб и доп. – М.: Зерцало, 2005. – 354 с.
48. Шахматов А.В., Родичев М.Л., Феномен С.В., Зубатова: исторические ретроспективы развития агентурной работы в оперативно-розыскной деятельности и опыт противодействия терроризму в России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 106-117.
49. Шеф столичной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин: Собрание сочинений в 2 томах / Сост. Л. Беляева, Д. Нечевин. – М.: Олма-Пресс, 2012.
50. Шагапсоев З.Л., Голяндин Н.П. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД России. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016. – 376 с.

БЕЛОУСОВ Сергей Владимирович,
преподаватель кафедры оперативно-розыскной
деятельности в органах внутренних дел Санкт-
Петербургского университета МВД России
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: 79119356745@ya.ru

РЯЗАНОВА Екатерина Николаевна,
старший инспектор по особым поручениям
ОИО ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области (г. Санкт-Петербург,
Россия)
E-mail: spbryazanova@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАРКОСИТУАЦИИ И НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** Приведены и проанализированы статистические показатели состояния преступности по линии противодействия незаконному обороту наркотиков. Указываются направления, по которым идёт создание новых синтетических психоактивных веществ. Поднимаются вопросы о факторах детерминирующих обстановку на территории России, связанную с наркопреступностью.*

***Ключевые слова:** наркотические средства; статистические показатели; виды наркотических средств; противодействие незаконному обороту наркотиков.*

BELOUSOV S.V.
RYAZANOVA E.N.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE DRUG SITUATION AND DRUG CRIME IN MODERN RUSSIA

***The summary.** In the article, the author presents and analyzes statistical indicators of the state of crime in the field of countering drug trafficking. The author in the article indicates the directions in which the creation of new synthetic psychoactive substances is going. In the article, the author raises the question of the factors that determine the situation on the territory of Russia related to drug crime.*

***Key words:** narcotic drugs; statistical indicators; types of narcotic drugs; counteraction to illegal drug trafficking.*

Современную наркоситуацию в Российской Федерации можно охарактеризовать как достаточно непростую. В настоящее время обозначились новые негативные тенденции, несущие, на наш взгляд, серьезную угрозу безопасности личности, общества, государства, подрывающие экономические, социальные и нравственные

основы человеческой жизнедеятельности.

Сформулированное утверждение не является очевидным, если мы проанализируем данные формы межведомственной статистической отчетности № 1-МВ-НОН [12].

Действительно, в 2019 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано

190 197 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что несколько ниже, по сравнению с 2016 г. (201 165).

На 3,52% снизилось количество преступлений, относимых к категориям тяжких и особо тяжких преступлений (143 227, 2018 г. – 1148 445), на 12,2% совершенных в крупном (63 263, 2018 г. – 72 207) и 19% контрабандой (510, 2018 г. – 630).

Приведенные данные могут свидетельствовать об определенном улучшении наркоситуации в Российской Федерации.

Вместе с тем, ее детальное изучение говорит о серьезных структурных изменениях в тенденциях наркопреступности. Так, в общем количестве выявленных наркопреступлений наблюдается рост доли тяжких и особо тяжких. В 2019 году данный показатель равнялся 75,3% (2018 г. – 74,1%, 2017 г. – 71,9%; 2016 г. – 71,6%).

Отрицательная динамика отмечается и по количеству преступлений, совершенных групповым составом. Темп прироста количества преступлений в составе группы лиц по предварительному сговору в 2019 г. составил 30,25% (по сравнению с 2016 г.), в составе организованной группой и преступным сообществом – 52%.

При этом доля этой категории преступлений в общем количестве наркопреступлений увеличивается, начиная с 2016 г.:

- для группы лиц по предварительному сговору: 1,7% в 2016 г.; 1,8% в 2017 г.; 2,7% в 2018 г.; 3,8% в 2019 г.
- для организованной преступной группы и преступного сообщества: 4,4% в 2016 г.; 4,2% в 2017 г.; 5,7% в 2018 г.; 7% в 2019 г.

Кроме того, наблюдается существенный рост незаконного производства наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконного приобретения, хранения, изготовления, переработки, перевозки или пересылки в целях сбыта, а равно сбыт сильнодействующих веществ.

В 2019 г. темп прироста преступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств или психотропных веществ превысил 431% по сравнению с 2016 г.

По мнению ряда исследователей, в настоящее время, несмотря на публичное неприятие, в Российской Федерации происходит либерализация отношения общества к наркотикам – допустимость употребления тех или иных веществ, но только при определённых

условиях. Неприятие «тяжёлых» наркотиков сменилось более лояльным отношением к другим, так называемым «новым» или «дизайнерским» наркотическим и психотропным веществам. Распространение стали получать так называемые «мягкие» модели потребления («статусное», «контролируемое»), не ведущие к быстрому выпадению из социума, но имеющие серьёзные социальные последствия, создавая иллюзию безопасности потребления, увеличивая тем самым процент скрытой наркотизации [1].

Среди видов наркотических средств, получивших сегодня наибольшее распространение на территории Российской Федерации, выделяются синтетические наркотики (N-метилэфедрон, метамфетамин, метадон, мефедрон, МДМА, ?-рвр, психотропных вещества амфетаминового ряда), наркотики каннабисной группы (марихуана, гашиш, конопля) и кокаин.

О существенном нарастании незаконного оборота синтетических наркотиков в последние годы сообщается и в ежегодных докладах Европейского центра мониторинга наркотиков[22].

Появление все новых видов синтетических наркотиков и психоактивных веществ в первую очередь становится возможным за счет прогресса в деле химического синтеза. Для специалиста-химика не составит большого труда произвести синтез структурных аналогов уже известных наркотических или психотропных веществ. Путем изучения научной литературы, посвященной синтезу и проверке фармакологической активности новых соединений можно подобрать соединения, обладающие психоактивным действием. Так, первый синтетический катинон – мефедрон – был синтезирован в 1928 году в медицинских целях[23].

Простота и дешевизна производства многих синтетических веществ, отсутствие необходимости в дорогом химическом оборудовании, доступность исходных компонентов, медлительность юридической системы [15] – все это приводит к тому, что регулярно появляются новые синтетические психоактивные вещества, не попадающие под существующие меры контроля и поэтому определенное время сохраняющие свой легальный статус.

Создание новых синтетических психоактивных веществ идет по двум направлениям. Во-первых, с помощью химического синтеза

удаётся получать вещества, психоактивные свойства которых проявляются апостериорно – первоначально эти вещества создавались для других целей (например: метадон, амфетамин, МДМА). Второе направление связано с целенаправленной переделкой ранее известных психоактивных веществ, при которой они сохраняют или даже усиливают свои прежние свойства, но имеют отличающуюся от изначальной химическую структуру. Здесь речь идет о так называемых «дизайнерских» наркотиках.

Среди специфических факторов, определяющих криминогенную обстановку на территории России, связанную с наркопреступностью, выделим:

- разработка новых видов синтетических наркотиков, рост объемов их мирового производства;
- увеличение незаконного производства синтетических наркотиков на территории Российской Федерации, использование современных информационно-коммуникационных технологий для их распространения;
- расширение практики использования для организации каналов контрабанды наркотиков международной почтовой связи и возможностей организаций, специализирующихся на международной доставке грузов;
- распространение наркотиков, изготовленных из местного растительного сырья, и злоупотребление лекарственными средствами с психоактивным действием, находящимися в свободной продаже;
- использование при незаконном обороте наркотиков и их прекурсоров новых видов финансовых инструментов и денежных суррогатов;
- недостаточная эффективность организации профилактической деятельности, комплексной реабилитации и ресоциализации больных наркоманией, неполное использование потенциала общественных объединений и религиозных организаций при реализации антинаркотической политики и профилактике немедицинского потребления наркотиков.

Помимо специфических факторов на нарко-ситуацию влияют и социально-экономические условия жизни общества, господствующие в нем

нравственные установки, а также психологические особенности конкретного индивида [3; 9; 11; 16; 17; 18; 19].

Замечено, что наркотизация и связанная с ней преступность имеют место, как в развивающихся странах, так и в государствах с передовой экономикой. Если в первых их наличие связано, прежде всего, с нищетой, безработицей, низким уровнем образования и медицинского обслуживания, то во-вторых – с проблемами свободного времяпрепровождения, досуга, межличностных отношений и личной ответственности. К сожалению, наркотизация общества исторически известна издавна, но продолжается еще более активно сегодня и в разных странах [4; 5].

С целью преодоления перечисленных факторов, влияющих на развитие наркоситуации в стране, необходимо принимать действенные меры, реализация которых возможна уже в настоящее время:

- подразделения линии НОН с учетом складывающейся оперативной обстановки целесообразно обеспечить высокотехнологичным инфокоммуникационным оборудованием, новейшими оперативно-техническими средствами и аппаратно-программными комплексами;
- образовательным организациям в системе МВД необходимо осуществлять разработку учебных программ и программ повышения квалификации для подготовки кадров, специализирующихся на противодействию распространению наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет; К сожалению, информационные системы наряду с положительной могут играть и отрицательную роль для человека и общества [6; 7; 8; 10; 13; 21].
- обязать собственников объектов, на которых расположены объявления о продаже наркотических средств и психотропных веществ, удалять последние и сообщать о данных фактах в правоохранительные органы. Неисполнение данной обязанности должно рассматриваться в качестве административного правонарушения;
- продолжить проведение профилактических бесед в образовательных учреждениях о последствиях потребления наркотических средств и психотропных веществ с приведением реальных примеров (с

возможностью визуализации) добавив в круг слушателей родителей и педагогов. В основу всей работы необходимо поставить профилактику наркопреступлений [14], а анализу наркоситуации в стране подходить всесторонне (комплексно) [20], учитывая российский и зарубежный опыт антикриминальной ресоциализации [2].

Реализация вышеназванных мер на практике позволит снизить уровень наркотизации и вовлеченности лиц в незаконный оборот наркотиков.

Подводя итог можно сказать, что в современной России незаконный оборот наркотиков характеризуется снижением общего числа зарегистрированных преступных, в тоже время увеличивается доля зарегистрированных

сбытовых составов, отмечается рост количества преступлений совершённых в составе группы лиц по предварительному сговору и в составе организованной группой и преступным сообществом, наблюдается тенденция замещения наркотиков растительного происхождения на синтетические наркотические средства, увеличение количества подпольных мест производства синтетических наркотиков, появление новых наркотических средств и психотропных веществ. В структуре сбытовых составов преобладающим способом совершения преступлений стал «бесконтактный» сбыт. В ближайшие годы, указанные тенденции развития наркоситуации характерные для последних лет сохраняют свою актуальность.

Список литературы

1. Приказ от 02.11.2015 № 389/536/98/1041/668/7796н/1280/663/990/2206 ФСКН России, Генпрокуратуры России, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, Минобороны России, МИД России, Минздрава России, Минобрнауки России, ФСБ России, ФСИН России, ФТС России «Об утверждении форм межведомственной статистической отчетности о результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков». // <http://docs.cntd.ru/document/420330087>.
2. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминальная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. - № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
3. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ): Научное издание. – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 128 с. – (Серия «Общество и наркомания: социальная опасность»),
4. Захарцев С.И., Кильдюшева О.А., Кондратьева А.Н., Сальников М.В. Наркотические вещества и отношение к ним в религиозных и правовых нормах в период древности и Средневековья: от разрешения к запрету // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 169-178.
5. Захарцев С.И., Кильдюшева О.А., Кондратьева А.Н., Сальников М.В. Наркотические вещества в античности и средневековье: начало страшного пути // Наркоконтроль. – 2016. – № 2. – С. 25-30.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1(17). – С. 62-70.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право в XXI веке в контексте запрограммированной жизни, информационных технологий и правосудия // Информационное право. – 2020. – № 3(65). – С. 9-15.
9. Корчагин О.Н., Чирков Д.К., Числов А.И. Совершенствование уголовно-правовой политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 123-131.
10. Критика цифрового разума / Главн. редактор В.В. Савчук. – СПб.: Академия исследования культуры, 2020. – 295 с.
11. Наркотики в России: преступления и расследование. Научное издание / Александров А.И., Айнбиндер М.Я., Афанасьев В.В., Бабаханян Р.В., Бурданова В.С., Бушуев Е.С., Владимиров В.Ю., Жигульская Г.Ф., Кузьминых К.С., Казанков С.П., Михайлов В.И., Никитин Л.Н., Роганов С.А., Федоров А.В., Шахматов А.В. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Фонд «Университет»;

- Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности, 1999. – 425 с.
12. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Новые тенденции наркотизации как риски социального характера // Вестник Института социологии. – 2018. – № 24. – С. 115-139.
 13. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
 14. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. - № 4(95). – С. 30-31.
 15. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
 16. Федоров А.В. Наркотизм и наркопреступность // Наркоконтроль. – 2018. – № 4. – С. 3-12.
 17. Федоров А.В. Наркопреступность периода пандемии // Наркоконтроль. – 2020. – № 3. – С. 6-9.
 18. Федоров А.В. Допинг и наркотики // Наркоконтроль. – 2017. - № 2(47). – С. 10-21.
 19. Федоров А.В. Семена мака – пищевой продукт или наркотик? // Наркоконтроль. - 2016. - № 1(42). – С. 30-34.
 20. Федоров А.В., Шахматов А.В. Комплексный подход профессора В.П. Сальникова к изучению правовых вопросов противодействия наркопреступности: к юбилею ученого // Наркоконтроль. – 2016. - № 3(44). – С. 39-44.
 21. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
 22. European Monitoring Centre For Drugs and Drug Addiction, EMCDDA – Europol 3013 Annual Report on the implementation of Council Decision 2005/387/JHA? Implementation reports, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2014 // URL:http://www.emcdda.europa.eu/attachements.cfm/att_229598_EN_TDAN14001ENN.pdf
 23. Prosser J.M., Nelson L.S. The toxicology of bath salt^ a review of synthetic cathinones.// J. Med. Toxicol. 2012. V.8.P. 33-42

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: shtevnin.i@gmail.com

ЗВЕРЬКОВА Алевтина Вячеславовна,
факультет подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: azvierkova@mail.ru

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, Государственный советник юстиции 1 класса (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ И ПРОКУРОРОМ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ)

***Аннотация.** Рассматриваются актуальные проблемы взаимодействия руководителя следственного органа со следователем и прокурором. Анализируются изменения полномочий прокурора и руководителя следственного органа.*

***Ключевые слова:** досудебное производство; контроль; полномочия прокурора; полномочия следователя; прокурор; руководитель следственного органа; следователь; следственный орган; суд.*

**BEZRYADIN V.I.
ZVERKOVA A.V.
KONDRAT I.N.**

INTERACTION OF THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY WITH THE INVESTIGATOR AND THE PROCEEDINGS (SOME PROBLEMATIC ISSUES)

***The summary.** Actual problems of the interaction of the head of the investigative body with the investigator and the prosecutor are examined. The author analyzes the changes in the powers of the prosecutor and the head of the investigative body.*

***Key words:** pre-trial proceedings; control; powers of the prosecutor; powers of the investigator; prosecutor; head of the investigative body; investigator; investigative body; court.*

Взаимодействие руководителя следственного органа и следователя есть не что иное, как совместная процессуальная деятельность указанных официальных субъектов, объединенная общностью целей и задач, на основе которой происходит их воздействие друг на друга и складываются определенные уголовно-процессуальные правоотношения [16, стр. 73].

В связи с изменениями в Российском уголовно-процессуальное законодательство в 2007 г., появилась новая, наделенная большими организационными и процессуальными полномочиями процессуальная фигура в качестве руководителя следственного органа [5]. Эти же изменения расширили полномочия следователя, сократили права и изменили полномочия прокурора [4] по отношению предварительного следствия [13].

Вышесказанное не говорит о том, что следователь, которому поручается расследование наиболее тяжких преступлений, действует без какого-либо контроля. По-прежнему сохраняется прокурорский надзор за законностью процессуальной деятельности органов предварительного следствия [19, стр. 220-229], усиливается ведомственный процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа [19, стр. 229-233] и остается в тех же рамках вневедомственный судебный контроль за этим видом деятельности [19, стр. 233-236], который установлен законодателем для досудебного производства в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч.2 ст.29 УПК РФ) [2].

Как известно, следователь – это должностное лицо, обладающее значительными властными полномочиями и осуществляющее предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, отнесенным законом к его подследственности [3; 14]. В связи с этим он вправе возбуждать уголовное дело во всех случаях, когда для этого имеются достаточные поводы и основания. Он принимает дело к своему производству и приступает к расследованию, самостоятельно направляет ход расследования. При этом несет личную персональную ответственность за законность и обоснованность производства следственных действий.

При определенных обстоятельствах, следователь обращается в суд за судебным разрешением на производство следственных действий. В таких случаях, только суд правомочен разрешить ему осматривать жилище при отсутствии согласия

проживающих в нем совершеннолетних лиц, производить обыск и выемку в жилище, личный обыск, выемку предметов и документов, содержащих государственную тайну или информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, арестовывать имущество и денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, временно отстранять подозреваемого или обвиняемого от должности, контролировать и записывать телефонные и иные переговоры.

В некоторых исключительных случаях возникают чрезвычайные ситуации, когда следователь не имеет возможности получить у суда санкцию на производство следственного действия. Чаще всего это происходит при осмотре жилища в ночное время или во время неотложного обыска. Тогда в соответствии с законом подобные следственные действия проводятся по постановлению следователя. Однако в дальнейшем незамедлительно его результаты обязательно им представляются суду для проверки законности и обоснованности производства данного следственного действия. Если в ходе проверки суд установит, что достаточных оснований для производства данного следственного действия не было, то результаты этого следственного действия будут признаны судом недопустимыми для принятия процессуального решения по уголовному делу и утрачивают юридическую силу,[6].

Следователь также не уполномочен без разрешения суда арестовать подозреваемого или обвиняемого, избрав меру пресечения в виде заключения под стражу. Без санкции суда невозможно избрание домашнего ареста и залога. Только суд в установленном законом порядке вправе продлить срок содержания под стражей в ходе досудебного производства, поместить подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы.

Действия следователя при определенных обстоятельствах могут быть обжалованы в суд, который обязан рассмотреть поданную жалобу, принять по ней процессуальное решение, о нём известить.

При производстве расследования по

уголовному делу следователь работает в тесном взаимодействии с органами дознания. Он может давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий [10; 11; 12; 17], производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, других следственных действий, получать содействие при их проведении.

По уголовно-процессуальному законодательству современной России следователь поставлен под тройной процессуальный надзор и контроль: в лице руководителя следственного органа (ведомственный процессуальный контроль), прокурора (процессуальный надзор) и суда (вневедомственный судебный контроль). Как видно, в данной ситуации так называемая процессуальная самостоятельность следователя стала пониматься как независимость следователя от органов государственной власти и местного самоуправления, политических и общественных объединений и т.д., но не собственно как его независимость от руководителя следственного органа, а главным образом, от прокурора и суда при производстве предварительного следствия. До внесения изменений в 2007 г. в новый УПК РФ законодатель предоставлял прокурору и начальнику следственного органа по отношению к следователю ряд одинаковых прав, что приводило в какой-то мере к дублированию их полномочий и неизбежно – к ограничению процессуальной самостоятельности следователя.

Как уже было отмечено выше, на современном этапе по действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации руководитель следственного органа наделен организационными и процессуальными полномочиями, которые распространяются на следователей, работающих под уголовно-процессуальным руководством. Наряду с этим он вправе непосредственно исполнять функцию следователя и лично расследовать уголовное дело, приняв его к своему производству [7, стр. 77].

Руководитель следственного органа получил ряд процессуальных прав, которые по ранее действующему законодательству принадлежали прокурору.

В современных условиях руководитель следственного органа, обладая значительными

властными полномочиями, поручает производство предварительного следствия одному или нескольким следователям, передает при наличии оснований уголовное дело от одного следователя другому, создает следственную группу, меняет в случае необходимости ее состав.

Наряду с этим, он проверяет материалы уголовного дела, отменяет незаконные или необоснованные постановления следователя, дает следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения. Он также имеет право отстранить следователя от дальнейшего производства по уголовному делу, если установит, что следователь нарушает закон.

Следователь при определенных обстоятельствах вправе лишь с согласия руководителя следственного органа обратиться в суд с ходатайством об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения.

Законодатель также предоставил право руководителю следственного органа продлевать срок предварительного следствия, утверждать постановления следователя о прекращении уголовного дела, возвращать следователю уголовное дело со своими указаниями для дополнительного расследования.

Указания руководителя следственного органа по уголовному делу даются в письменном виде и обязательны для исполнения следователем.

Однако они могут быть обжалованы следователем руководителю вышестоящего следственного органа, но, как правило, без приостановления их исполнения. Исключение составляют лишь случаи, когда указания относятся к вопросам, касающимся так называемой процессуальной самостоятельности следователя, его внутреннего убеждения или ограничений конституционных прав личности, а именно: изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также направления

дела в суд или его прекращения. И только в единственном случае обжалование указаний вообще не допускается, а если руководитель следственного органа согласился с требованиями прокурора об устранении нарушений законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, и дает следователю письменные указания об исполнении этих требований (ч. 4 ст.39 УПК РФ). Данный запрет на обжалование распространяется и на вопросы, по которым в иной ситуации следователь вправе был бы приостановить исполнение указаний руководителя следственного органа (ч.3 ст.39 УПК РФ). По-видимому, законодатель исходит из того, что солидарность прокурора и руководителя следственного органа по вопросу о необходимости устранения допущенных следователем нарушений сама по себе уже служит достаточной гарантией правильности указаний, данных следователю, а всякое их обжалование со стороны последнего излишне [20].

Действующее законодательство наделило руководителя следственного органа самыми широкими полномочиями по ведомственному, процессуальному контролю за деятельностью следователя. Он вправе не только отменять незаконные и (или) необоснованные постановления следователя, но и:

- 1) давать ему указания по делам, находящимся в его производстве;
- 2) поручать проведение следствия по конкретному делу, а также изымать дело из производства одного следователя и передавать другому;
- 3) разрешать продление срока следствия, а также обращение в суд с ходатайством о применении меры пресечения или проведении следственного действия, для которого требуется судебное решение и другие [9, стр. 15].

Таким образом, руководитель следственного органа и следователь очень тесно взаимодействуют друг с другом в уголовно-процессуальном поле. Он ни в коей мере не лишает следователя процессуальной самостоятельности. Имеются указания руководителя следственного органа, которые носят решающий для уголовного дела характер. Если следователь с ними не согласен, то он вправе обжаловать их вышестоящего следственного органа.

За законностью в процессуальных действиях и решениях следователя продолжает надзирать

прокурор. Его полномочия в отношении предварительного следствия, на наш взгляд обоснованы значительно сократились в пользу руководителя следственного органа с учётом конституционного принципа о разделении на законодательную, исполнительную, исполнительную и судебную власти (ст.10 Конституции Российской Федерации) [1]. Тем самым, следователь получил большую процессуальную самостоятельность.

В свою очередь прокурор направляет в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании материалы по фактам нарушения федерального законодательства, которые он выявил в процессе осуществления прокурорского надзора, требует от следственных органов устранения выявленных им нарушений закона, допущенных в ходе предварительного следствия [8]. Он утверждает обвинительное заключение, которым следователь завершает предварительное расследование по уголовному делу. При утверждении данного итогового процессуального заключения, он может возвращать уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для составления нового обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Следователь вправе не выполнять указания прокурора, если он с ними не согласен. В этом случае он представляет свои письменные возражения своему непосредственному руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора (ст. 38 УПК РФ). Действия и решения прокурора с согласия руководителя следственного органа могут быть обжалованы следователем вышестоящему прокурору.

В уголовно-процессуальных правоотношениях следователя и надзирающего за законностью расследования уголовных дел прокурора руководитель следственного органа занимает особое место. Именно он дает следователю согласие на обжалование указаний прокурора, которые тот может дать при утверждении обвинительного заключения по делу. Эти процессуальные решения прокурора следователь с согласия руководителя следственного органа может обжаловать вышестоящему прокурору, при несогласии с его решением – Генеральному прокурору Российской Федерации [15].

Руководитель следственного органа также рассматривает требования прокурора об устранении нарушений федерального закона, допущенные в ходе предварительного следствия, и письменные возражения следователя. Он дает письменные указания следователю об исполнении требований прокурора, либо информирует прокурора о несогласии с его требованиями (ст. 39 УПК РФ).

Итак, не прокурор рассматривает и разрешает возникающие между следователем и руководителем следственного органа разногласия, а руководитель следственного органа разрешает эти коллизии. Следователь, в случае необходимости, вправе обратиться в вышестоящий следственный орган [18].

Таким образом, между руководителем следственного органа, следователем и прокурором

постоянно происходит взаимодействие строго на уголовно-процессуальной основе. Несмотря на то, что в результате судебно-правовой реформы в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации в 2007 году, произошло отделение прокурора от следствия, что придало реальную значимость следователю и руководителю следственного органа, перераспределение властных процессуальных полномочий в сфере предварительного следствия между следователем, прокурором и руководителем следственного органа образует достаточно сложную и гибкую систему «сдержек и противовесов», позволяющую, при необходимости, активизировать роль любого из трех активных официальных участников уголовного судопроизводства на современном этапе развития государства Российского.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2019.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2019.
4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изменениями по состоянию на 25 декабря 2008 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
5. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 17 октября 2014 г. № 89 «Об объеме процессуальных полномочиях руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – № 272. – 28 ноября
6. Алексеев И.М. К вопросу о сущности и ведомственном понимании некоторых полномочий руководителя следственного органа // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 106-110.
7. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный. 14-е издание, дополненное и переработанное. – М.: Проспект, 2019. – 608 с.
8. Безрядин В.И. Контроль и надзор в досудебном уголовно-процессуальном судопроизводстве: Монография. – СПб.: СПб ун-та МВД России, 2019. – 264 с.
9. Даньшина Л. И. О реформировании организационных структур по уголовным делам // Официальные материалы для бухгалтера. Комментарии и консультации. 2008. – № 9. – С. 30-33.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философско-научный взгляд на оперативно-розыскную деятельность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 179-190.
11. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
12. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
13. Калиновский К.Б. Коррекционное толкование отдельных положений законов о внесении изменений в УПК РФ // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 91-97.
14. Корнакова С.В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы и реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1. – С.131-121.
15. Насонова И.А., Моругина Н.А. Роль руководителя следственного органа при осуществлении функции руководства процессуальной деятельностью следователя при расследовании преступлений // Вестник Воронежского ин-та МВД России. – 2008. – № 3. – С.18-20.

16. Насонова И.А., Морунина Н.А. Руководитель следственного органа в системе обеспечения права на защиту участников уголовного процесса: Монография. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2011. – 153 с.
17. Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / А.И. Бастрыкин, В.М. Егоршин, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, И.Н. Кондрат, Д.В. Ривман, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин, А.В. Шахматов; под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
18. Победкин А.В., Калинин В.Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 года // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 48-58.
19. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд.; перераб и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 с. – (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»).
20. Шугурова Е.И., Лизин О.В. Взаимоотношения следователя, руководителя следственного органа, прокурора: проблемы уголовно-процессуального законодательства // Мир науки и образования. – 2016. – № 1(5).

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

ОЧЕРЕДЬКО Виктор Пантелеевич,
профессор кафедры государственно-правовых
дисциплин Северо-Западного филиала Россий-
ского государственного университета право-
судия, доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации (г. Санкт-Петербург,
Россия)

E-mail: ocheredkovp@mail.ru

СКОРИК Даниил Дмитриевич,
факультет подготовки специалистов для судебной
системы Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия
(г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: daniil.skorik.98@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и
государстве

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ

***Аннотация.** Рассматриваются предпосылки создания института присяжных заседателей в России, его деятельность на разных этапах развития страны. Судебная реформа рассматривается через призму общественно-политической ситуации в России середины-конца XIX века.*

Печатается в соответствии с участием в Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

***Ключевые слова:** Судебная реформа 1864 года; суд присяжных; Судебные уставы; принципы судопроизводства.*

**OCHEREDKO V.P.
SKORIK D.D.**

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF JURORS IN RUSSIA

***The summary.** The prerequisites for the establishment of the institute of jurors in Russia, its activities at different stages of the country's development are considered. Judicial reform is viewed through the prism of the socio-political situation in Russia in the mid-late 19th century.*

Published in accordance with participation in the International Scientific and Practical

Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Modernity", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *Judicial reform of 1864; jury trial; Judicial Charters; principles of legal proceedings.*

Независимая судебная власть, важнейший элемент которой составляет суд с участием присяжных заседателей, является фундаментальной основой демократического правового государства, продекларированного в Конституции Российской Федерации.

В текущем году отмечается знаменательная дата – 155 лет Судебной реформы в России – важнейшей части проводимых в России в царствование Александра II преобразований. Учреждение суда присяжных стало составным элементом реформы.

Дореформенная судебная система России, как и порядок судопроизводства, были громоздкими и запутанными. Общее состояние российского суда не являлось правосудным, не отвечало принципам гуманизма и справедливости. Так, процедура судебного разбирательства не предусматривала допросов подсудимых, свидетелей, истцов и ответчиков. Они даже не допускались в зал суда, не говоря уже о публике и журналистах. Отсутствовало устное судопроизводство как таковое: судьи выносили вердикты на основании предоставленных сторонами или полицией документов. Такая профессия, как адвокат, просто не существовала. Можно ли говорить о состязательности суда при таких условиях?

Несмотря на запрет пыток в 1801 г., следователи по-прежнему считали признание обвиняемого «царицей доказательств» и добивались его любыми средствами: «По свидетельству сенатора А.Д. Ровинского, – пишет А.Ф. Кони, – в Москве существовали «клоповники» и совершенно темные ямы, называвшиеся «аскольдовы могилы», куда сажали несознавших обвиняемых и откуда они часто выходили слепыми. Кормление соленой селедкой «не в виде пытки» составляло любимый прием следственных органов того времени» [15].

Историко-правовая наука характеризует дореформенное судопроизводство как суд «волоки и вымогательства». Так, в отчете министра

юстиции за 1863 г. указывалось, что по состоянию на 1 января 1864 г. «из числа неоконченных дел находились в производстве более 20 лет 561 дело, более 15 лет – 1466, более 10 лет – 6758 дел» [4, стр. 58]. Свидетельством повсеместного распространения взяточничества в судах может служить тот факт, что даже министр юстиции России граф В.Н. Панин «составляя рядную запись в пользу своей дочери в петербургском уездном суде, вынужден был в силу обычая дать 100 рублей надсмотрщику, в руках которого находилось это дело» [5, стр. 215].

Формальное признание равенства всех перед законом и судом, провозглашенное отменой крепостного права в России в 1861 г., усугубило кризис системы российского правосудия и явилось толчком для его реформирования: возникла необходимость законодательного закрепления действительного равноправия в суде. Иначе «крепостное право могло бы фактически возродиться в тысяче разнообразных форм и видах, если бы крестьяне и помещики... не были поставлены перед лицом равного для обоих и беспристрастного суда» [7, стр. 26].

Начало Судебной реформы можно датировать 1862 г., когда пост министра юстиции занял либерал Д.Н. Замятнин [10], сформировавший комиссию по подготовке Судебных уставов [20]. Тогда же впервые было инициировано создание в России суда присяжных. На общем собрании соединенного департамента Государственного совета в апреле 1862 г. «суд присяжных и важнейшие институты судебного права прошли единогласно» [9, стр. 52]. К компетенциям присяжных были отнесены решения о виновности или невиновности, к компетенциям профессиональных судей – определение наказаний. 29 сентября 1862 г. императором были утверждены основные положения судебной реформы. А 20 ноября 1864 г. были подписаны Судебные уставы Российской империи, одним из которых, Уставом уголовного

судопроизводства, был законодательно закреплён институт присяжных. Следует отметить, что вступление Уставов в законную силу произошло только 19 октября 1865 г., с утверждением Александром II Положения о введении в действие судебных уставов (в Положении прописывалось постепенное введение Судебных уставов в действие, начиная с 1866 г.) [21].

К компетенциям суда присяжных Уставом уголовного судопроизводства были отнесены «дела о преступлениях или проступках, за которые в законе положены наказания, соединённые с лишением или ограничением прав состояния» [27, стр. 196]. В судебном процессе появились состязательность и открытость, с введением института адвокатуры обвиняемые получили право на защиту (ораторское искусство было введено обязательной дисциплиной на юридических факультетах). Анатолий Федорович Кони являлся убежденным защитником суда присяжных, утверждая, например, что «суд присяжных разметал по сторонам тот ворох бумаг, докладов, протоколов, проектов резолюций и т.п., под которыми был прежде погребён живой человек, становившийся лишь номером дела» [26, стр. 148].

Таким образом, к причинам появления в 1864 г. в Российской системе судопроизводства института присяжных заседателей следует отнести, во-первых, отмену крепостного права и, как следствие, необходимость обеспечения всеобщего равенства перед законом и перед судом, во-вторых, потребность создания независимой судебной власти, демократизации и гуманизации судебной системы, искоренения коррупции и волокиты.

Суд присяжных заседателей образца 1864 г., состоящий из двух-трех профессиональных судей и 12 присяжных, временно призванных в суд для решения вопроса о виновности подсудимого исключительно на основе своего жизненного опыта и чувства справедливости, явившись средством правосознания общества, оказался слишком демократичным для России, превращаясь, подчас в арену политической борьбы, подрывая самые устои власти. Адвокаты получали легальную открытую трибуну для проведения своих прогрессивных взглядов методами риторической аргументации (заметьте, Цицерон называл аргумент рассуждением, которое «вещь сомнительную делает достоверной»),

прокуроры же выступали в качестве представителей интересов власти. Оправдательный вердикт 12 апреля 1878 г. по делу о ранении Верой Засулич Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова – показательный пример. Словами князя В.П. Мещерского, «оправдание Засулич происходило как будто в каком-то ужасном кошмарном сне, никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной империи такое страшное глумление над государственными высшими слугами и столь наглое торжество крамолы» [14, стр. 14]. Оправдательный приговор стоил карьеры как председательствующему судье Анатолию Федоровичу Кони, отказавшемуся склонить присяжных к обвинительному вердикту, так и представлявшему интересы Засулич П.А. Александрову, заявившему в своей речи: «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко – только одновременно высказанное учение преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время» [24, стр. 292]. Суд присяжных неожиданно для царской власти приобрел политическую окраску, неприемлемую для существовавшего режима. Кроме того, суд встал на позицию уважительного отношения к подсудимому как к личности, вне зависимости от его социального статуса. Это одно из проявлений демократического характера суда присяжных, принципов равенства, справедливости, презумпции невиновности. Но это и явилось причиной неуютности суда присяжных власти, его создавшей.

Прямым следствием оправдательного приговора Вере Засулич можно считать принятие уже 9 мая 1878 г. закона «О временном изменении подсудности и порядка производства по некоторым преступлениям» [22], а вслед за ним до 1889 г. более десяти временных и постоянных законов, значительно изменивших законодательство о суде присяжных в сторону сужения круга полномочий. К компетенциям суда присяжных больше не относились дела о неповиновении представителям власти, об убийстве или покушении на убийство должностных лиц, об оскорблении чиновников, о каких-либо насильственных действиях по отношению к представителям власти. Увеличивались полномочия

военного суда: министр внутренних дел или генерал-губернатор получили право передавать на его рассмотрение любые дела, при этом дела о государственных преступлениях подлежали рассмотрению «всегда при закрытых дверях». Цифры красноречивы: за период с 1878 по 1890 г. закрытыми военными судами были рассмотрены 93 «политических» дела из 148 [18, стр. 99].

Указом от 7 июля 1889 года ограничилась роль присяжных заседателей в суде путем изъятия из их юрисдикции ряда дел. Закон от 12 июля 1889 года, отменил отделение судебной власти о административной и практически ликвидировал бессловный состав судов. Мировые суды были упразднены, судебные полномочия получили земские начальники, а ими могли быть лишь дворяне. С.Н. Терпигорев писал: «Мне кажется, что мировых посредников правильнее всего было сравнить с привилегированными помещиками, почему-то сохранившими за собой... крепостное право. Они, каждый в своем участке, положительно восстановили, разумеется, для себя лично, крепостное право» [25, стр. 318]. Открылись нескольких десятков окружных судов, в которых не было суда присяжных заседателей. Таким образом, справедливость, гласность и состязательность судопроизводства были практически уничтожены. Фактически был создан новый суд присяжных, принципиально отличающийся от подобного института образца 1864 года.

Период с 1878 по 1889 гг. в историко-правовой науке носит название «судебной контрреформы». Ее концепция сформулирована Б.В. Виленским, контрреформа определяется как «принятие ряда нормативных актов, которыми были фактически перечеркнуты основные демократические институты Судебных уставов 20 ноября 1864 года» [6, стр. 257]. К.П. Победоносцев, главный идеолог контрреформ, в 1885 г. в записке Александру III отмечал: «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия... От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение суда в России. Трудно достигнуть этого разом, но можно достигнуть постепенно,

изъемя один за другим разряды уголовных дел из ведения присяжных» [13, стр. 508].

Декретом «О суде» [8] от 24 ноября 1917 г. институт присяжных заседателей был упразднен как буржуазная форма суда, не соответствующая потребностям социалистического общества.

Возрождение в России спустя 74 года института присяжных заседателей было обусловлено курсом на построение демократического правового государства, неотъемлемым элементом которого является надежно и справедливо защищающее права и свободы гражданина в уголовном процессе судопроизводство. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «признание права каждого лица на разбирательство его дела судом присяжных» [19, стр. 27] закреплено одним из важнейших направлений судебной реформы.

Основной целью возрождения института присяжных заседателей в современной России является формирование в его лице средства разрешения в рамках судебной власти и с помощью процессуального законодательства нестандартных ситуаций, когда из-за тяжести возможных последствий опаснее нарушить принцип справедливости, нежели абстрактную правовую норму. Словами Анатолия Федоровича Кони, «по важнейшим делам судебная власть зовет к себе в помощь общество, в лице присяжных заседателей, – и говорит этим обществу: «Я сделала все, что могла, чтобы выяснить злое дело человека, ставимого мною на твой суд, – теперь скажи свое слово самообороны или укажи мне, что, ограждая тебя, я ошибалась в его виновности» [15]. Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей сегодня является одним из неотъемлемых конституционных прав гражданина, гарантирующих демократичность судебного процесса. Следовательно, функционирование, развитие и совершенствование суда присяжных свидетельствует о формировании и развитии правового гражданского общества в России.

В то же время будет справедливым отметить, что сегодня в научной литературе ведется дискуссия по поводу суда присяжных в современной России [2; 3; 11; 12; 16; 28] и неоднозначно оценивается соответствующее решение суда присяжных по делу Веры Засулич [1; 17; 23].

Список литературы

1. Балан В.П., Литвинов Н.Д., Числов А.И. А.Ф. Кони, Вера Засулич и терроризм в Российской империи конца XIX – начала XX века // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 11. – С. 15-37.
2. Баркалова Е.В. Правовое и научное наследие А.Ф. Кони и вопросы совершенствования современного российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 10. – С. 150-157.
3. Бастрькин А.И. Суд присяжных в России: мечты и реальность // *Время и право*. – 2003. – № 5.
4. Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. – М.: Манускрипт, 1992. – 149 с.
5. Бочкарев В.Н. Дореформенный суд // *Судебная реформа*. – М.: Книгоизд-во «Объединение», 1915. – С. 205-241.
6. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. – 400 с.
7. Гессен И.В. Судебная реформа. – СПб.: Кн. изд-во П. П. Гершунина и К, 1905. – [4], 267 с.
8. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957. – 640 с.
9. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (К 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. – М.: тип. М.П. Щепкина, 1891. – XVI, 364, 52 с.
10. Джаншиев Г.А. Роль Д.Н. Замятина в судебной реформе. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1882. – [2], 16 с.
11. Захарцев С.И. Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // *Мир политики и социологии*. – 2013. – № 9. – С. 144-151.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Суд присяжных как один из итогов реформы 1864 года: плюсы и минусы // *Юридическая наука: история и современность*. – 2020. – № 1. – С. 135-145.
13. К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки / С предисл. М. Н. Покровского. Т. 1. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 439 с., [6] л. факс.
14. Кайль А.В. «Гражданин» князя В.П. Мещерского // *Известия Саратовского университета*. – 2011. – Том 11. – № 1. – С. 8-15.
15. А.Ф. Кони Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – 544 с.
16. Кравченко А.А. А.Ф. Кони и суд присяжных // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 6. – С. 176-178.
17. Литвинов Н.Д., Журавель В.П., Числов А.И. «Хождение в народ», как форма нетрадиционной (гибридной) антироссийской войны Запада // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 3. – С. 162-184.
18. Немытина М. В. Применение судебных уставов 1864 года // *Буржуазные реформы в России второй половины XIX в.* – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1988. – 138 с.
19. Нормативные материалы о судьях и суде присяжных. – М.: Юрид. лит., 1994. – 112 с.
20. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
21. Полное Собрание Законов. – Собр. 2. – Т. 40. – № 42587.
22. Полное Собрание Законов. – Собр. 2. – Т. 80. – № 58488.
23. Свербиль О.С. Современная уголовно-правовая квалификация содеянного В. Засулич // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 3. – С. 96-98.
24. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / Сост. С.М. Казанцев. – Л.: Лениздат, 1991. – 512 с., ил.
25. Терпигорев С.Н. Собр. соч. Т. 1. – СПб.: А.Ф. Маркс, 1882. – XXXII, 494 с., 1 л. фронт. (портр.).
26. Традиции адвокатской этики. Избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.) / Сост.: Елисеев И.В., Панкратов Р.Ю.; Предисл.: Тарло Е.Г. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 370 с.
27. Устав уголовного судопроизводства // *Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8.* – М.: Юрид. лит., 1991. – 496 с.
28. Шадрин Е.Г. Современные аспекты реформы суда присяжных в России // *Юридическая наука: история и современность*. – 2019. – № 1. – С. 165-171.

БОРОДИН Виктор Васильевич,
профессор кафедры конституционного и между-
народного права юридического института Санкт-
Петербургского университета технологий управ-
ления и экономики, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист Российской
Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: vitya.borodin.56@list.ru

ИОНОВ Владимир Владимирович,
аспирант кафедры конституционного и междуна-
родного права юридического института Санкт-
Петербургского университета технологий управ-
ления и экономики (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Ionov-advokat@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятель-
ность; прокурорская деятельность, правоза-
щитная и правоохранительная деятельность

АДВОКАТУРА КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация.** Анализируется место адвокатуры в системе государственных и обществен-
ных институтов, ее юридическая природа, правозащитная деятельность и оказываемые
юридические услуги. Юридические услуги как разновидность предпринимательской деятель-
ности. Рассматривается адвокатура как специфическая коммерческая организация,
оказывающая услуги, являющиеся разновидностью предпринимательской деятельности.*

***Ключевые слова:** легитимное понятие адвокатуры; независимость адвокатуры;
адвокатура – не структурный элемент государственного органа.*

BORODIN V.V.
IONOV V.V.

ADVOCACY AS A CIVIL SOCIETY INSTITUTION

***The summary.** The place of the legal profession in the system of state and public institutions,
its legal nature, human rights activities and legal services provided are analyzed. Legal services as
a type of entrepreneurial activity. The Bar is considered as a specific commercial organization that
provides services that are a kind of entrepreneurial activity.*

***Key words:** legitimate concept of the legal profession; independence of the legal profession;
the legal profession is not a structural element of a state body.*

Нынешнее и историческое положение адвока-
туры в системе государственных и общественных
институтов многократно и кропотливо исследо-
валось целым рядом авторов в последние деся-
тилетия [11; 13; 14; 15; 16; 18; 28; 39; 48]. Тем
не менее, место этого института в социальной

системе и, в частности, в государственном меха-
низме все еще требует уточнения. Причина тому
– многогранность правового статуса адвока-
туры, неоднозначность в ряде правовых поло-
жений и формулировок, отражающих этот статус.
Так, в научной литературе можно встретить

утверждение о том, что понятие адвокатуры, сформулированное в действующем законодательстве, неполное, требует теоретического осмысления [41]. В науке, публицистике, художественной литературе понятие «адвокатура» употребляется не всегда в одинаковом значении.

К примеру, Ю.И. Стецовский утверждал, что адвокатура – судебно-вспомогательное учреждение [44, стр. 29]. Однако, следует признать, что по своей юридической природе суд и адвокатура различны, отличаются по содержанию и объему также деятельность суда и адвокатуры: адвокатская деятельность в содержательном плане намного шире, чем деятельность суда.

Иногда адвокатура ассоциируется с общественной организацией (объединением) [45, стр. 117-118]. Однако, на адвокатуру возложена конституционно значимая функция оказания юридической помощи, при этом адвокатура не выбирает функции по своему усмотрению, как это делают общественные объединения, а выполняет функцию, определенную государством. Перечень прав и обязанностей адвокатов, их специфических правовой статус, отношения с клиентами в отдельных случаях противоречат задачам общественного объединения.

Общественное объединение является добровольным формированием [4]. Между тем в ч. 1 ст. 29 Закона об адвокатуре сказано, что членство в адвокатской палате субъекта является обязательным. Важное отличие между общественными объединениями и адвокатурой заключается именно в том, что принцип добровольности неприменим к профессиональному сообществу адвокатов. Это положение Закона было предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, где суд подтвердил соответствие Конституции РФ указанной нормы [9].

В отдельных случаях возникает представление о коммерческом характере адвокатской деятельности, при этом последняя воспринимается как разновидность услуг [38, стр. 30-31]. Однако, коммерческим институтом адвокатура быть не может, поскольку призвана оказывать юридическую помощь, действуя в правозащитной сфере. О том, что отождествлять юридическую помощь и юридическую услугу не следует, многократно высказывались различные авторы. На наш взгляд, особенно удачными являются выводы В.В. Ивановой о том, что юридическая помощь отлична от юридических услуг. В частности,

автор выделила следующие отличия [29]:

- 1) услуга всегда возмездная, юридическая помощь может быть безвозмездной;
- 2) для услуги крайне важен определенный результат, оказание юридической помощи предполагает положительный итог, но гарантии такого результата не предоставляются;
- 3) неполучение юридической помощи более опасно, поскольку лицо нуждалось в помощи, неполучение услуги таким вредом не сопровождается, хотя и может привести к негативным эмоциям, ухудшению материального положения;
- 4) оказание услуги контролируется потребителем, юридическая помощь не подлежит контролю;
- 5) юридические услуги – это разновидность предпринимательской деятельности, но законодатель прямо предписывает в Законе об адвокатуре, что адвокатская деятельность не является предпринимательской (п. 2 ст. 1).

В энциклопедическом юридическом словаре адвокатура определена как «добровольное объединение лиц, занимающихся адвокатской деятельностью» [52, стр. 12]. При таком понимании адвокатуры она походит на общественное объединение, потому оно выглядит слишком узким. По крайней мере, мы не имеем возможности установить место адвокатуры в государственном механизме. Обратим внимание, что представленная дефиниция была сформулирована ещё до вступления в силу действующего Закона об адвокатуре, что и объясняет столь усеченное понимание исследуемого института.

С позиции социологов адвокатура выглядит как специфическая некоммерческая организация, тем не менее, являющаяся частью механизма реализации государственной власти. При этом адвокатура, в отличие от иных субъектов реализации государственной власти, при выполнении своей публичной функции, реализации властных полномочий, не использует принуждение [49]. Здесь выражена важная мысль о том, что, несмотря на свой негосударственный характер, адвокатура реализует государственные функции и задачи, однако этот подход потребует последующих уточнений.

Все указанные выше подходы к определению правовой природы адвокатуры не совпадают с

официальной трактовкой такой природы, данной в действующем законодательстве. Целесообразно обратиться к его нормам для уяснения легитимного понятия адвокатуры.

Часть 1 ст. 3 Закона об адвокатуре, признает адвокатурой профессиональное сообщество адвокатов, являющееся институтом гражданского общества, не входящее в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления [2]. Это легитимная трактовка института адвокатуры. И она такова, что адвокатура характеризуется как институт гражданского общества, а это означает, что современная российская адвокатура – негосударственная организация, не орган государственной власти, а одна из составляющих системы современных государственных институтов гражданского общества. Если следовать этой трактовке, адвокатура вовсе не является структурным элементом государственного механизма. Такие положения Закона об адвокатуре объясняются стремлением законодателя подчеркнуть независимость института адвокатуры от государства.

Заметим, что адвокатура стала первым и остается единственным напрямую названным в федеральном законодательстве институтом гражданского общества. Как отмечает П. Баренбойм, «определение адвокатуры в ст. 3 Закона об адвокатуре в качестве института гражданского общества подчеркивает, с одной стороны, равенство адвокатуры и государства в смысле ст. 19 Конституции РФ, а с другой – независимость адвокатуры от государства и обязанность государства обеспечить независимость адвокатуры в рамках выполнения обязанности государства по защите прав граждан, предписанной ст. 2 Конституции РФ» [17]. С данным тезисом следует согласиться, действительно, на сегодняшний день конституционно-правовые основания деятельности адвокатуры как института именно гражданского общества имеют важнейшее значение, хотя, на наш взгляд, еще не вполне осознанное российским обществом.

Однако, по нашему мнению, полностью отграничить адвокатуру от государственного механизма невозможно. Если так, то какова роль адвокатуры в этом механизме?

О том, что положения Закона об адвокатуре не полностью раскрывают её правовую природу и роль в государственном механизме, пишут многие авторы. Но позиции их относительно

данного вопроса неодинаковы.

Крайняя позиция созвучна с общей линией, принизывающей весь Закон об адвокатуре. Так, Е.В. Судоргина и А.В. Черемисина указывают: «Адвокатура – важнейший элемент правозащитной системы общества, негосударственное добровольное профессиональное объединение квалифицированных юристов, созданное для оказания юридической помощи физическими юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и законных интересов» [46]. По мнению авторов, адвокатуру и государство нужно сравнивать и сопоставлять как равнозначные социальные институты, деятельность которых направлена на единственно значимую цель-защиту прав и свобод человека. Близкой к этому позиции придерживается А.П. Галоганов [22, стр. 2]. Характеризуя место адвокатуры в современной правовой системе России с учётом конституционных положений и международного опыта, автор представляет его как один из способов самоограничения государственной власти, посредством которого создается институт гражданского общества, способствующий полноценной реализации и защите гражданами своих прав и свобод. В целом правовой статус адвокатуры автор рассматривает как элемент основных прав и свобод человека и гражданина.

А.М. Исамагомедов и Р.А. Клименко так же придерживаются указанной позиции, отмечая, что адвокатура имеет черты института гражданского общества и публичной власти, сочетает в себе их черты. В своей совокупности такие черты придают адвокатуре свойства ограниченной публичной власти. Последняя не является государственной властью [30].

В представленной позиции отрицается какая бы то ни было роль адвокатуры в государственном механизме, подчеркивается независимость адвокатуры, её принадлежность к институтам гражданского общества, но при этом обосновывается двойственность её статуса как института гражданского общества и как публично-правового образования.

Противоположная позиция относительно места адвокатуры в государственном механизме заключается в признании адвокатуры «институтом третьей власти» (наряду с прокуратурой) [36]. По мнению авторов данного подхода, адвокатура, как прокуратура и суды, играет ведущую роль в правоохранительном механизме

государства, защиты и охраны жизненных ценностей и благ личности. По своей сложной природе, соединяющей черты общественных и государственных институтов, она примыкает к государственным правоохранительным органам [41]. В этом смысле адвокатура – специфический правоохранительный орган, что и предопределяет ее правоохранную роль. Н.В. Каплина, называя адвокатуру правоохранительным органом, обосновывает такой вывод тем, что организация ее деятельности построена на помощи гражданам и юридическим лицам в охране их прав от посягательств или их возможностей [31].

Несколько иной подход к роли адвокатуры в государственном механизме демонстрирует следующая группа авторов. Размышляя о функциях адвокатуры, её предназначении, они напоминают о положениях Конституции РФ, гарантирующих защиту прав человека и гражданина в России (ч. 1 ст. 45), а также судебную защиту таких прав (ст. 46). В дополнение к этому вспомним уже упомянутую ст. 48 Конституции, где гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи. Процессуальное законодательство основную роль в защите граждан, в том числе на бесплатной для граждан основе, в досудебном и судебном уголовном процессе отводит именно адвокату. Следовательно, последняя реализует гарантируемую государством деятельность государственного значения, а потому имеющую публично-правовой характер. Именно на такой характер деятельности адвокатуры указывает Конституционный суд РФ в одном из своих постановлений: «Будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, адвокат осуществляет деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи» [6].

А.П. Добрева в связи с этим пишет: «Если говорить о характере упомянутых в решении Конституционного Суда РФ публичных функций, прежде всего, стоит отметить, что данные функции являются по своей сути государственными, поскольку именно государство гарантирует право на квалифицированную юридическую помощь» [26, стр. 4].

Государство делегирует часть своих правоохранительных функций отдельным негосударственным образованиям, что отражено в

позициях Конституционного Суда РФ. Например, в Постановлении от 18 июля 2012 г. № 19-П Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «отдельные публично значимые функции могут быть возложены законодателем и на иные субъекты, не относящиеся к системе публичной власти» [7]. Продолжая анализировать решения Конституционного Суда РФ, можно сделать вывод, что адвокатура также является данным субъектом. При этом публичные функции – это «направления деятельности различных субъектов, главным образом государства и муниципальных образований, по удовлетворению публичного, то есть общественного, интереса, признанного и охраняемого государством» [27, стр. 7].

Таким образом, следующая позиция относительно места адвокатуры в государственном механизме такова: законодатель особенно подчеркивает негосударственный характер данного института, несмотря на исполнение им государственных по своему характеру публичных функций, что позволяет говорить о «дуальном» правовом статусе института адвокатуры. Следовательно, с одной стороны адвокатура – структура, независимая от государства, с другой – реализующая государственные функции [26, стр. 6].

Последняя из трех представленных позиций наиболее нам близка, но она требует существенных уточнений.

В последние годы в науке неоднократно затрагивался вопрос о двойственном положении адвокатуры. Авторы признают, что адвокатура необходима государству как структура, реализующая общегосударственные функции, в силу чего обладающая публично-правовым статусом. Обозначенная двойственность объясняется дуализмом самой адвокатской деятельности [51, стр. 19]. Дело в том, что в деятельности адвокатуры при оказании юридической помощи одновременно присутствуют и частный, и публичный интерес (интерес общества в целом). Публичный интерес выражается в установлении режима законности, своевременном пресечении нарушений прав и свобод граждан, восстановлении нарушенного права и предупреждении таких нарушений в будущем. Деятельность адвокатуры напрямую связана с антикриминальной ресоциализацией [19] и общей профилактикой преступлений [43].

Мы согласны с мнением К.Ю. Суrowова, призывающего при уяснении роли адвокатуры учитывать не только конституционные положения о правах человека, их гарантиях, охране и защите, но и общетеоретический и межотраслевой анализ норм об адвокатской деятельности [47].

На наш взгляд, разночтения в определении места адвокатуры в государственном механизме определяются целой совокупностью факторов, формирующих уникальность этого социально-правового института.

Среди таких факторов, прежде всего, легитимная трактовка адвокатуры как института гражданского общества. Последнее на протяжении веков выступает необходимым признаком цивилизованного демократического общества. Гражданское общество – такая совокупность общественных институтов, которая в условиях рыночных отношений и частной собственности обеспечивает решение социальных проблем при минимальном вмешательстве государства [23, стр. 73; 20, стр. 133-140; 24; 25; 32; 33; 35; 37; 40; 42; 50; 53]. Еще раз подчеркнем, что законодатель впервые придает статус элемента гражданского какого-либо институту, нормативно закрепив такое положение. Цели и задачи адвокатуры призвано определять само гражданское общество. Принадлежность адвокатуры к структурам гражданского общества означает её служение праву, самому гражданскому обществу, в чем и заключается стратегическая цель адвокатуры.

Адвокатура является в соответствии с законом профессиональным объединением юристов, созданным с целью служения людям. Смысл её деятельности состоит в оказании юридической помощи всем, кто в ней нуждается.

Это институт профессиональной защиты и представительства, один из субъектов оказания юридической помощи, обладающий среди иных таких субъектов явным приоритетом. Именно адвокатура призвана реализовывать конституционное право личности на квалифицированную юридическую помощь. Никакая иная негосударственная организация не заявлена для осуществления столь важных государственных функций.

Адвокатура – это еще и публично-правовой институт, функции которого значимы для общества и государства. Частноправовые и публично-правовые начала смешиваются в адвокатуру,

при этом приоритет следует отдавать именно публично-правовым началам, поскольку у адвокатуры – особая роль в осуществлении судопроизводства и защите прав, свобод и интересов граждан и организаций. В этом отношении мы согласны с Ю. Пилипенко, который указывает, что когда отдается приоритет частноправовым началам, искажается суть адвокатской деятельности и размывается значение адвокатуры как публично-правового института. У всякого явления – свое предназначение [12].

Публично-правовой характер адвокатуры не означает нахождения её в составе государственного механизма или восприятие её как части правоохранительной системы государства. Принадлежность адвокатуры к государственному механизму лишает её базового принципа её деятельности – независимости, без которой исчезает вера в объективность адвоката, в его профессионализм и честность. В условиях включения адвокатуры в государственный механизм, подчинения её Министерству юстиции, адвокатура теряет возможность реализовывать свою защитительную функцию надлежащим образом. Поэтому, как это и следует из норм ст. 3 Закона об адвокатуре, адвокатура из ряда органов государственной власти однозначно исключается.

Неверно будет понимать адвокатуру и как организацию, сообщество, которое решает государственные задачи, не будучи включенной в механизм государства. Не случайно первоначальные проекты Закона об адвокатуре в качестве одной из задач адвокатуры включали содействие в укреплении законности и правопорядка, но такая формулировка задач принята не была. Дело в том, что укрепление законности и правопорядка – это функция самого государства, реализуемая правоохранительными органами, которые финансируются государством. Не может адвокатура и помогать государству в осуществлении данной функции. Она – вовсе не агент государства в рамках правоохранительной деятельности. В ином случае адвокатура не сможет находиться на стороне гражданина, которого государство преследует.

Вспомним, что рассмотренном нами ранее Положении об адвокатуре 1980 г. адвокатская деятельность была определена как форма или даже придаток правоохранительной деятельности, что следовало из задач советской адвокатуры.

При уяснении роли адвокатуры в обществе подчеркнем, что «публичная» функция адвокатуры не тождественна «государственной» функции. Публично-правовой характер адвокатуры лишь подчеркивает важность для общества её функции, притом, что эта функция (оказание квалифицированной юридической помощи) признана общественно значимой самим государством.

Отделяя адвокатуру от государства, признавая за ней выполнение публичных функций, мы не можем оставить без разъяснения вопрос о взаимоотношениях адвокатуры и государства. Закон об адвокатуре напрямую заявляет, что адвокатура государству и его органам не подчиняется. Но полная автономия в функционировании адвокатуры как социально-правового института невозможна. С.Н. Братановский по этому поводу замечает, что адвокатура – независимая корпорация, но её деятельность подвергается определенному государственному управляющему воздействию, которое не равнозначно прямому государственному вмешательству [21].

Законодатель определил систему взаимных обязанностей адвокатуры и государства, места соприкосновения их взаимных интересов. Так, по отношению к адвокатуре государство осуществляет:

- нормативное регулирование её деятельности (ч. 2 ст. 3, ст. 4);
- ведет региональный реестр адвокатов (это функция территориального органа федерального органа исполнительной власти в области юстиции), вносит в него изменения (ст. ст. 14, 15);
- определяет порядок ведения, указанного реестра (это полномочие федерального органа юстиции (ст. 14);
- обеспечивает гарантии независимости адвоката (ч. 3 ст. 3, ст. 18);
- осуществляет социальное обеспечение адвокатов (ч. 4 ст. 3);
- финансирует деятельность адвокатов по оказанию бесплатной юридической помощи (ч. 3 ст. 3, ст. 26);
- выделяет при необходимости служебные помещения и средства связи адвокатам (ч. 3 ст. 3, ст. 24);
- участвует в квалификационных комиссиях адвокатских палат (ст. 33);
- вносит представление в адвокатскую палату с требованием прекратить статус адвоката, если есть сведения о наличии оснований для прекращения статуса адвоката (ч. 6 ст. 17),
- при отсутствии решения совета адвокатской палаты через три месяца со дня поступления соответствующего представления, обращается по тому же поводу с иском в суд (ч. 6 ст. 17);
- производит налоговый учет доходов адвокатов и производимых ими отчислений в страховые фонды [1];
- работает со списками адвокатов тех коллегий, что были образованы до введения в действие Закона об адвокатуре, проверяет сведения о них и документы, вносит в реестр сведения об адвокатах и публикует в региональных СМИ списки адвокатов (ст. 40);
- регистрирует общественные объединения адвокатов;
- проводит вместе с президиумами коллегий адвокатов учредительные собрания (конференции) адвокатов на региональном уровне (ст. 41);
- регистрирует адвокатские структуры [3];
- утверждает форму ордера на исполнение адвокатом поручения клиента (ч. 2 ст. 6);
- утверждает форму адвокатского удостоверения и выдает эти удостоверения адвокатам (ст. 15);
- утверждает форму соглашения об оказании бесплатной юридической помощи адвокатами, которые участвуют в государственной системе бесплатной юридической помощи;
- устанавливает требования к форме, правилам оформления и направления адвокатского запроса;
- осуществляет на территории России контроль и надзор за соблюдением адвокатами и адвокатскими образованиями законодательства [5];
- определяет порядок страхования риска ответственности адвоката (ст. 19);
- требует созвать внеочередное собрание (конференцию) адвокатов (ч. 4 ст. 31);
- участвует в работе комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам;
- руководит реорганизационными

процедурами во время создания адвокатских палат.

Как видим, в данном случае отсутствует административное управление институтом адвокатуры со стороны государства. Исключение составляют налоговый учет и государственная регистрация, определение форм удостоверения и ордера. Независимость адвокатуры такие полномочиями государства не нарушается. Так, налогообложение и необходимость регистрации адвокатских образований общеобязательны для всех организаций в стране.

Государство утверждает форму удостоверения и ордера с целью обеспечить единообразие этих документов на всей российской территории. Это не отнимает у адвокатуры независимость, как и выдача и подписание удостоверений адвокатов, что осуществляют руководители органов юстиции.

Контрольные и надзорные полномочия государства в сфере адвокатуры заключаются, помимо всего прочего, в выработке обязательных для исполнения нормативно-правовых актов, на основании которых адвокатура осуществляет публичные функции обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь. Помимо этого государство может наделять адвокатуру властными полномочиями по изданию нормативных правовых актов в сфере адвокатуры. При этом данные полномочия не являются государственными. Они являются именно властными полномочиями органов адвокатского самоуправления и распространяются исключительно на членов профессионального сообщества адвокатов.

Предупреждая возможность несоразмерного вмешательства государства в деятельность адвокатуры, не обусловленного ее публично значимыми функциями, Конституционный Суд РФ также отметил, что право федерального законодателя определять в законе принципы внутренней организации их деятельности ограничено необходимостью обеспечения баланса между государственно-властными и внутрикорпоративными началами регулирования деятельности адвокатских палат [8].

Следует признать, что заложенные в законодательстве положения свидетельствуют равноправных отношениях государства и адвокатура. Как субъекты этих отношений государство и адвокатура выступают равными партнерами. О

подчинении адвокатуры государству речи нет. А.Г. Кучерена, верно замечает, что государство должно регулировать лишь принципиальные вопросы деятельности адвокатуры, все остальное должно определяться «внутрикорпоративными правилами и стандартами – кодексами адвокатской этики» [34].

С учетом уже высказанных ранее соображений именно такие взаимоотношения государства и адвокатуры позволяют получить в лице адвокатуры саморазвивающийся институт гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что все сделанные нами выводы основаны лишь на формально-юридическом анализе общих положений Закона об адвокатуре. Однако, одной лишь декларации независимости адвокатуры от государства недостаточно, преждевременно делать общий вывод о том, насколько на практике реализуется принцип независимости адвокатуры, не подвергнув анализу весь комплекс норм, регулирующих адвокатскую деятельность. К этому вопросу мы вернемся в следующем параграфе нашего исследования.

А пока заметим, что, исключив адвокатуру из числа государственных органов, признав её равноправным партнером государства, мы, тем не менее, не решаем проблему укрепления статуса адвокатуры в стране. При этом важно, чтобы адвокатура была ничуть не меньше значимой, чем суд или прокуратура. Повысить статус адвокатуры до уровня суда или прокуратуры невозможно, без изменения конституционных норм. Как известно, Конституция РФ не включает в себя норм о статусе адвокатуры, что, на наш взгляд, принижает значимость адвокатуры как института гражданского общества. Конституция России не включила адвокатуру в политическую систему, что говорит о недооценке адвокатуры как института политической системы. Вспомним, что Конституция СССР 1977 года [10] закрепляла конституционный статус адвокатуры в лице действовавших коллегий адвокатов, что уравнивало её со стороной обвинения в уголовном процессе в лице прокуратуры. Недостаток действующей Конституции РФ, обошедшей молчание вопрос о статусе адвокатуры, исследователи зачастую объясняют стремлением законодателя подчеркнуть все ту же независимость адвокатуры от государства, в связи с чем важна отсылка института адвокатуры к

профильному закону, где и закреплены статус адвокатуры, и степень его важности, и выполняемые функции. Думается, это не лучший способ сделать адвокатуру сильной и значимой. Напрашивается аналогия с институтом местного самоуправления, который также был принижён в своем значении и статусе по причине формулировки ст. 12 Конституции РФ, заявившей, что органы местного самоуправления не относятся к государственным. При этом составители Конституции РФ тоже заявляли, что хотели подчеркнуть независимость института местного самоуправления.

Итак, окончательно урегулированным нормативно социально-правовой статус российской адвокатуры признать нельзя, если иметь в виду, что на конституционном уровне он по-прежнему не регламентирован.

Поскольку же по инициативе Президента РФ 1 июля 2020 года в результате общероссийского голосования были внесены поправки в Конституцию РФ, можно вести речь о необходимости урегулировать также в Конституции и статус адвокатуры. Считаю необходимым переименовать главу 7 Конституции РФ, дав ей наименование «Судебная власть. Прокуратура. Адвокатура».

В данной главе выделить отдельную статью следующего названия и содержания:

«Адвокатура.

1. Адвокатура является корпорацией профессионалов, институтом гражданского общества, самоуправляющейся неправительственной организацией.

2. Адвокатура является гарантом права на квалифицированную юридическую помощь».

Закрепление этих положений в Конституции РФ поставят адвокатуру в равное положение с государственной правоохранительной системой.

Вышеприведенный анализ современного статуса адвокатуры показывает, что она является социально-правовым институтом, который соединяет в себе признаки профессиональной, общественной, корпоративной и публичной организации, поэтому такой институт не поддается четкой классификации.

Она определяется законодателем как независимый институт гражданского общества, который призван оказывать квалифицированную юридическую помощь неограниченному кругу физических и юридических лиц, при этом адвокатура входит в систему гражданского общества и выполняет определённые публичные функции, тесно контактирует с государством.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. – М., 2019.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
3. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.
4. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 2 июня 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
5. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (ред. от 31.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 42. – Ст. 4108.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7682.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4470.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трунова Игоря Леонидовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»» // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26012017-n-211-o/>

9. Определение Конституционного Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 782-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Николая Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2010. – № 3.
10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
11. Адвокатура в России: Учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. В.И. Сергеева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2019. - 548 с.
12. Адвокатура: Учебник для бакалавров (2-е издание, переработанное и дополненное) / Отв. ред. Ю.С. Пилипенко. – М.: Проспект, 2018. – 360 с.
13. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
14. Анисимов В.Ф. Правовые основы адвокатской деятельности и адвокатуры: Учебное пособие. – Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2011. – 207 с.
15. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Принципы деятельности российской адвокатуры // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 22-25.
16. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Российская адвокатура: общая характеристика и принципы правозащитной деятельности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 97-108.
17. Баренбойм П. Конституционные задачи адвокатуры как института гражданского общества // Адвокатская газета. – 2018. – № 24.
18. Баршевский М.Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. – М.: Юристъ, 2012.
19. Бастрькин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. - № 3. – С. 371-378. DOI:10.17150/2500-4255 2020.14(3).371-378.
20. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
21. Братановский С.Н. Административное право. Особенная часть: Учебник. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 503 с.
22. Галоганов А.П. Правовой статус адвокатуры: российская законодательная модель и конституционный принцип обеспечения прав человека. Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2011. – 520 с.
23. Горошук С.О., Зеленский П.А. Гражданское общество и государство: современные проблемы взаимодействия. // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – № 4. – С. 72-77.
24. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
25. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
26. Добрева А.П. Публичная функция адвокатуры // Адвокатская практика. – 2017. – № 4. – С. 3-7.
27. Жилина С.Б. Правовое обеспечение исполнения коммерческими банками публичных функций в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – 28 с.
28. Иванов А.В. Направления совершенствования правореализующей деятельности в адвокатуре // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 135-137.
29. Иванова В.В. Адвокатская деятельность: услуга или юридическая помощь? // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 2. – С. 26-31.
30. Исамагомедов А.М., Клименко Р.А. Проблемы совершенствования адвокатской деятельности и правового регулирования адвокатуры в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2017. – Том 32. – Вып. 2. – С. 51-56.
31. Каплина Н.В. Адвокатура в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина современной России // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России: Сборник научных статей / Под общ. ред. Фотиной Л.В. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 257-271. – в сб. 428 с.
32. Костыря Е.А. Развитие партнерских отношений полиции и институтов гражданского общества в сфере обеспечения криминологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 97-103.
33. Кузнецова А.П. Принцип правовой защищенности как важное условие развития гражданского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 62-66.
34. Кучерена А.Г. Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. – М., 2002. – 44 с.
35. Маков Б.В., Быков К.В. Принципы взаимодействия гражданского общества, государства и правоохранительных

- органов как элемент национальной идеи // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 62-67. – в сб. 170 с.
36. Мартынчик Е. Г. Публичная роль адвокатуры и ролевые функции адвоката в состязательном уголовном процессе: теория, закон, совершенствование правовых регламентаций // *Адвокатская практика*. – 2010. – № 4. – С 39-45.
37. Онышук И.И. Участие институтов гражданского общества в правовом мониторинге как средство минимизации коррупциогенных факторов // *Мир политики и социологии*. – 2015. – № 1. – С. 76-85.
38. Орлов А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере оказания юридических услуг: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 174 с.
39. Поляков И.В. Современная российская адвокатура: профессиональная и квалифицированная защита прав и свобод граждан // *Мир политики и социологии*. – 2014. – № 10. – С. 93-97.
40. Рогожевский Е.И. Формирование институтов гражданского общества современной России в условиях централизации // *Юридическая наука: история и современность*. – 2012. – № 2. – С. 41-43.
41. Руденко Ю. М. Понятие и правовые основы адвокатуры Российской Федерации, ее взаимоотношение с государственными органами // *Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата*. – 2009. – № 1. – С. 14-22.
42. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // *Ученые записки юридического факультета*. – 1997. – № 2. – С. 10.
43. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // *Защита и безопасность*. – 2020. - № 4(95). – С. 30-31.
44. Стецовский Ю.И. Советская адвокатура. – М.: Высшая школа, 1989. – 304 с.
45. Строгович М.С. Суд и адвокатура // Конституционные основы правосудия в СССР / Ларин А.М., Мельников А.А., Петрухин И.Л., Савицкий В.М., и др.; Под ред.: Савицкий В.М. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
46. Судоргина Е.В., Черемисина А.В. Адвокатура как публично-правовой институт гражданского общества современной России // *Вопросы российского и международного права*. – 2019. – № 1. – Т.9. – С. 97-104.
47. Суrowова К.Ю. Адвокатская деятельность: содержание, виды (теоретико-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 30 с.
48. Тимошков С.Н. Типовая структура современной адвокатской речи // *Юридическая наука: история и современность*. – 2015. – № 7. – С. 138-144.
49. Толчеев М. Материалы форума молодых адвокатов и наставников «Профессиональная этика адвоката: от декларации до философии жизни». 02.06.2019 // https://apro.fparf.ru/news/all_news/detail/67897
50. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // *Правовое поле современной экономики*. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
51. Шалкина Е.В. Актуальные направления развития отечественной адвокатуры как социально-правового института. // *Вестник науки и творчества*. – 2019. – № 4 – С. 16-19.
52. Энциклопедический юридический словарь / Под общей ред. В.Е. Крутских. – М.: Инфра-М, 2000. – 368 с.
53. Юбин И.Г. Гражданское общество, правовое государство и социально-правовой идеал в России // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 68-72. – в сб. 170 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

НОВИКОВА Мария Михайловна,
магистрант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: st059785@student.spbu.ru

Специальность 12.00.10 – Международное право. Европейское право

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ ДЛИТЕЛЬНОЕ НЕИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ

***Аннотация.** Для каждой судебной структуры особую значимость представляет исполнимость вынесенных решений. Анализируются особенности реализации решений Европейского суда по правам человека, которые принимаются по жалобам на неисполнение Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950). На основании данных статистики поднимаются вопросы ответственности за неисполнение решений суда и исследуются особенности позиции России относительно неисполнения отдельных решений ЕСПЧ.*

***Ключевые слова:** Европейский суд по правам человека; решение Европейского суда по правам человека; исполнимость решения; ответственность за неисполнение.*

NOVIKOVA M.M.

STATE RESPONSIBILITY FOR NON-COMPLIANCE OR LONG-TERM NON-COMPLIANCE WITH ECtHR DECISIONS

***The summary.** For each judicial structure, the enforceability of the decisions rendered is of particular importance. In this article, the author studies the specifics of the implementation of decisions of the European court of human rights, which are taken on complaints of non-compliance with the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms (Rome, 1950) based on statistical data. The questions of responsibility for non-execution of court decisions are raised and the specifics of Russia's position on non-execution of certain ECtHR decisions are analyzed.*

***Key words:** European court of human rights; decision of the European court of human rights; enforceability of the decision; liability for non-performance.*

Вклад Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) (Страсбург, 1959) в защиту прав человека на территории Европы за время его деятельности сложно переоценить.

ЕСПЧ является международным судебным

органом, чья юрисдикция распространяется на все государства, которые являются членами Совета Европы (далее – СЕ) и ратифицировали Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод [4]. К его компетенции

отнесено рассмотрение любых вопросов, которые касаются толкования и применения Конвенции, в том числе им рассматриваются межгосударственные договоры, если они распространены на Россию.

Значительное число граждан стран Европы, и в том числе россиян, активно обращаются в ЕСПЧ, желая восстановить справедливость, что подтверждает высокую степень их доверия к Конвенционной правовой системе. Государства-участники Конвенции должны всемерно обеспечивать ее работоспособность и исполнять решения ЕСПЧ. Данный подход определен конвенционально: восстановление прав заявителей как результат судебного разбирательства согласно ст. 6 вышеупомянутой Конвенции возможно исключительно посредством исполнения решений ЕСПЧ своевременно и в полном объеме.

ЕСПЧ как судебный орган радикально отличается от национальных судебных органов, действующих на внутригосударственном уровне в странах-участницах Конвенции. Основная специфика касается, во-первых, круга дел, которые подлежат рассмотрению ЕСПЧ – он ограничен исключительно случаями нарушения прав, прямо перечисленных в Конвенции и Протоколах к ней; во-вторых, ответчиком может выступать только государство-участник Конвенции, жалоба может быть подана исключительно на неправомерные действия его официальных властей, что ограничивает круг субъектов, участвующих в судебном разбирательстве; в-третьих, дела рассматриваются ЕСПЧ по особой процедуре; и, наконец, в-четвертых, необходимо отметить значимость решений суда по конкретному делу: нередко эти решения воздействуют не только на государство-ответчика по делу (для которого в силу Конвенции являются обязательными), но и на право и судебную практику других государств-участников Конвенции.

Ст. 46 вышеупомянутой Конвенции закрепили обязательная сила и исполнение постановлений ЕСПЧ всеми государствами, ратифицировавшими Конвенцию. Т. е. они добровольно приняли на себя обязанность исполнять любые окончательные постановления ЕСПЧ по любому делу, в котором они выступают сторонами.

Каждое решение, принятое ЕСПЧ, одновременно направляется в три адреса: заявителю (представителю заявителя), представителю

ответчика и в Комитет министров с указанием на обязанность ответчика информировать Комитет министров о полном и своевременном выполнении принятого ЕСПЧ решения. Таким образом каждое индивидуальное постановление, констатирующее факт нарушения государством-членом нормы Конвенции, выявленного на основании заявлений заинтересованных лиц, после вынесения решения суда подпадает под систематический контроль со стороны других участников, имеющих представительство в Комитете министров Совета Европы.

Вышеуказанной нормой ст. 46 Конвенции определен механизм реализации решений ЕСПЧ, каждое окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет контроль за его исполнением, а также при необходимости решает вопросы о его аутентичном толковании. В тех случаях, когда государство-участник по мнению Комитета министров отказывается подчиниться окончательному постановлению по делу, где выступило стороной, он вправе, после направления официального уведомления этой Стороне, и путем принятия решения большинством голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета, передать на рассмотрение Суда вопрос, не нарушила ли эта Сторона свое обязательство.

В случае, когда государство-ответчик отказывается исполнять решение ЕСПЧ после предъявленных требований, Комитет министров полномочен активировать процедуру против такого государства в Большой палате, целью которой является вынесение Европейским судом решения против государства, которое нарушило свои обязательства, в силу ст. 46 Конвенции. В рамках данной процедуры повторно не ставится вопрос о нарушении, по которому было принято решение при первом рассмотрении, а также не затрагивается вопрос выплат государствами-ответчиками денежных компенсаций. Обжалование уклонения от выполнения своих обязательств участником проводится как политическое давление. Вынесенное постановление после рассмотрения Большой палатой является, как правило, достаточным для исполнения первоначальных решений ЕСПЧ. Такого рода процедура обеспечивает выполнение решений, так как самая жесткая мера наказания в виде исключения государства из Совета Европы скорее всего будет

иметь деструктивный характер и не приведет к исполнению решения. За весь период действия Конвенции такая возможность Комитетом министров СЕ не использовалась ни разу.

Чаще всего национальные власти не исполняют решения ЕСПЧ, не делая об этом специальных заявлений. В случае установления факта нарушения такого рода, Комитет министров рассматривает меры, подлежащие принятию. Речь идет о возможности увеличения компенсации путем начисления неустойки: чем дольше решение ЕСПЧ не исполняется, тем может быть выше ее размер. Такое пилотное решение было принято, к примеру, по делу Бурдов против Российской Федерации, когда заявителю-ликвидатору Чернобыльской аварии по первоначальному постановлению ЕСПЧ 2002 года выплаты производились несвоевременно и не в полном объеме [6]. Чаще всего ответственность государства, не исполнившего решение ЕСПЧ, однако, приводит не к материальным, а репутационным издержкам.

Отметим, что есть ряд стран – участниц Конвенции, которые не исполнили подавляющее большинство принятых против них постановлений ЕСПЧ. К примеру, по состоянию на январь 2019 года, Азербайджан из принятых против него 203 постановлений исполнил только 3 (1,5 %), Россия из принятых против неё с 1998 года 2380 постановлений ЕСПЧ исполнила только 608 (25,5 %), из них 147 решений не исполняется свыше 5 лет [10].

Согласно ст. 3 Устава Совета Европы [5], каждое государство–член Совета Европы признает принципы верховенства права и защиты прав и основных свобод граждан, что и является основой для признания и исполнения решений ЕСПЧ в добровольном порядке.

Постановления ЕСПЧ обязательны к исполнению властями того государства, в отношении которого они вынесены, исключительно в силу его участия в Конвенции. Конвенцией конкретные меры ответственности, которые обеспечивали бы исполнимость решений суда, не предусмотрены. На практике, в силу сказанного, многие решения ЕСПЧ не исполняются в течение длительного периода времени (в том числе свыше 5 лет). Государство-ответчик может либо молча игнорировать решение, либо, что бывает гораздо реже, открыто отказаться от исполнения отдельных решений ЕСПЧ. Следует

отметить, что Комитет министров Совета Европы до 2017 года ни разу не констатировал факт неисполнения решения ЕСПЧ – тогда как в 2017 году о итогах ежеквартальной сессии по надзору за исполнением решений ЕСПЧ Комитетом было сделано заявление о неисполнении РФ решения ЕСПЧ по жалобе А. Навального по факту уголовного преследования оппозиционера по делу «Кировлеса» за деятельность, «не отличимую от предпринимательской». Российским властям было предложено срочно устранить последствия «произвольного и недобросовестного» осуждения политика – в частности, относительно запрета на участие в президентских выборах, однако, эта ситуация не нашла своего разрешения и по настоящее время.

Также следует отметить, что РФ – единственная страна–участник Конвенции, в которой в 2015 году возможность неисполнения решения ЕСПЧ была зафиксирована законодательно – путем внесения поправок в Федеральный закон О Конституционном Суде Российской Федерации (далее – КС РФ) [2]. В свою очередь КС РФ в ряде решений подтвердил право не исполнять решения ЕСПЧ при определенных обстоятельствах. Так, 14.07.2015 КС РФ вынес постановление, согласно которому исполнение Россией решений Европейского Суда по правам человека не является обязательным, если оно нарушает положения Конституции РФ [3]. КС РФ прямо указывает, что «решение ЕСПЧ не может быть исполнено, если толкование норм международного договора, на котором основано это решение, нарушает нормы Конституции России». Следует отметить, что принятию законодательной новеллы в России о возможности неисполнения решений ЕСПЧ предшествовала широкая дискуссия в научной литературе по поиску соответствующего решения [8; 9; 13; 14; 17; 18; 20; 21; 22; 26], что вызвало обращение группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Конституционный Суд РФ [3]. В конечном итоге был сформулирован тезис о необходимости соответствия решений ЕСПЧ нашим конституционным ценностям.

Заметим, что аналогичный российскому закону о КС РФ законопроект рассматривается также Национальной ассамблеей Республики Азербайджан.

Проведем анализ правовой природы данного

решения КС РФ и его последствий для РФ. В силу п.4 ст.15 Конституции РФ[1] закреплён приоритет международных договоров Российской Федерации над национальным законодательством. По мнению КС РФ, изложенном в вышеупомянутом Постановлении, «участие РФ в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ не могут отменять приоритет Конституции. Их практическая реализация в российской правовой системе возможна только при условии признания за Основным Законом нашей страны высшей юридической силы». То есть КС РФ утверждает, таким образом, приоритет национального законодательства над нормами международного права независимо от подписания Россией международных соглашений.

Отметим, что принятое КС РФ постановление, как мы уже обращали внимание, было инициировано депутатами Государственной Думы Федерального собрания РФ. Оно связывалось с решением ЕСПЧ по так называемому «делу Юкоса» (выплата €1,866 млрд.) [7]. Руководствуясь указанным выше постановлением КС РФ, Российская Федерация сочла возможным заявить об отказе в исполнении этого решения. В сущности, средств принуждения страны к исполнению решений ЕСПЧ у самого суда или Совета Европы нет, в отличие от суда в Гааге, который располагает полномочиями по аресту расположенного за рубежом имущества страны, допустившей нарушения. Комитет министров Совета Европы не имеет в своем распоряжении механизмов фактического принуждения к исполнению решений ЕСПЧ. Систематическое неисполнение решений ЕСПЧ, как было отмечено выше, в принципе может стать основанием для приостановки членства страны в Совете Европы или исключения ее из организации, однако в случае России этот механизм не работает, так как страна уже заявляла о своей готовности к выходу из Совета Европы.

Здесь необходимо заметить, что вопрос о конституционных ценностях в России был предметом детального обсуждения в период подготовки к Общероссийскому голосованию по поправкам к Конституции РФ 1 июля 2020 года. Он рассматривался на заседаниях Комиссии по подготовке голосования и вылился в проблему

исполнения в целом решений межгосударственных органов, если они (решения) входят в противоречие с российской Конституцией. Обсуждалась проблема в контексте суверенитета Российского государства [11; 12; 15; 16; 19; 23; 24; 25], исходя из положения о том, что Основной закон закрепляет защиту суверенитета как важную функцию российской власти. Было сформулировано правило, в соответствии с которым исполнять или нет решения межгосударственных органов, входящие в коллизию с российскими конституционными ценностями, решает Конституционный Суд Российской Федерации. Данное положение закрепила статья 125 Конституции РФ, которая с учетом поправок, принятых Общероссийским голосованием 1 июля 2020 года, сформулирована следующим образом :

«Конституционный Суд Российской Федерации... в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Надо отметить, что такая ситуация, однако, на сегодняшний день не приводит к серьезным проблемам для многих заявителей. Ситуации массового неисполнения решений ЕСПЧ нет, в России денежные средства для выплат по решениям закладываются в федеральный бюджет. Ежегодная сумма присужденных России выплат составляет €10-15 млн., в 2018 году число выплат с просроченным дедлайном за год выросло более чем втрое – с 50 в 2017 г. до 159 в 2018 г., как правило, проблемы с выплатой компенсаций традиционно начинаются в августе – сентябре, потому что запланированные в бюджете средства к этому времени заканчиваются, а для получения новых нужно, чтобы Минюст направил запрос в МИД, а тот, в свою очередь, запросил дополнительные ассигнования у Минфина. По сведениям Минюста в докладе по итогам деятельности за 2017 г. (самая свежая информация,

опубликованная на сайте министерства) в 2017 г. было выплачено свыше 900 млн. руб.[28].

Аппарат Уполномоченного РФ при Европейском суде спустя три месяца с момента вступления решения ЕСПЧ в законную силу (это может произойти и раньше) направляет заявителю письмо с просьбой открыть личный счет в банке. На него перечисляется указанная в решении Европейского суда сумма. Если непосредственно заявитель не имеет возможности производить банковские операции (поскольку отбывает наказание в местах лишения свободы), за него по нотариальной доверенности это вправе сделать родственник или представитель.

Выплаты денежных компенсаций осуществляются, как правило, в установленные конвенцией сроки, задержки в большинстве случаев связаны с несвоевременным предоставлением заявителями реквизитов банковских счетов или с отсутствием такой информации.

В то же время нельзя не указать на то, что не только власти РФ высказывали несогласие с отдельными решениями ЕСПЧ. В таком случае отказ исполнения решения ЕСПЧ национальные власти облачают, как правило, в форму уведомления ЕСПЧ и Комитета министров СЕ о том, что аналогичные нарушения, выявленные в решении ЕСПЧ, будут и впредь иметь место до «завершения внутренней законодательной реформы» (на практике такое «завершение» может длиться годами).

Также в 2017 году произошел единственный открытый конфликт, связанный с отказом исполнять решение ЕСПЧ: речь идет об отказе британского парламента в 2012 году предоставить избирательное право заключенным, в соответствии с решением ЕСПЧ по делу «Хирст против Великобритании». Соответственно, Верховный суд Великобритании в этом же году сформулировал условия, при которых можно не исполнять решение ЕСПЧ, вынесенное в отношении Великобритании: это возможно, когда имеется основание предполагать, что ЕСПЧ в ближайшем будущем будет того же мнения, что и британский суд либо когда позиция ЕСПЧ по правам человека является явно устаревшей. По мнению британского законодателя решения ЕСПЧ надо принимать во внимание, но следовать им только тогда, когда они не противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права. Следует придавать большее

значение позиции национального законодателя, который определил баланс прав и интересов иначе, чем ЕСПЧ [27, стр.467-477].

Отметим, что ранее и Федеральный конституционный суд Германии в деле «Гергулю против ФРГ» поставил Конституцию Германии выше, чем Европейская конвенция, указав немецким судам принимать во внимание это решение ЕСПЧ, не нарушая Конституции Германии. В итоге решение ЕСПЧ по «делу Гергулю» было все же исполнено с данной оговоркой, данный факт 2009 году констатирован Комитетом министров СЕ [27, стр.465].

Итак, как было отмечено выше, контрольная функция в сфере соблюдения обязательств, принятых на себя государствами-участниками, в силу положений Главы 4 Устава СЕ вменена Комитету министров, который является представительным органом участников конвенции. В том числе Комитет выполняет функцию контроля исполнения решений ЕСПЧ в части выплаты компенсаций и исправления расхождений правовых норм или судебных практик государства-участника с нормами СЕ. В случаях, когда контролем выявлен факт неисполнения или неполного исполнения решения ЕСПЧ, комитет имеет обязанность проинформировать о нем СЕ.

С момента передачи решения в секретариат Комитета министров СЕ на государство-ответчика возлагается обязанности предоставлять информацию о предпринятых действиях по исполнению, о ходе выплаты сумм компенсации, а также об общих мерах с целью выполнения принятого ЕСПЧ решения. В случае отсутствия ответа от обязанного государства Комитетом министров каждые 6 месяцев высылаются дополнительные запросы, в то же время Комитет не наделен правом определения сроков, в которые должны быть приняты необходимые меры.

Определение необходимых мер и предполагаемых графиков их принятия согласовываются на начальных этапах между секретариатом и государством-ответчиком с учетом интересов заявителя.

Полная и своевременная выплата денежных компенсаций заявителю, требования которого удовлетворены, отслеживается, как правило, его адвокатом. Также последний имеет право заявлять ходатайства о пересмотре или возобновлении судебного разбирательства в связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

Вопросы денежных компенсаций Кабинетом министров по большей части не обсуждаются, поскольку носят технический характер, при этом процесс выплаты часто сопряжен с трудностями. К примеру, выплата может не производиться в случаях, когда отсутствует контакт с заявителем или когда отсутствуют его банковские координаты в документах, которые направляются на рассмотрение в ЕСПЧ.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в последние годы результативность деятельности Европейского суда в контексте

самой возможности исполнения решений ЕСПЧ является предметом дискуссии. В целом обжалование в ЕСПЧ по-прежнему является эффективным механизмом для защиты нарушенных прав и законных интересов граждан и юридических лиц, в том случае если при рассмотрении дел в отношении них были нарушены нормы конвенции, однако, в отдельных случаях решения неисполнимы – как правило, речь идет о сугубо политизированных решениях, для них эффективного механизма выполнения, в сущности, не создано.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М., 2020.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-п. г. Санкт-Петербург. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2015. – № 6734. – 27 июля.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
5. Устав Совета Европы (ETS № 001) (Лондон, 5 мая 1949 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1390.
6. Постановление Европейского Суда по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» от 15.01.2009 // СПС Консультант Плюс: <https://http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=97098#06550413239346069/>
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 сентября 2011 г. Дело «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» (ОАО Neftyanaya Kompaniya «YUKOS») против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) // СПС Гарант: <https://www.garant.ru/p>
8. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6. – С. 113-127.
9. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
10. Европейский суд по правам человека. Статистика за 2018 г. // https://www.echr.coe.int/Documents/Facts_Figures_2018_ENG.pdf (дата обращения: 28.09.2020)
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
12. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11.
13. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы

- // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-11
14. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
 15. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
 16. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
 17. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
 18. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
 19. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 20. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
 21. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
 22. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 23-27. – в сб. 243 с.
 23. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
 24. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
 25. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.
 26. Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 145-150.
 27. Худoley К.М. Отказ от исполнения решений международных судебных органов по защите прав и свобод граждан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 38. – С. 466-467.
 28. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации: <https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/574/>

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: Fonduniver@bk.ru

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
профессор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: filippova@lotpp.ru

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
проректор Русской христианской гуманитарной академии по научной работе, доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия),

E-mail: dwm61@inbox.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

МОРОЗОВ Алексей Игоревич,
заместитель генерального директора «Лидер и К» (г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: n0055050@gmail.com

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ И БОГОСЛОВСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОНИМАНИЯ ПРАВА КАК ФОРМЫ РАЗЛИЧЕНИЯ ДОБРА И ЗЛА

Аннотация. Обращается внимание на то, что античное мышление, сфокусированное на проблему единства единого и многого, понимало абсолютное добро как идею всякого справедливого действия. Зло же понималось как нечто не субстанциональное, т.е. как то, что не является бытием в парменидовском значении. Зло в точном смысле этого слова не есть,

поскольку не может быть идеи зла. Христианское мышление, восприняв такую трактовку, развивает ее в дискурсе теодицеи: зла нет, поскольку мир сотворен Богом, несущим в себе начало абсолютного добра. Это содержание развивалось христианским мышлением в полемике с гностиками, утверждавшими, что добро и зло – это две равных субстанции мира. Решение проблемы безсубстанциальности зла требовало спекулятивной разработки идеи свободы и как ее основания – идеи субъективности, что мы находим в классической философии, которую рассматриваем как исходную точку суверенной российской философии права. Классическая философия дает средства мышления абсолютного добра и рефлексии зла как безсубстанционального субъекта.

Ключевые слова: право; лицо; субъект; свобода; добро; зло; философия права; комплексная доктрина права.

SAL'NIKOV V.P.
ISMAGILOV R.F.
MASLENNIKOV D.V.
ZAKHARTSEV S.I.
MOROZOV A.I.

TO THE QUESTION OF THE PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL PREREQUISITES FOR UNDERSTANDING LAW AS A FORM OF DISTINGUISHING BETWEEN GOOD AND EVIL

The summary. Ancient thinking, focused on the problem of the unity of the one and the many, understood absolute goodness as the idea of any just action. Evil was understood as something not substantial, i.e. as that which is not being in the Parmenidean sense. Evil in the exact sense of this word is not, because there can be no idea of evil. Christian thinking, having perceived this interpretation, develops it in the discourse of theodicy: there is no evil, since the world was created by God, who carries the beginning of absolute goodness. This content was developed by Christian thinking in polemics with the Gnostics, who asserted that good and evil are two equal substances of the world. Solving the problem of the non-substantiality of evil required the speculative development of the idea of freedom and, as its foundation, the idea of subjectivity, which we find in classical philosophy, which we consider as the starting point of the sovereign Russian philosophy of law. Classical philosophy provides a means of thinking of absolute good and reflection of evil as a non-substantial subject.

Key words: law; face; subject; freedom; good; evil; philosophy of law; comprehend doctrine of law.

Идея права как нормативной формы взаимодействия между лицами на основе принципа свободы является продуктом христианского мышления, с которым впервые в мир приходит понятие лица как особого субъекта социальных отношений и понятие свободы как возможности нравственного выбора между добром и злом [21].

Христианское мышление в целом воспринимает подход, заложенный в идеалистической философии Платона и Аристотеля. Однако оно многократно усиливает то, что в античной

философии присутствовало лишь вскользь, намеком, а именно: понимание нравственной природы высшей сущности бытия. Более того – его личностной природы. Отныне Бог понимается не как некая всемирная природная сила, каким его в общем и целом представляли себе греки, а как духовное начало мира, взятое прежде всего в его нравственном измерении. Даже в своем высшем результате греческая религиозность, проявившаяся в философском представлении о высшем божестве как о всеобщем космическом

Уме (Анаксагор), абсолютной идее (Платон), мышлении-перводвигателе (Аристотель), еще, в сущности, представляла его себе как некую природную силу. И только в христианстве оно это единство мира обнаруживает себя как силу нравственную [19, стр. 165-175].

Для христианского мышления это начало – не абстрактное единство, а конкретное единое многого: в самом себе оно Троиединство. Здесь нет противоречия с античной философией. Скорее наоборот – раскрытие того, что в ней было лишь намеком, созревало генетически [3].

В свою очередь, оправдывается мысль Сократа о том, что сущность бытия человек в его нравственной истине совпадает с сущностью всеобщего бытия. Только теперь человек получает конкретный нравственный идеал – Богочеловека. В Боговоплощении нет ничего удивительного: для Бога, создавшего весь мир, нет в этом мире ничего недоступного. В принципе, он может воплотиться в любом предмете. Но любой из предметов материального мира будет несоизмерен этому. Поэтому Бог является в мир в человеке. Причем в совершенном человеке. Но совершенство это – не совершенство природного существа, как, к примеру, в античном боге – Геракле. Это совершенство духовного нравственного Человека, Человека без греха, сочетающего в себе во всей полноте и человеческую, и божественную природу. Через Него мы познаем для себя и Бога, понимаем, что Он есть не природная, но духовная личность.

И еще один новый момент привносит христианская мысль в историю философии: идею общества. Третья Ипостась Бога находит свое воплощение в общине, которая теперь понимается как одухотворенное, целое и живое общество. Такой подход перекликается с платоновской идеей о том, что нравственным человек может быть лишь в нравственном обществе. Но эта идея только в христианской мысли находит свое окончательное разрешение.

В античной философии был развит способ мышления, который позволил в дальнейшем (по крайней мере, позволил попытаться) выразить в форме понятия смысл этого синтеза, логику духа, явившего в нем себя. Только «понятие» как единство анализа и первичного синтеза могло быть адекватно истине, открытой нам Воплощенным Логосом. «Понятие Логоса связано с греческой философией, в которой оно возникло и с

христианским богословием, в котором оно утвердилось... Идея Логоса несомненно зародилась в метафизике, но с тем высшим умозрительным интересом, который представляет эта идея, несомненно соединяется и практический интерес самого глубокого нравственного значения» [40, стр. 44-45]. Первооснова мира – Бог – раскрывается для христианского миропонимания не как простая субстанция, но как Себя в Себе различающее Троиединство, воплощающееся в истине человека – в Живом Логосе – и данное нам в Духе.

Необходимым результатом экспликации проблематики человека в учении о едином, которое было осуществлено Сократом, в позднеантичной и уже христианской философии стало осознание того, что философия не просто постигает мира как единый, но постигает его именно для человека. А значит, если она, следуя тому же самому импульсу сократовской мысли, научилась мыслить мир как единый, то теперь она должна и раскрывать: зачем она это делает. В результате философия усиливает свой рефлексивный потенциал. Проявляется это в том, что она одновременно удерживает два момента: отвечает на вопрос, каким она познает мир (единым и гармоничным, или разорванным и хаотичным?), и показывая, что это познание дает человеку.

Для человека же центральным вопросом с самых первых дней бытия был вопрос о добре и зле, о ценностной квалификации своих поступков [15, стр. 78-79]. Этот вопрос о добре и зле является нравственным alter ego вопроса о сущности и смысле бытия. Без дискурсивного ответа на него не может быть ни нравственности, ни права.

Еще Платон, постоянно обращаясь к вопросу о справедливости как главном качестве добродетельного человека и о справедливом государстве как среде осуществления его добродетелей, связывал эти качества с причастностью идее блага, которую он соотносил с высшей идеей, эйдосом эйдосов. То есть с самим истинным бытием. В позднеантичной философии единство бытия должно было объяснить себя прежде всего как единство противоположностей, устанавливающее и снимающее свои грани, вносящее в себя различия и их преодолевающее. Но как быть с высшей и наиболее значимой для человека противоположностью: противоположностью добра и зла? Можем ли мы говорить об их единстве, не рискуя принизить или даже извратить

природу добра? А если мы отрицаем такое единство и нравственная интуиция не позволяет нам приравнять добро и зло, не разрушаем ли мы тогда единство мира, которое столь значимо и важно для человека?

На исходе античности стали видны ростки новой европейской цивилизации, генетические элементы которой начали формироваться и притягиваться друг к другу, постепенно складываясь в мозаику новой культурной целостности. В эпоху заката Римской империи на Западе и ее преобразования для новой истории на Востоке именно этот вопрос о единстве мира и об отражении этого единства в сущности человека понимался как главный и практический вопрос. В той или иной форме он звучал и в трудах язычников-неоплатоников, и на святых Вселенских соборах церкви. Как нужно понимать Бога и Его единство в саморазличении – триединство? И что это значит для того понимания человека, к которому мы приходим, обращаясь к истинному человеку – к Богочеловеку?

Триединство Бога и двуединая природа Богочеловека – вот два внутренне взаимосвязанных вопроса, ответ на который проводил глубочайшие межидеологические диалоги между народами, культурами, государствами, правовыми системами. Он не позволял, например, арианами-готам переходить в православие (даже когда ценой арианства был константинопольский престол) и заставлял несториан уходить все дальше на Восток, где они создавали свои государства.

Православные римские императоры – Константин, Феодосий, Юстиниан – создатели христианской империи, люди вообще-то сугубо практичные, едва ли не главным своим делом (а может быть, и действительно, главным) считали участие во Вселенских соборах, где выработывался Символ веры. Поскольку понимали, что здесь закладывается «генотип» нового человека, нового государства и самого права. Историческая дискуссия между православными авторами и гностиками в первые века христианства потребовала актуализации всего логического потенциала античной философии и в то же время по своему итогу зафиксировала единство онтологической и этической проблематики.

Гностицизм, если рассматривать его в чисто культурологическом аспекте был одной из форм синтеза эллинистической, классической и восточной культур Древнего мира [30, стр. 5-12].

Однако синтез может быть двоякого рода. Он может осуществляться на основании постижения и выдвигания более глубокого основания. А именно: такого, которое не заключено непосредственно ни в одном из синтезируемых элементов. При этом сливающиеся элементы существенно преобразуются, выявляя свою истинную природу. Таков синтез христианства, в котором учение об умирающем и воскресающем Боге, эсхатологическая борьба доброго и злого начал мироздания, установление на земле божественного царства и другие моменты, содержание которых уже было развито в более ранних культах, находят своё новое звучание в свете принципа торжества абсолютно духовного начала мироздания, преодолевающего дуализм добра и зла, духа и материи, души и тела.

Иное дело – та форма синтеза культур, которую предлагает гностицизм. Главное его содержание – в сохранении основного принципа предшествующей религиозности, достигшей в своём развитии состояния надлома. Этот принцип – дуализм. Практика же предшествующих культов получает здесь только синкретическое единство. Из прежних культов возможно восприятие как возвышенного, так и низменного, их иерархия может быть произвольна: там, где отсутствует монистический принцип, воцаряется плюрализм многих, что и открывает дорогу произволу. Причастность последнему порождает иерархию посвящённых, тайну (христианская церковь, напротив, видит своим долгом возведение истины каждому человеку).

Гностицизм представлял собой именно такую синкретическую религиозную форму, которая наряду с христианскими мотивами включала в себя элементы зороастризма, иудаизма, ассирийских и египетских культов, а также многочисленные заимствования из астрологических, магических и герметических учений своего времени и из неоплатонической философии. Исторически сложились две основные ветви гностицизма: восточный (офиты, Саторпил, Василид, Кердон, Маркион, Вардесан, особой формой восточного гностицизма было манихейство) и западный (александрийская школа: Карпократ, Валентин).

За всем многообразием мифологических форм, в которые были облечены гностические учения, мы находим один важнейший принцип. А именно: абсолютный дуализм, противопоставление двух изначальных принципов

мироздания – абсолютного добра и абсолютного зла, воплощённых в мире материи и в мире духа, в Боге и в дьяволе. Для гностицизма недопустимо какое-либо смешение бога и сотворённой материи, которое отождествляется либо напрямую со злом (восточные гностики), либо с небытием (александрийские гностики). Поэтому для объяснения сотворения мира привлекается посредник – демиург. В учении о демиурге – творце Вселенной – сказалось влияние неоплатонизма, восходящее к диалогу Платона «Тимей». Бог испускает из себя элементы своего существа – зоны, имеющие духовную природу. Демиург смешивает их с сотворённой им материей, и таким образом создаёт мир. Соответственно, демиург – создатель зла и господин в сотворённом мире. В традициях более поздних, но берущих своё начало от гностицизма, демиург зачастую напрямую отождествляется с дьяволом (у богомилов, к примеру, он носил имя Сатанаила). Человеческие души, являющиеся заключёнными в материи зонами, стремятся к соединению с изначальным божеством. В помощь им Бог посылает один из высших эонов, который гностики отождествляют с Христом. Христос, таким образом, для гностицизма – не Бог, а лишь одна из высших эманаций божества. Но и в качестве такового он не должен мыслиться смешанным с материей. Поэтому гностики настаивали на том, что природа Христа – чисто духовна. Его же присутствие в земной жизни – лишь фантом, призрак. (С подобным учением о бестелесной природе Христа выступил в IV веке нечестивый Арий, внесший на долгие годы значительный раскол в христианскую церковь, породивший многие производные ереси.)

Но даже этот призрачный «Христос» не может даровать спасение всем людям: если для христианства – «перед Богом все равны», то важнейший постулат гностицизма состоит в изначальном неравенстве людей, в иерархии личностей. Практически всеми гностическими учениями человек понимался как микрокосм, состоящий из души и тела, в котором в различной степени отражались – Бог (духовное начало), демиург и материя. Вследствие этого гностики делили всех людей на три основных типа (пневматиков, психиков и соматиков). Этические требования или практические правила относительно поведения людей (прежде всего закон и право) у гностиков могли быть обращены только к

психикам. Так «теоретически» узаконивалось деление людей на существ высшего и низшего порядка. Этой изначальной разделенностью всех людей оправдывалось наличие различных степеней посвящения в ранних гностических философско-религиозных общинах и, позднее, в религиозных организациях манихеев. А позднее ею оправдывалось утверждение ценностного неравенства по цвету кожи, пола, меры одаренности, успешности и т.п., вплоть до постулатов нацизма в любых его формах. Впрочем, нужно сказать, что это представление об изначальном неравенстве людей было весьма характерно для античной культуры. Наиболее ярко его выразил Платон в своём знаменитом диалоге «Федр». Здесь античная классическая философия противоречила сама себе.

Центральным вопросом гностической этики был вопрос об отношении к материи, плоти и её влечениям. В отношении этой проблемы среди гностиков уже имелись серьёзные различия: одни из них решали этот вопрос в духе аскетизма, другие выступали за «свободу плоти» в традициях эпикурейства – философского течения, очень влиятельного в эпоху поздней античности. Оба решения исходили из дуалистического воззрения на мир и на материю, как источник зла или греха. Так, к примеру, Сатурнил и Маркион запрещали всякие для своих последователей чувственные наслаждения и удовольствия, в особенности в пище, отрицали брачную жизнь, которая, по их представлениям, вела к смешению с греховной материей. Другие (николаиты, большинство офитов, карпократиане) учили о том, что чувственность должна быть побеждена через удовлетворение её чувственными наслаждениями, поскольку нет ничего такого, что могло бы связать дух или победить его. На практике нередко одна крайность переходила в другую. Например, своё основное требование «умертшвления» плоти николаиты сначала стремились выполнить на пути строго аскетизма, а потом – на пути измождения в чувственных удовольствиях. Думаем, что именно в сочетании таких крайних подходах – основной источник противоречивости сведений об участниках средневековых еретических движений (богомилах, катарах, альбигойцах и т.д.), в которых мы можем встретить сообщения и о крайнем аскетизме, и, напротив, о крайней распущенности.

В целом же характерная черта гностизма и

духовно связанных с ним учений – отрицание материи, стремление уничтожить и подавлять всё чувственное, стремление, доходившее иной раз до организованного разрушения предметов материальной культуры (особенно святынь – храмов, церквей и т.д.) до массовых убийств и самоубийств. Все это существенно различается от светлого принципа христианской религии, утверждавшей посюсторонность Бога, воплотившегося в материи, принявшего образ совершенного человека! Для христианина материальный мир – воплощение воли Бога, а потому он требует почитания и восхищения, единственное зло – грех, но он коренится не в материи. Начало зла для христианина лежит всё же в области духовного – в свободе воли, отдавшейся во власть гордыне.

Согласно гностической доктрине, человек – пленник мира зла, и он мечтает освободиться из этого плена. Гностицизм указывает человеку путь к спасению, утверждая, что открывает ему его подлинную природу. Однако само это освобождение посредством достижения особого рода всеобъемлющего знания, так называемого «гносиса», носит относительный характер, поскольку само по себе знание не имеет нравственной природы. Таким уже образом гностицизм, по крайней мере, не исключает возможности развития заключающегося в нём мистического содержания в направлении культивирования его демонических начал. Эту возможность усиливал дуалистический характер гностицизма [28, стр. 303].

Для христианского самосознания мышление имеет всеобщую природу и даже в силу одного этого не может измеряться количественно. Способностью мышления в равной мере наделен каждый человек – различна лишь способность воли. Христианское мышление принципиально рационально, т.к. полагание высшего синтеза допускает и требует аналитической различности моментов мышления. Для гностицизма же, напротив: «гносис» как высшее знание доступен только избранным и принципиально недифференцируем, что исключает рациональность высшего знания. В таком случае не остается ничего другого как возместить недостаток конкретности знания оккультным опытом.

Противостояние гностицизма и христианства в духовном пространстве поздней античности особенно чётко прорисовывается по такому

важнейшему, центральному для двух учений, вопросу, как вопрос о дуализме, т.е. о том, имеет ли мир одну или две первоосновы. Если христианство монистично, гностицизм дуалистичен; христианство понимает Божественную первооснову мироздания как внутренне различенное Единство, гностицизм – как две однородные сущности; христианство возвышает природу как Божественное творение, гностицизм третирует ее как «ничто», как порождение сатаны; для христианина Божественная Мысль, Божественный Логос воплощен в человеке, для гностика между человеком и Богом – пропасть; для христианина все люди равны перед Богом, для гностика изначальна дифференциация людей; для христианина истина открывается духовно преображенной мысли, для гностика – от природы данной (правда, данной немногим) способности к мистическому созерцанию божественного; для христианина человек свободен, для гностика свобода – это только сознанная необходимость [29, стр. 75-80]. К христианству неизбежно должна была обратиться мысль, вставшая на путь диалектического решения проблемы бытия, поставленной первыми античными философами (Парменидом). Гностицизм фиксировал отказ мышления от ее решения.

Святые Отцы и Учители Церкви Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Дамаскин, а также Епифаний Кипрский раскрывали логическую несостоятельность гностического мировоззрения, приводя два основных аргумента.

Первое: утверждая, что мир имеет дуалистическую природу, мы не можем удержаться на фиксации только двух субстанций (абсолютного добра и абсолютного зла): требуется указать третье, опосредствующее их начало, а также начало, опосредствующее это начало и т.д. до бесконечности. В таком случае мир рассыпается на бесконечное множество первоэлементов и вопрос о первоначале снимается вовсе. Этот абсолютный плюрализм не может зафиксировать даже существование этих первоэлементов: субстанция неизбежно аннигилируется в регрессе оснований. Мышление, не возвысившееся до всеобщности своего предмета, есть недомыслие. Мышление, настаивающее на дуализме, есть отказ от самого мышления.

Второе: если признать абсолютную отрицательность (небытие, зло) самостоятельной субстанцией, то уместно будет признать ее

субстанцией единственной. Непротиворечиво можно помыслить только единое первоначало, если же стремятся мыслить два, то отрицают собственное мышление, впадая в неразрешимое противоречие, антиномию, которую и вскрывали отцы Церкви. В самом деле – если природа негативной субстанции состоит в отрицательном действии, то в безграничности времен она уже уничтожила положительную субстанцию, уничтожила себя. Тогда мир в сущности своей – ничто. А само «ничто» – «тайна бытия». Бытие оказывается для дуалистического мышления лишь видимостью, вечной помехой, тяготящей изначально несовершенный разум человека.

Св. Иоанн Дамаскин писал: «О том, что (существует) не два начала – одно доброе и одно злое, можем заключить из следующего. Добро и зло – враждебны друг другу, губельны друг для друга и не могут существовать одно в другом или одно с другим. Отсюда, каждое из них должно находиться (только) в части Вселенной. Но тогда, во-первых, каждое из них будет ограничено не только вселенною, но и частью вселенной. Затем, кто отмежевал каждому его область? Ведь, нельзя же сказать, что они вступили в соглашение друг с другом и заключили мир, потому что зло, заключающее мир и соединяющееся с добром, не есть уже зло, и добро, дружески расположенное ко злу, не есть уже добро. Если же другой кто определил свойственное каждому из них местопребывание, то это скорее будет Бог. (Притом) необходимо одно из двух: или эти начала входят в соприкосновение и разрушают друг друга, или же существует нечто среднее, в котором не будет ни добра, ни зла, и которое, как некая перегородка, разделяет оба начала друг от друга. Но тогда будет уже не два, а три начала. Необходимо и еще одно из двух: или эти начала сохраняют мир, что невозможно для зла, ибо пребывающее в мире не есть зло; или же ведут войну, что невозможно для добра, ибо воинствующее не есть вполне добро, или одно зло ведет войну, а добро не сопротивляется, но разрушается злом, или всегда терпит огорчение и угнетение, что не может быть признаком добра. Итак, должно быть одно начало, свободное от всякого зла» [22, стр. 152-153]. Далее Иоанн Дамаскин воспроизводит логику второго аргумента: если зло есть разрушающее (отрицательное) начало, то оно должно разрушать добро, но тогда оно в бесконечности времен должно было бы его уже

разрушить и существовать одно. В этом случае оно должно было бы разрушать уже само себя, поскольку в разрушении его природа. Значит, в бесконечности времен мыслить два первоначала, значит не мыслить ни одного (второй аргумент) или же мыслить их бесконечно много (первый аргумент). И то, и другое для мыслителя, воспитанного в традициях античной логики, невозможно [31; 32; 34].

Ту же аргументацию, но в более эмоциональной форме находим у св. Григория Богослова: «И ты, злая тьма манихейская, не была от первоначала равнопрестольною высочайшему Свету! Если был Бог, то не было тьмы; потому что зло не могло спорить о равенстве с Богом. Если была тьма, то ты не даешь места Богу: Ему неприлично быть в согласии с тьмою. Если же представишь их в борьбе; преодолет сильнейшее. А если скажешь, что они равносильны; кто третий приводит их в единство своею мудростью, и прекращает борьбу? И то весьма удивительно, что возбуждив ужасную вражду, тотчас забываешь о сей борьбе и представляешь враждующих согласными. Я состою из души и тела. И душа есть струя бесконечного света – Божества; а тело производишь ты от темного начала. И столь далеких между собою ты сводишь в единство. Если я составляю одну общую природу; то вражда моя прекращена. А если жестокая вражда во мне непримирима; то я не составляю одной природы, сопряженной из души и тела. Ибо не враждебные, но дружественные начала дают общее произведение. Такой мрак облежит твоё сердце» [39, стр. 227]. Григорий Богослов, воспроизведя те же аргументы, вносит в них некоторое своеобразие: более сильный акцент делается на всеобщности божественной природы; вводится частный пример с отношением души и тела. Свой полемический фрагмент он, поэтому, не случайно заканчивает решительным постулированием единой природы божественного первоначала: «А по моему учению, един есть Бог безначальный, ни с кем не борющийся, един благий Свет, сила высокошественных умов, простых и сопряженных, небесных и земных; а тьма привзошла в последствии, и есть не какая-либо удобоописуемая самостоятельная природа, но наш собственно грех» [39, стр. 228].

Однако если мир, при способе его понимания, основанном на гностическом дуализме, может мыслиться только как небытие, то как

сочетать это с тем фактом, что в нем есть существующие вещи (по крайней мере мое мышление как «эмпирически» установленный факт)? Теоретический ответ может сводиться лишь к фиксации абсурдности самой этой ситуации. И тогда остается лишь объявить, что наш мир – это абсурд, что не раз делалось в философии XX столетия (и не только). В практическом отношении здесь мы получаем оформление в сознании импульса к разрушению этого мира и тем самым – к устранению указанного противоречия. Этот импульс внутренне присущ и личности человека («Танатос», по З. Фрейду), и организации социума. В последнем случае Л.Н. Гумилев определял его как «антисистему» – код саморазрушения, заложенный в культуре и время от времени начинающий довлеть в ней. Гностическая идеология – это форма рефлексии данного кода. Преступным является стимулирование этого импульса, начиная от художественных форм эстетизации зла и деструкции бытия, до социальных практик, наподобие древнего манихейства, средневекового европейского сатанизма, попытки построения оккультного Рейха или современного терроризма [1, стр. 25-26].

Радикальное решение проблемы абсурдности мира и отторжения его гармонии от души человека, является уничтожение этого мира. Но если нельзя человек не в состоянии физически уничтожить природу, то он может, по крайней мере, уничтожить самого себя. В этом – весь смысл рассуждений «логического самоубийцы» из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, воспроизводящего и рассуждения героя «Записок из подполья», и рассуждения Кириллова из «Бесов».

Отцы Церкви, настаивая на том, что нет особого начала небытия и зла, утверждая, что истинное понятие Бога и дуализм доброго и злого начала несовместимы, подчеркивали, что корень зла – извращение дьяволом и человеком высшего дара Бога – свободы [22, стр. 32]. Свобода объявляется в христианском учении высшим даром Бога, сотворенным им сущностям, т.е. как абсолютная, а не относительная свобода. Но она же делает эти сущности из числа тех, которые обладают самосознанием (люди, ангелы, в Средние века иногда – и животные), лично ответственными за творимое ими зло.

«По природе все подчинено и послушно

Создателю. Поэтому, когда какая-либо из тварей добровольно воспротивится и делается непослушной Сотворившему ее, то она становится сама в себе злом. Отсюда зло не есть какая-либо сущность и не свойство сущности, но нечто случайное, т.е. своевольное отклонение от естественного к противоестественному, что (именно) и есть грех. Итак, откуда же грех? Он есть изобретение свободной воли дьявола. Следовательно, дьявол – зол. В том виде, в каком он произошел, он не зол, а добр, ибо Творцом он был создан ангелом светлым и блистательным и как разумный – свободным; но он добровольно отступил от естественной добродетели и очутился во мраке зла, удалившись от Бога, Который один только есть благ, животворящ и источник света; ибо все доброе через Него делается добрым, и поскольку удаляется от него волею, а не местом, постольку оказывается во зле» [22, стр. 153]. Говоря современным языком, Иоанн Дамаскин противопоставляет механистическому пониманию вопроса о происхождении зла – свое, гораздо более глубокое, включающее в себя знание природы духа, причем в его главном определении – определении свободы.

Итак, чтобы мыслить бытие в его единстве, мы должны научиться понимать (и логически выражать в понятии) высшее явление бытия – явление свободы. Иначе мы не справимся с ловушкой дуализма добра и зла, следствием чего неизбежно будет имморализм, а также явная или скрытая апологетика зла и смерти. Жизнь человека только тогда является бытием, когда суть ее составляет свобода. Поэтому из принципов единого бытия, постигаемого как абсолютное добро, должна быть дедуцирована система условий и форм человеческого бытия-как-свободы. Эта система и есть то, что в христианской европейской традиции понималось как система права (или подразумевалось под ней). Она не представляет собой некоторую совокупность произвольных установлений людей, но есть результат постижения ими воли Бога и вечного смысла бытия. Право есть система свободы, укорененная в бытии абсолютного добра и освященная Божественной Благодатью.

В восточной патристике мы не найдем развернутой теории права. Однако если мы захотим развивать последнюю, оставаясь в лоне христианской традиции, то обязательно должны будем исходить из того понятийного пространства,

которое очерчивается святоотеческой мыслью и складывается из взаимосвязи проблематики Добра и зла, проблематики порядка бытия и его отношения к Воле Бога, проблематики свободы воли человека. Можно утверждать, что за пределами правового сознания Запада осталось многое из того содержания, которое было достигнуто в ходе размышлений как античных, так и христианских мыслителей о бытии, о свободе и о человеке. Доминирующим в правосознании стало юридическое мышление, сформированное языческой философией римского права, не знавшей истинной свободы. Право Запада развивалось, скорее, как право Закона, а не как право Благодати.

В патристике была заложена традиция этического понимания природы бытия, сближения его с абсолютным Добром, Благом. Хотя уже для античного мышления общим было убеждение в том, что бытие есть нечто благое, однако в полной мере эта мысль укоренилась в истории философии лишь вместе с христианством. Опосредствующим звеном такого понимания стало понятие свободы, которое именно в христианстве раскрывает свою действительную всеобщность и полноту всех моментов. Вместе с этим небытие и зло решительно десубстанциализируются. Подобное понимание четко просматривается у Гегеля. В том числе и в попытках философского осмысления мифа о Люцифере (которое, впрочем, мы находим и у Шеллинга). Рассмотрим более подробно трактовку классиком философии мифа о Люцифере.

Развитие ипостасей Бога в философии религии Гегеля соответствует общей форме гегелевской диалектики: исходным пунктом является непосредственное абстрактное тождество, которое далее определяется в отношении к своему иному так, что оно полагает это иное как себя, находит в нем свое наиболее развитое определение. Тем самым изначальный пункт достигает определение конкретности. Первое определение соответствует Богу-Отцу. Он есть Бог в своей вечной идее: «Рассмотренный таким образом, в элементе мышления Бог существует, так сказать, до или вне сотворения мира. Поскольку он, таким образом, есть в себе, он есть вечная идея, еще не положенная в ее реальности, еще только абстрактная идея» [5, стр. 22]. Однако эта абстрактность не пуста: она содержит в себе свое собственное различие. Результат

этого различия фиксируется как реальный мир, бытие, которое есть «свое иное» Бога. Дальнейшее же развитие состоит в том, что мир обнаруживает свою божественную сущность: «Бытие мира состоит в том, чтобы иметь момент бытия, но – снимать этот свой разрыв, раздвоение с богом, возвращаться к своему истоку, вступать в отношение духа, любви. Тем самым перед нами процесс мира, в котором совершается переход от отпадения, разрыва к примирению» [5, стр. 249]. Образ этого примирения Гегель видит в священной истории Бога-Сына, земная природа которого обнаруживает духовную, божественную сущность. Результат процесса примирения великий философ фиксирует в образе Царства Духа.

Если же развитие останавливается только на моменте различия, на форме отрицательности мира по отношению к Богу, не доводя это отрицание до определения отрицания отрицания, то это состояние противоречит целостности истины, есть ложь и зло, есть тот самый дуализм, о котором мы говорили выше. «...это различие как самостоятельное есть лишь для себя отрицательный момент инобытия, бытия вне себя, которое как таковое не имеет истины, а составляет только один момент» [5, стр. 251]. Персонифицированный образ этой чистой отрицательности и есть как раз дьявол. «... первый однородный Люцифер, который был светносным, светлым ясным, но вообразил себя в себе, то есть положил себя для себя, стал бытием и, таким образом, отпал, но на его месте непосредственно поставлен Вечно Первородный» [5, стр. 249].

В последнем случае имеется в виду Христос. То, что Христос «непосредственно поставлен» на это место и означает как раз, что через него осуществляется то развитие, от которого отпал и преградой на пути которого стал Люцифер. Люцифер олицетворяет момент развития самого Бога – отсюда причина его могущества; но он настаивает на прекращении этого развития – и в этом источник зла. В «Феноменологии духа» Гегель подчеркивал личностную, хотя и бессубстанциальную природу, характер дьявола, которого он определял как само по себе злое и ложное, превращенное в особый субъект» [4, стр. 20]. Итак, зло не может утверждаться как первоначало, как бытие, подобно тому, как это имеет место в отношении блага. Зло трактуется

как результат действия свободной воли разумного существа, если она преступно расходится с волей Бога и с принципами установленного Им порядка бытия. Но это – последний акт свободы воли. Творя производ, человек выпадает из лона свободного бытия, бытия-как-свободы.

Таким образом, чтобы мыслить бытие в его единстве, мы должны научиться понимать (и логически выражать в понятии) высшее явление бытия – явление свободы. Иначе мы не справимся с ловушкой дуализма добра и зла, следствием чего неизбежно будет имморализм, а также явная или скрытая апологетика зла и смерти. Жизнь человека только тогда является бытием, когда суть ее составляет свобода. Поэтому из принципов единого бытия, постигаемого как абсолютное добро, должна быть дедуцирована система условий и форм человеческого бытия-как-свободы. Эта система и есть то, что в христианской европейской традиции понималось как система права (или подразумевалось под ней). Она не представляет собой некоторую совокупность произвольных установлений людей, но есть результат постижения ими воли Бога и вечного смысла бытия. Право есть система свободы, укорененная в бытии абсолютного добра и освященная Божественной Благодатью.

Противоположное понимание свободы, а именно: как своеволия, а не как внутренней гармонии личности и бытия порядка, не как права, имеет своим результатом признание бессмысленности самого бытия. Это отношении особенно убедительно в философии Ф.М. Достоевского [16, стр. 157-170; 18, стр. 4-7]. «Если в своеволии видят нечто высшее, чего можно достичь, – писал он, – тогда человеку, стремящемуся к своеволию, бытие становится непереносимым, поскольку он создан как зависимое существо. Человеку, ищущему метафизической свободы, оскорбительно, что он рожден без знания о том, откуда он, куда идет и для чего предназначен, и без власти изменить существенные условия своего существования. Следствием является не самоудовлетворение, а протест. Одержимый идеей своеволия обращается не только против бессмысленности существования, но и против такого бытия, которое не содействует его собственной свободе, хотя бы оно исходило даже и от Бога, т.е. от абсолютно исполненной смысла действительности. Позиция таких людей столь эгоистична, что они,

не учитывая опыт и не размышляя, приходят к выводу: в бытии нет смысла; более того, бытия не должно иметь смысл. Это конечная и непреодолимая позиция тех, кто отрицает бытие» [27, стр. 198].

Христианская мысль противопоставила всему этому свое учение об абсолютности свободы человека как главного определения сущности его бытия (свобода – высший дар Бога человеку). Поэтому зло не онтологично, хотя и субъективно – оно порождение злой воли человека. Мир един единством Абсолютного Добра. Бог не внеположен видимому миру, в Богочеловеке он явлен как посюсторонний миру. И это наполняет святостью материю, а жизнь человека смыслом. При этом христианский опыт святости, духовной жизни, открывал путь к практическому воплощению философских идей античных греков о всеединстве бытия и об абсолютной свободе как форме всеединства (в перипатетическом смысле понятия формы), а также о жизни человека как проявлении этого всеединства.

Злая воля, вносящая раскол в бытие и разрушающая жизнь человека, может быть злой, поскольку она вменяема. То есть поскольку основе ее лежит способность к познанию и различению добра и зла. С исключительной глубиной раскрыл связь способности к познанию добра и зла с бытием человека, его свободой и жизнью Гегель: «... познание действительно является источником всякого зла, ибо знание, сознание есть тот акт, благодаря которому полагается разрыв, отрицательное, перво-деление, раздвоение в ближайшем определении для-себя-бытия вообще. Природа человека не такова, какой она должна быть; познание открывает ему это и порождает то бытие, каким оно не должно быть» [5, стр. 260]. Таким образом, и в трактовке великого философа, «перво-деление» единого бытия проходит через человека, начинается с человека. Человек, таким образом, не на периферии мира – его жизнь затрагивает центральный нерв мироздания. Но жизнь человека есть его самосозидание, основанное на самопознании – мышлении как актуализации всеобщего мышления бытия. Мы видели, что это понятие непосредственно связано с высшим определением бытия человека – с определением свободы. Эта свобода и это познание могут вести человека к его истинному бытию, а могут породить «то бытие, каким оно не должно быть».

Далее Гегель продолжает развивать содержание того, что он несколько выше обозначил как «существенный пункт»: «Это долженствование есть его понятие, и то, что он не таков, впервые возникло в разрыве, в сравнении с тем, что он есть в себе и для себя. Познание впервые полагает противоположность, в которой предстает зло. Животное, камень, растение не являются злыми; зло налично в сфере познания, оно есть сознание для-себя-бытия в противоположность другому, но также и в противоположность тому объекту, который является в себе всеобщим в смысле понятия, разумной воли. Только благодаря этому разрыву я есмь для себя, и в этом заключается зло. Зло абстрактно обозначает обособление себя, обособление, которое отделяет себя от всеобщего, а последнее есть разумное, законы определения духа. Но вместе с этим разрывом возникает для-себя-бытие, и только тогда возникает всеобщее духовное, закон – то, что должно быть... человек, поскольку он дух, должен становиться для себя бытием вообще, так что он имеет своим объектом свой предмет, то, что есть для него добро, всеобщее, его определение. Дух свободен, и свобода содержит в себе существенный момент этого разрыва. В этом разрыве положено для-себя-бытие и имеет свое местопребывание зло, здесь – источник дурного, но также и та точка, в коей находятся последние истоки примирения. Это причина болезни и источник здоровья» [5, стр. 260-261].

Развитие понятия свободы стало высшей ступенью решения античной проблемы единого и многого, перенесенной христианством из сферы чистой онтологии в сферу этическую.

Но здесь важно подчеркнуть еще вот что. Если мы говорим о понятии свободы как определении, равнозначном понятию всеобщего единства мира, то речь должна идти именно о свободе во всей ее полноте, т.е. об абсолютной свободе. Если только допустить свободу как что-то относительное, детерминированное, говоря языком Канта, гетерономное, как мы сразу же окажемся за пределами свободы. Отрицая абсолютность свободы, мы отрицаем тем самым самую возможность свободы и, далее, отрицаем абсолютность единства мира. А, значит, полагаем вместо него в основание мира раздвоенность, плюрализм и хаос.

А если это так, то мы должны предполагать, что человек свободен всегда и свободен

абсолютно. Он не может быть объектом социального манипулирования, разве что до тех пределов, когда это ему самому угодно. И очень ошибаются те, кто сильно уповают на социальные «технологии». Они непременно дадут сбой, натолкнувшись на предельную и абсолютную свободу личности, которая им покажется иррациональностью и загадочной душой.

Далее. Нравственный выбор человека может определяться только им самим. Ни космические силы, ни сочетания звезд, ни генетический код не властны над человеком и не детерминируют его выбор, приоритеты, ориентации. Рассуждения о якобы научной доказанности генетических оснований нравственного выбора человека являются не более, чем социальным мифом. Высшее никогда не может определять низшим, духовное биологическим, нравственный выбор какой-либо генетической заданностью.

Парадоксальным образом воля человека абсолютно свободна даже от самой себя, т.е. от собственных склонностей и автономных детерминант. И. Кант, впрочем, понимал это иначе. Он писал: «Можно допустить, что если бы мы были в состоянии столь глубоко проникнуть в образ мыслей человека, как он проявляется через внутренние и внешние действия, что нам стало бы известно каждое, даже малейшее побуждение к ним, а также все внешние поводы, влияющие на него, то поведение человека в будущем можно было бы предсказать с такой же точностью, как лунное или солнечное затмение» [25, стр. 326]. Но в том-то, как нам кажется, и дело? что «столь глубоко проникнуть в образ мыслей человека» в принципе невозможно, поскольку человек внутренне целостен и изначально интегративен, синтетична его личность, как это следует из философии самого Канта (впрочем, так понимать Канта нас научил уже Фихте). Над Кантом здесь, похоже, еще тяготели установки механицизма Нового времени, когда мотивы и побуждения человека представлялось возможным расчленивать до неделимых элементов, подобных гоббсовым атомам. Более глубок Кант в своей «Критике чистого разума», где связывает понятие свободы с абсолютным единством самосознания личности и именно на нем основывает понятие свободы: «... свободу можно не только рассматривать негативно как независимость от эмпирических условий (ведь в таком случае способность разума перестала бы быть причиной явлений),

но и обозначать положительно как способность самопроизвольно начинать ряд событий» [24, стр. 492].

Свобода должна быть реализована во внешнем мире, поскольку оставаясь только внутренней свободой, т.е. такой, какой ее видели, к примеру, стоики, она не может быть абсолютной свободой. Однако здесь, как показал Кант, свобода неизбежно сталкивается с внешним миром косной необходимости и противоречие между ними неизбежно. В этом противоречии человек неизбежно гибнет, но это основа того «утонченного героизма», о котором писал Ницше, обдумывая кантовскую мысль. Сам Кант, не требуя от каждого героического усилия, определил условия, при которых каждый может осуществить себя во внешнем мире как свободную нравственную личность, сохранив при этом жизнь. Это – признание Другого как равного себе, умение видеть и полагать в другом субъекта свободы. Там, где человек лишен внутреннего мотива к такого рода отношению, его к этому побуждает нравственность и право. Поэтому «если предполагают свободу воли, то достаточно расчленив понятие свободы, чтобы отсюда следовала нравственность вместе с ее принципом» [23, стр. 105]. Но важно, что при этом свобода человека должна сохранить свой абсолютный характер: ее содержание, отнюдь, не исчерпывается отношением к другой личности и даже не определяется этим отношением.

Итак, дуализм бытия и небытия, добра и зла, как мы видим, есть апологетика бессмысленности бытия, апологетика смерти. Античная философия показала путь, на котором разум может мыслить бытие в его единстве, мысля и одновременно не мысля «ничто». При этом последнее выступает в форме (хотя и не проявившейся как форма) абсолютной отрицательности, снимающей себя в положительность становящегося бытия. Но для этого нужно было возвыситься до понимания мышления не только как абстрактной стихии (пусть даже всеобщей сущности бытия), но как мышления, имеющего ту же самую «материю», что и мышление конкретного человека. Именно этого-то пункта, развитого античной философией в систему положительной (хотя и стихийной) диалектики, и не могли принять те, кто отрицал человеческую природу Бога, кто считал Христа призраком. Производные от гностицизма формы мировоззрения являются чистой апологетикой

«ничто». Не только теоретической, но и практической.

В заключение бросим взгляд на эту проблему с учетом полученных нами результатов. Суть ее именно как проблемы состоит в том, что с одной стороны мы ясно видим: зло присутствует в мире и известны его носители. С другой стороны, зло не включено в бытие, поскольку является его отрицанием. Как совместить единство бытия (и немыслимость не-бытия) с фактом присутствия зла в мире? «Два следующих обстоятельства мучают человека, бьющегося над смыслом бытия: существование зла и непостижимость смысла бытия» [27, стр. 194-195].

Единство бытия означает тождество бытия и абсолютного добра, тем самым исключая всякую причастность бытию зла. Вспомним мысль Дионисия Ареопагита: «... зло есть не-сущее и его нет в сущем. Зла, как такового, нет нигде...» [6, стр. 58]. Зло и бытие несовместимы. Зла нет в природе. Оно является лишь как деяние единичного самосознания, деяние человека, одаренного свободой воли. Творя зло, человек вносит в мир раскол, которого в нем быть не может. Человек посягает на само бытие. Зло-действие, каким бы частным делом оно не представлялось человеку, всегда является преступлением вселенского масштаба, поскольку дает форму бытия небытию. Казалось бы, все это исключает единство бытия. Но бытие само разрешает противоречие, локализуя его в личности. Зло – явление небытия? Нет, оно лишь обнаруживает отсутствие личности [16, стр. 162-168].

Человек не есть нечто данное от природы. По сути своего бытия он еще должен осуществить себя как человека, как личность в мире бытия. Но если он творит зло, значит этого осуществления попросту не произошло. Злодействие свидетельствует о ничтожестве злодея. Личности нет. Есть лишь единое бытие, зла и небытия нет. Или (и?) имеет место раздвоение личности, отрицающее ее изначальное синтетическое единство. «Раздвоение – отделенность от всеобщего бытия, замкнутость и конечная изоляция в близком к духовной смерти небытию; синтез же есть связь с жизнью мироздания, с Богом, со всем сущим» [27, стр. 92]. В этом случае право лишь приводит форму в соответствие с содержанием, мысля свободу или жизнь человека в зависимости от того, имеет ли место частичный или полный распад личности. Тем самым нарушенное право

восстанавливается и практически осуществляется различие добра и зла.

Как форма различения добра и зла право подобно софистике в ее интерпретации Платоном: соблюдение формы постижения истины, безотносительно к тому, познается ли при этом сама истина и стремится ли вообще разум ее познать. Содержанием различения добра и зла является нравственность. В нашей аналогии это содержание занимает место философского мышления, постигающего истину и стремящегося к ее постижению.

Право, будучи лишь формой, является, таким образом, чистой формой различения добра и зла. Однако чистой формы как таковой, лишенной собственного внутреннего содержания, мы не можем помыслить. Право составляет только чистую форму различения добра и зла, в отличие от нравственности, которая содержит в себе и эту форму, и ее содержание. Значит, чистая правовая форма должна положить себе свое собственное содержание, своего рода «содержание формы». Такое содержание лишено какой-либо материальной предметности, а потому может быть только мыслью, существующей в дискурсивном пространстве философии права как «среза идеального права» [41, стр. 46].

Философия права имеет исторически три возможных варианта. Первый основан на идее естественной субстанции права. Классическое выражение этой идеи – естественное право как субстанция позитивного права у Фомы Аквинского. Второй: идея позитивного права, выведенная из действия субъекта – общественный договор Гоббса и Локка. Ограниченность состоит в том, что в первом случае дается субстанция права без субъективности, а с другой – субъективность без субстанции [36, стр. 177-190]. Третий вариант – немецкая классика, которая понимала основу права как активную единую «субстанцию-субъект». Последняя связывалась с восстановленным христианским пониманием свободы, но уже с философски раскрытым его смыслом (наиболее полно и конкретно раскрытым в гегелевском понятии духа) [2, стр. 10-11].

Классическая немецкая философия права, реализующая эвристический потенциал логической формы философии, ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного

договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы [17, стр. 178-185]. Если в основе права лежит идея свободы, то истинное понимание права зависит от трактовки свободы: или мы понимаем свободу как возможность произвольного действия, ограниченную произволом другого (в таком случае даем понятию свободы механистическую интерпретацию), или мы понимаем свободу в рамках христианской традиции как высший дар Бога человеку, а значит как определение сущности человека, которую он обязан раскрыть и реализовать. В таком случае свобода для человека – это процесс, а именно процесс различения Добра и зла и процесс реализации этого различения. Ведь любое действие человека предполагает цель, а Добро и зло определяют предельные цели всякого действия. Без их различения воля человека к действию будет гетерономна, а не автономна, если использовать терминологию Канта.

Ключевое слово здесь – «процесс»: в первом случае свобода понимается только как условие, возможность действия, а значит понимается статически. Во втором – она понимается как действие познания и как практическое действие на основе этого познания. Таким образом свобода есть процесс различения добра и зла, право – форма этого различения, нравственность – содержание этого различения. Подчеркнем, что право является не формой процесса различения добра и зла (другими словами, оно не является формой свободы), а является формой самого различения добра и зла.

Таким образом, в классической философии Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля право трактуется как форма различения добра и зла, нравственность как содержание этого различения, а свобода как сам процесс различения. Классическая философия дает средства мышления абсолютного добра и рефлексии зла как безсубстанционального субъекта, что, в конечном итоге, и позволяет опираться на нее как на действительную основу суверенной философии права [26; 35, стр. 185; 38]. Одним из вариантов современного преломления классической философии права является предложенная нами компрехендная теория права [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 15, стр. 102-127], которая позволяет интегрировать наиболее ценное

содержание этико-правового и богословско-правового наследия, онтологии права, логической философии и других важнейших элементов

правового мышления, которые могут быть актуализированы в суверенной правовой идеологии России XXI столетия [14; 20; 33; 37].

Список литературы

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
2. Богатырев Д. К. Религии и идеологии. 2-е изд. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. – 192 с.
3. Борзова Е.П. – Триадология. – СПб.: СПбГУКИ, 2007. – 672 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа (Сочинения т. IV). – М.: АН СССР, Институт философии, Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 488 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. – М.: Мысль. – Т. 1.: 1975; 531 с.; Т. 2.; 1977; 573 с.
6. Дионисий Ареопагит. Божественные имена // Мистическое богословие. – Киев: Путь к истине, 1991. – 390 с.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Институты права с позиций компрехендной теории познания // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Ф.М. Раянов. – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 45-55. – в кн. 331 с.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2016. – № 2/5(207). – С. 183-188.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани компрехендной теории познания права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 168-177.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Познание права через компрехендный подход с помощью афоризмов // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2020. – № 1(5). – С. 5-12.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право и компрехендная теория права // Правовая информатизация и трансформация права в условиях цифровой реальности: Международная научно-практическая онлайн-конференция, приуроченная к юбилеям создания ФБУ НЦПИ при Минюсте России и ВГУЮ (РПА Минюста России) (25 июня 2020 года): Сборник докладов. – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2020. – С. 74-89. – в сб. 206 с.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право как ремесло или новая грань права в контексте компрехендной теории // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 162-166.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Программирование жизни общества и отдельных людей как грань права в контексте компрехендной доктрины // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 189-194.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183-194.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
16. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.
17. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 178-187.
18. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Свобода как конкретность идеи абсолютного добра в философии права Достоевского // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 1 (34). – С. 4-7.
19. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Становление логоса права в античной философии // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3-4. – С. 164-176.
20. Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11.
21. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмаилов,

- О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.
22. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. – М., 1992.
 23. Кант И. Критика практического разума / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
 24. Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 3: Критика чистого разума. – М.: ЧОРО, 1994. – 740, [1] с.
 25. Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 4: Прологомены; Основоположения метафизики нравов; Метафизические начала естествознания; Критика практического разума. – М.: ЧОРО, 1994. – 629, [1] с.
 26. Керимов А.Д., Масленников Д.В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14-18.
 27. Лаут Рейнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
 28. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. – М.: Искусство, 1992. – 656 с.
 29. Масленников Д.В. «Злая тьма манихейская...» (гностицизм как источник культа зла в истории европейского общества) // Образование, экономика, общество. – 2014. – № 1-2 (41-42). – С. 75-81.
 30. Масленников Д.В., Маков Б.В. О судьбе гностицизма в европейской культуре // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2014. – № 1 – (22). – С. 5-13.
 31. Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Сальников В.П. «Право возвышает народ, а грехи уменьшают его» – епископ Дамаскин о праве и просвещении // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 11-18.
 32. Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Сальников В.П. Политико-правовые взгляды Дамаскина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 11-17.
 33. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107-114.
 34. Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
 35. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185-193.
 36. Сальников В.П., Масленников Д.В., Зорина Н.В., Прокофьев К.Г. Трансцендентализм и идея свободы в философии права: Декарт – Спиноза – Кант // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С. 177-192.
 37. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149-162.
 38. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9.
 39. Творение Григория Богослова. Часть. 4. – М.: Московская духовная академия, 1844. – 369+LXXVIII с.
 40. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование // С.Н. Трубецкой. Сочинения. – М.: Мысль, 1994. – 816 с.
 41. Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с..

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».

2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.

3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).

6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).

7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:

- в тексте: [7, стр. 15].

- в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).

8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.

9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).

2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.

3. Почтовый адрес.

4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.

5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

2020, № 10

Выход в свет 09.11.2020. Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 348.

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

**ЦЕНТР ЗАЩИТЫ
ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

РОО «ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

Специалисты нашего центра всегда готовы проконсультировать Вас по любым вопросам, связанным с правами потребителей и защитой этих прав в таких сферах как:

- покупка-продажа недвижимости;
- покупка-продажа любых товаров;
- выполнение строительных или ремонтных работ;
- бытовые услуги;
- транспортные услуги;
- медицинские услуги;
- туристические услуги;
- кредитные вопросы;
- услуги ЖКХ;
- возврат мебели;
- страхование недвижимости и автомобилей.

ЧЕСТЬ И ЗАКОН
АДВОКАТСКОЕ БЮРО

Адвокатское Бюро «Честь и Закон»

В рамках Адвокатского Бюро можно получить услуги в следующих направлениях:

- гражданско-правовые споры, в т.ч. семейные;
- уголовный процесс;
- жилищное право;
- арбитражный процесс;
- административное право;
- трудовые споры.

**ПЕРВАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОЧТА**

Первая юридическая почта предлагает для физических и юридических лиц оказание услуг подачи любого документа посредством курьера в государственные органы без траты личного времени лица.

Это удобно, потому что предоставляется полное сопровождение документов:

- личная консультация и четкое определение гос. органа-получателя;
- составление и оформление юридически грамотных документов;
- своевременная доставка документов в государственный орган.

Преимущества использования Первой юридической почты:

- снятие ограничения по количеству обращений юридического лица в гос. органы за день;
- колоссальная экономия личного времени, нервов и денежных средств подающего;
- отсутствие необходимости в большом штате курьеров;
- отсутствие необходимости оформлять доверенность на подачу и получение документов.

Принципы нашей работы:

- гарантия полной конфиденциальности;
- индивидуальный подход к каждому клиенту;
- детальность и внимательность в каждом вопросе;
- стоимость услуг всегда соответствует результатам проведённой работы.

Лидер Консалт Право осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Комплексное юридическое обслуживание – это полное юридическое сопровождение финансово-хозяйственной деятельности компании по всем правовым вопросам (гражданским, трудовым, финансовым, таможенным, административным, налоговым, земельным), возникающим в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Сопровождение включает в себя широкий спектр услуг, в частности:

- регистрацию компаний и ведение малого бизнеса, помощь при оформлении фермерских хозяйств;
- регистрацию Некоммерческих организаций;
- аккредитацию иностранных филиалов и представительств;
- взаимодействие с государственными органами и иными организациями;
- консультации по вопросам корпоративного права;
- подготовку документов для лицензирования деятельности предприятия;
- открытие счетов, оформление зарплатных проектов;
- бухгалтерское сопровождение бизнеса;
- представление интересов в арбитражных судах РФ и судах общей юрисдикции РФ;
- правовой комплаенс;
- реорганизацию фирм, приведение в соответствие с законодательством, внесение изменений в учредительные документы;
- ведение процедуры банкротства компании;
- ликвидацию компаний.

**Адрес : г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, дом 78, корпус 2, лит. А, 6 этаж.
Тел: 642 01 11; 607 64 43; E-mail: info@legalhelp.pro**

СУМКИ И КАРТИНЫ РКНАМАТ

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Rkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

Rkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами – уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.

Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

**«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ
РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.**

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

**ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ
ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!**